

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 3 (225)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 3 (225). – 176 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николай Шмелёв.</i> Модернизация и международные интересы России.....	4
<i>Алексей Кива.</i> Россия и страны Востока после краха реального социализма и распада СССР	16
<i>Е. Новикова.</i> Внешняя и внутренняя миграция: Какие мигранты нужны в России	32
<i>Дамир Мухетдинов.</i> Современное медресе для современной уммы в России	37
<i>Р. Нуруллина.</i> Конфессиональная система в Татарстане.....	45
<i>Сергей Слуцкий.</i> Состав дагестанского террористического подполья (боевики, пособники и сочувствующие им) и его перспективы на ближайшее десятилетие (2010–2020)	48
<i>А. Крылов.</i> Азербайджан на пути постсоветского развития.....	59
<i>Р. Беккин.</i> Внедрение исламской финансовой модели в Киргизии	66
<i>Параг Ханна.</i> Узбекистан и Туркменистан: «Неуд» по поведению.....	71
<i>Георгий Рудов.</i> Цена суверенитета и генезис власти в постсоветских государствах Центральной Азии.....	82
<i>Роберт Ланда.</i> Исламизм в Центральной Азии и Россия.....	93
<i>М. Савушкина.</i> Россия и арабский мир: Сотрудничество и противоречия	104
<i>Николай Киреев.</i> Турция: Неудачи радикального исламизма и успехи умеренного.....	108
<i>Владимир Овчинский.</i> Афганистан: «Черный ящик» войны с терроризмом.....	131
<i>Дина Малышева.</i> Йемен как новая «горячая точка».....	148
<i>М. Мягкова.</i> Эмансипация в Тунисе	154
<i>А. Садыхова.</i> Евроислам: Две концепции и перспективы	159
<i>А. Дегтярев, В. Черноус.</i> Исламизм: Социологический дискурс	166

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Николай Шмелёв,
академик РАН,
директор Института Европы РАН
**МОДЕРНИЗАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Наверное, до сих пор еще ни в России, ни в мире не сложилось более или менее ясного представления, что значит ее современный курс на модернизацию и каковы в связи с этим ее сегодняшние и будущие международные интересы.

Ясно, что курс на модернизацию не может исчерпываться технической, так сказать, стороной дела, при всей важности таких направлений, как инновации, инвестиции, инфраструктура, информатика и даже интеллект как таковой. Модернизация, по определению, всеохватывающий процесс, и она не может не затрагивать все стороны общественной жизни страны, начиная от ее политической системы и кончая самочувствием каждого отдельного ее жителя. Модернизация, если она заслуживает этого названия, всегда революция. Разница только в том, насильственная она или ненасильственная, кровавая или бескровная, форсированная или в меру необходимости растянутая во времени.

И еще одно, в каком-то смысле, может быть, даже самое важное различие: имеются ли для модернизации благоприятные (или хотя бы нейтральные) внешние условия или ее приходится проводить в условиях ощутимого внешнего давления, а то и прямых войн с могущественными внешними противниками? В истории России только, пожалуй, Александру III удалось построить Транссиб без серьезных столкновений с кем бы то ни было. А так, от Петра I до XX в. включительно, – либо кровавые войны, либо максимальное напряжение народных сил под тяжелейшим бременем гонки вооружений.

Втягиваясь в процесс модернизации, страна должна прежде всего ясно сознавать цель, которую она перед собой ставит: что она собирается строить, каких перемен для себя желает и по какой цивилизационной дороге она дальше пойдет. Это может быть уже устоявшаяся евро-атлантическая цивилизация, это может быть сближение и все большее взаимопроникновение с динамичной восточно-азиатской цивилизацией, наконец, это может быть самостоятельная, в высшей степени самодостаточная цивилизация с очевидной опорой на чисто российские традиции. Выбор этот закладывается именно сейчас, на начальном этапе очередной нашей революции, т.е. модернизации.

Конечно, никто в здравом уме не возьмется предсказывать, что будет с миром и с нашей страной через два-три поколения. Но можно, видимо, с большой долей уверенности сказать, что при любом развитии событий (за исключением всемирной катастрофы) европейский способ жить, европейская культура, европейское мышление и одновременно извечная забота как освоить и сохранить восточную, азиатскую, часть страны будут составлять содержание российской цивилизации. Если для кого-то удобнее называть ее «евразийской» – что ж, слово как слово, главное, что оно тоже сохраняет всю специфику положения, в котором исторически находится наша страна.

Независимо от того, в какую сторону в будущем качнутся для России чаши цивилизационных весов, жизнь выдвигает ряд «императивов», которые мы, хотим того или не хотим, должны исполнить, причем даже скорее в порядке «предмодернизации», чем самой модернизации. Это прежде всего демографическая яма, в которой оказалась Россия; это сохранение ее территориальной целостности, особенно касательно ее Восточной Сибири и Дальнего Востока; это необходимость ее «второй индустриализации», чтобы восстановить примерно половину ее промышленного потенциала, погибшего в годы лихорадочных реформ, и сохранить другую его половину, которая может погибнуть в ближайший десяток лет из-за стремительного устаревания ее основных фондов; это создание не принудительного, из-под палки, а автоматического механизма инновационной активности компаний и предприятий и решение в этой связи проблемы взаимоотношений государства – олигархического (монопольного) – среднего и малого бизнеса; это преодоление углубляющегося аграрного кризиса и решение извечного российского «земельного вопроса»; наконец, это исправление колоссальной ошибки недавнего прошлого, выразившейся в крахе

российской фундаментальной и прикладной науки и профессионального обучения, эмиграции порядка 1/3 «российских мозгов», общем упадке образования, здравоохранения и культуры. Отдельный вопрос – колоссальная социальная дифференциация и недопустимо низкий жизненный уровень российского народа.

Сам по себе объем и предмодернизационных, и модернизационных задач столь огромен, что было бы неудивительно, если бы в современной России возобладали своего рода «изоляционистские» настроения. Пока страна не завершит свою очередную (на этот раз некровавую) революцию, нам по-настоящему ни до кого никакого дела нет. Свои задачи Россия вполне может решить, полагаясь в основном на свои собственные силы и ресурсы. Конечно, как и любой другой нормальной стране, нам нужны активные внешние экономические связи, особенно в сфере новых технологий. Нам нужно более или менее свободное движение капиталов в обе стороны. Нужно такое же движение (а не бегство) людей, и тоже предпочтительно в обе стороны. Но никаких специфических политических интересов, согласно подобной точке зрения, ни в одном районе мира у России быть не должно, включая даже и постсоветское пространство.

Россия и мир

Подобный подход (хорошо это или плохо – другой разговор) в современных условиях является, несомненно, чистой иллюзией. Россия и ее модернизация зависят во многом от внешнего мира, от того, насколько внешние условия враждебны или, наоборот, благоприятны ее намечаемым целям и усилиям. В этой связи вполне естественным становится вопрос: а что, собственно, России нужно от внешнего мира? В чем ее реальный интерес? И каково, соответственно ее место в современной системе международных отношений?

Нужна, конечно, прежде всего безопасность – от массированного внешнего нападения, от перенесения на ее территорию региональных конфликтов, от попыток подорвать ее изнутри. Думается, что сегодня такая безопасность может быть обеспечена без предельного напряжения национальных сил и ресурсов, без изматывающей гонки за «паритетом», без содержания огромной армии, состоящей в основном из призывников. Для защиты от массированного ядерного нападения извне нет нужды содержать даже современный уменьшенный ядерный потенциал, рассчитанный тем не менее на всеокрушающий ответный удар: хватит вполне

гарантированного уничтожения хотя бы нескольких ведущих городов и центров на территории вероятного противника. Эти же ударные силы вполне могут отразить агрессию и в случае массированного вторжения через наши границы каких-то крупных сухопутных соединений. На все же другие случаи безопасность может быть обеспечена компактными и подвижными контрактными силами. При этом никак нельзя недооценивать необходимость разработки и производства высокоточных обычных вооружений, в том числе и для использования их в возможных серьезных региональных или локальных конфликтах.

Реальная ситуация не только сегодня, но и в обозримом будущем такова, что Россия без всяких оговорок кровно заинтересована как в дальнейшем сокращении стратегических вооружений, так и в нераспространении оружия массового уничтожения. В этом смысле интересы и России, и США, и всего мирового сообщества в отношении опасностей, исходящих от Северной Кореи и Ирана, совпадают. Весь вопрос в приемлемой силе давления на эти страны с целью побудить отказаться от ядерного оружия.

Россия объективно заинтересована и в том, чтобы США поскорее выпутались из Ирака и Афганистана, куда они так нерасчетливо ввязались несколько лет назад. Причем речь идет не только о нефтяных интересах. Россия все больше и больше осознает разрушительную опасность наркотрафика, резко выросшего с присутствием американских и других международных сил в Афганистане. Причем эта угроза в растущих масштабах охватывает и ближайших ее соседей – страны Центральной Азии.

Россия заинтересована также в том, чтобы на смену соперничеству в регионе Каспия и Черноморья–Средиземноморья, прежде всего в сфере добычи и транспортировки нефти и газа, пришло многостороннее конструктивное сотрудничество, в рамках которого по единому международно разработанному плану были бы объединены в общую систему ресурсодобывающие и транспортные возможности всего этого обширного региона. В конце концов, отмеченный регион является уже сегодня не только серьезным конкурентом традиционным поставщикам нефти и газа (в том числе и сжиженного) из России, Ближнего Востока, Северного моря и других районов, но и по существу пока единственным известным мировому сообществу резервом на случай, если что-либо серьезное и непредвиденное произойдет на Ближнем Востоке.

Представляется, что Ближний Восток вообще стал сегодня средоточием всех политических проблем мира, поскольку реально

это, пожалуй, единственное место, откуда может вспыхнуть новый мировой пожар. Кто и с кем должен разговаривать, кто может быть действенным посредником, как долго могут продолжаться подобные переговоры, существуют ли, а если существуют, то какие, условия для компромисса, которого мир ждет уже более 60 лет, – все эти вопросы беспокоят Россию почти столь же остро, как и США, и Европу, и многие другие страны. В случае чего Россия даже помимо своей воли будет, несомненно, втянута в этот конфликт. Нужно ли это для ее модернизации, для новой ее революции? Ответ, думаю, очевиден.

Конечно, в практическом, так сказать, повседневном плане приоритетными для России традиционно являются наши отношения с Европой, а точнее, с Евросоюзом, объединяющим сегодня 27 европейских государств. Здесь наши главные партнеры по торговле, отсюда приходят к нам основные зарубежные инвестиции и кредиты, здесь находятся важнейшие для нас источники технологических заимствований, с Европой у России века назад сложились самые тесные культурные, образовательные, научные и просто человеческие связи.

Что нужно сегодня России от Европы? Возможно, это странно прозвучит, но, думается, прежде всего нужно, чтобы Европа, т.е. Евросоюз, не развалилась в обозримом будущем на несколько осколков. Россия искренне заинтересована в том, чтобы этот великий исторический эксперимент, может быть, самый конструктивный за всю мировую историю, выдержал все испытания и в любых обстоятельствах сохранил свою жизнеспособность и дееспособность.

Между тем нередко возникают опасения, что цели некоторых политических лидеров Евросоюза слишком амбициозны, что у основных плательщиков Евросоюза в конце концов не хватит средств на субсидирование (в том или ином виде) менее развитых стран-членов, что в непрекращающейся конкуренции между наднациональными претензиями Брюсселя и национальными интересами отдельных, особенно крупных, европейских государств исход в конечном счете может быть не в пользу Брюсселя. А к этому необходимо добавить намерения присоединить к Евросоюзу взрывоопасные балканские государства, а затем, возможно, и Турцию, и Украину, и Молдавию... Все на свете имеет свои пределы, и понятны опасения, что в конце концов может рухнуть под собственной тяжестью и вся конструкция.

В последние пару лет, в ходе мирового экономического кризиса, к политическим факторам возможной неустойчивости Евросоюза добавились и чисто экономические. Закачалась и покатила вниз единая валюта еврозоны – евро... Пугающие размеры бюджетных дефицитов и задолженности таких значимых стран, как Греция, Испания, Португалия, Италия, Ирландия, Венгрия, Латвия, заставляют руководство Евросоюза, лидеров ведущих европейских стран, Евробанк и Международный валютный фонд принимать экстренные меры, включая образование общего резервного фонда порядка 1 трлн. долл., чтобы спасти европейскую валюту. Вполне вероятно, что эти усилия дадут положительный результат, а некоторое снижение курса евро может оказаться даже полезным как средство повышения конкурентоспособности европейского экспорта. Однако нельзя не отметить весьма характерное в последнее время появление двух различных концепций поддержания еврозоны: «южной» – спасти всех при любых обстоятельствах, и «северной» – не останавливаться даже перед исключением из еврозоны отдельных стран, если они нарушат общие согласованные бюджетно-финансовые критерии. Другим долгосрочным интересом России в отношении с Евросоюзом следовало бы, наверное, считать продолжение движения по пути «дорожной карты», основные направления которой были разработаны и согласованы в 2005 г.

Выдвинув недавно идею коллективной «безопасности для всех», Россия продемонстрировала, что зафиксированная договоренность об «общем пространстве внешней безопасности» в Европе является для нее отнюдь не риторикой, а практическим руководством к действию. Нельзя не отметить также определенный прогресс в создании общего пространства «законности и порядка», или, по-иному, «внутренней безопасности». Россия строит собственный, во многом отличный от европейского вариант демократии. Но она его все же строит, шаг за шагом сближаясь с Европой в таких областях, как права человека, верховенство закона, борьба с такими антиобщественными явлениями, как коррупция, организованная преступность, распространение наркотиков, и пр.

Несомненно, процесс строительства российской демократии потребует немало времени. К примеру, если основу демократии – местное самоуправление – Европа строила с XII–XIII вв., Россия, по сути, только начинает это строительство. И никто, естественно, не знает, сколько для этого потребуется лет, а то и десятилетий, а то и поколений.

Определенный прогресс по еще одному направлению «дорожной карты» следует отметить в вопросе о распространении безвизового шенгенского режима на Россию. Может быть, не стоит сокрушаться, что этот прогресс пока достаточно медленный, а иногда и искусственно замедленный. В цивилизационном отношении свобода передвижения людей от Атлантики до Тихого океана может стать самым важным историческим сдвигом в судьбах всего евроазиатского континента. И разного рода нетерпеливые подталкивания вряд ли принесут в этом деле много пользы. Кроме всего прочего, шенгенский процесс теснейшим образом связан с созданием общего культурного пространства между Россией и Европой, а здесь сам естественный ход событий принял уже очевидную и достаточно интенсивную динамику.

Представляется, что на данном этапе самым важным и одновременно самым проблемным интересом России в Европе (имеется в виду прежде всего Евросоюз вообще и еврозона в частности) является экономический интерес. «Общее экономическое пространство», по определению, предполагает свободу передвижения через национальные границы всех факторов производства – товара, капитала, рабочей силы и знаний (услуг). В перспективе однодвух десятилетий наибольшие возможности может дать сотрудничество сторон в реализации планов «второй индустриализации» России, т.е. обновления значительной, если не решающей, части ее оставшегося еще промышленного потенциала, за счет импорта новейшего оборудования из стран ЕС. В Евросоюзе в интересующих Россию машиностроительных отраслях имеются как избыточные, незагруженные производственные мощности (что стало весьма ощутимо в период нынешнего кризиса), так и технологические разработки, представляющие особую ценность в связи с развалом российской прикладной науки и НИОКР.

При соответствующей политике средства для такого участия Евросоюза в российской модернизации имеются: во-первых, лежащие пока мертвым грузом российские золотовалютные резервы, сформированные в основном за счет нефтегазовых доходов и сегодня приносящие России до неприличия малую прибыль; во-вторых, требующая серьезнейшего государственного вмешательства склонность российских монополий не инвестировать, а продать или перевести за границу свои доходы; в-третьих, пока еще более или менее устойчивая репутация России как относительно надежного заемщика (в отношении государственного долга беспспорное, а в отношении корпоративного долга – с определенными

оговорками, но с большой надеждой на государственные гарантии в какой-либо сложной ситуации). Одним словом, покупать оборудование для модернизации нашего промышленного потенциала есть на что. Была бы политическая решимость (конечно, с двух сторон) на подобную стратегическую перемену курса, иными словами, на стратегический прорыв.

Было бы естественно также ожидать, что приток иностранного (европейского) капитала в конце концов станет устойчиво перекрывать отток (бегство) и его, и отечественного капитала. Так уже было в короткий период в предкризисные годы, причем речь идет, конечно, в первую очередь о прямых инвестициях и активности на фондовом рынке. В России сегодня задешево можно купить все: землю сельскохозяйственного и промышленного назначения, предприятия инфраструктуры, торговые возможности, достаточно квалифицированную (и неквалифицированную) рабочую силу и т.д.

Нередко, правда, можно слышать сетования на то, что иностранцев не пускают в некоторые стратегические отрасли (а таких становится все меньше), в добычу нефти, газа, металлических руд и т.д. Но не говоря уже об оборонных соображениях, можно, наверное, понять наших монополистов, которые до сих пор присваивают до 70% природной ренты на ресурсы (в Саудовской Аравии – 10%, в Норвегии – 20%) и делиться ни с кем, тем более с чужаками, такой благодатью не хотят. Можно понять и другую постановку вопроса: хорошо, мы вас пустим во все эти отрасли, а что мы получим взамен? Ведь вплоть до сегодняшнего дня и в США, и в Евросоюзе любое поползновение российских компаний приобрести какие-либо серьезные активы в ведущих отраслях экономики неизменно встречается в штыки.

Вполне возможно, что вопросы свободы и взаимной защиты инвестиций могут быть в принципе решены при затянувшейся подготовке другого варианта «Энергетической хартии». По крайней мере на сегодня принцип взаимности на словах уже признается. Думается, что серьезную положительную роль в энергобезопасности и энергоснабжении Европы сыграют новые проекты трубопроводов с востока на запад континента, а также достигнутые договоренности с Украиной о стабильности поставок через ее территорию.

Когда будут реализованы цели, намеченные в «дорожной карте», когда общее пространство будет охватывать и Евросоюз, и Россию, и большинство постсоветских государств, гадать сегодня

бесполезно. Думается, что это как раз тот самый случай, когда движение к цели, может быть, даже важнее самой цели. Очевидно, что на евроазиатском континенте развиваются сегодня (один более удачно, другой менее) два параллельных интеграционных процесса, и ни в чьих интересах препятствовать этому движению. Думается, что никогда ни Россия, ни Украина, ни Казахстан, ни Белоруссия не станут полноправными и полнокровными членами Евросоюза. Невозможно, например, себе представить что Россия когда-нибудь передаст основную часть своих полномочий (особенно политических) каким бы то ни было наднациональным органам в Брюсселе. Но если когда-нибудь (пусть через 50–100 лет) основные ценности, сам скелет и кроветворная система гигантского общественного организма, раскинувшегося от Атлантики до Сахалина и Камчатки, будут похожи на нечто единое, – об этом стоит не только мечтать, но ради этого стоит работать уже сегодня. И любой позитивный шаг в этом направлении, включая, конечно, и подписание нового обязывающего соглашения о партнерстве и сотрудничестве, можно и должно только приветствовать.

Россия и страны постсоветского пространства

Другим важнейшим приоритетом России в создании благоприятных внешних условий для ее модернизации является основная часть постсоветского пространства. Причины этого объяснять не надо. Вековые цивилизационные, исторические, чисто человеческие связи, а в некоторых областях не только традиционные рынки сбыта, но еще сохранившиеся потребности в производственной кооперации, – все это имеет свою собственную логику развития. И после почти двадцати лет испытания на разрыв многое сегодня говорит, скорее, не о разрыве, а о намечающемся новом сближении.

Скажем, даже если центральноазиатские государства сумеют все-таки отладить свои ирригационные системы и остановить дальнейшее расхищение ресурсов Амударьи и Сырдарьи, все равно восстановление Арала немислимо без какого-то крупного международного проекта, основными участниками которого не могут не быть и ряд других постсоветских стран, включая Россию. Столь же исторически важными могут стать объединенные со временем в единую систему различные проекты международного транспортного коридора (или коридоров) Запад – Восток.

Правда, России в этом отношении следовало бы отказаться от некоторых иллюзий и признать, что роль определенного донора

и в Таможенном союзе России, Белоруссии, Казахстана, и в более широких постсоветских интеграционных образованиях для нее неизбежна. Конечно, можно понять ее современную сдержанность в этом вопросе. Более 40 лет, например, мы продавали Восточной Европе все за 30% мировой цены, а покупали у этих стран их продукцию (с учетом ее качества) за 200% мировой цены. И что в итоге мы за это получили? А кто-нибудь догадался хотя бы спасибо сказать нам за то, что после распада Советского Союза Россия более 15 лет откровенно субсидировала другие постсоветские государства, правда, спрятав эти субсидии в цену своих товаров, в частности, нефти и газа?

Попытка отказа от этой несправедливой практики и перехода к нормальным рыночным условиям, конечно, несколько затормозила интеграционные процессы на постсоветском пространстве. В принципе подобные изменения в российской политике и практике были, несомненно, правильны. Думается, однако, что и в дальнейшем без каких-то форм субсидирования (пусть и в ограниченных масштабах) нам все же не обойтись. Этого, наверное, не удастся избежать и при реализации обсуждаемого сегодня проекта нового международного финансового центра в Москве, основу которого по необходимости должен составить российский рубль.

С момента распада Советского Союза угрозой существованию и внутренней стабильности постсоветских государств была отнюдь не Россия. Напротив, она как раз была (и остается) важнейшим фактором хоть какой-то стабильности на всем постсоветском пространстве. Вооруженный конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, длительная племенная резня в Таджикистане, война в Молдавии между Кишиневом и Тирасполем, непрерывные попытки не раз менявшейся администрации Грузии силой удержать в ее составе Южную Осетию и Абхазию (вплоть до войны августа 2008 г.), кровавые мятежи в Киргизии, Узбекистане и вновь в Киргизии, угроза распада Украины на несколько даже не автономных, а вполне независимых образований – во всех этих событиях роль России всегда была конструктивной (в крайнем случае, нейтральной). И сколько бы ни заявляли некоторые лидеры и влиятельные политики США, а нередко и Евросоюза, что Закавказье, Каспий, Центральная Азия и пр. – это зона непосредственно их интересов (и, естественно, ответственности), постсоветское пространство всегда было и останется зоной преобладающего влияния России. Так распорядилась история, а не «многомятежное человеческое хотение».

Восточный вектор в политике России

Вместе с тем нельзя не видеть, что определенные объективные факторы заставляют Россию в последние годы частично переориентировать свои интересы и связи на Восток. Это, несомненно, огромная по значению международная проблема, и контуры ее возможного масштабного решения уходят куда-то далеко за видимый временной горизонт. Соседство с могущественным и ускоренно набирающим еще большую силу Китаем, сдвиг промышленного, а отчасти и финансового мирового центра силы в Юго-Восточную Азию, проблема непрерывающейся депопуляции российской Восточной Сибири и Дальнего Востока, трудности, а может быть, даже и невозможность для России освоить эти регионы только своими силами, без массивной иммиграции и притока капитала из-за рубежа, – все это заставляет крайне серьезно относиться к восточному вектору во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии современной России.

По крайней мере сегодня и в видимой перспективе ситуация для интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе складывается достаточно благоприятно. Всем понятные общие и специфические гарантии безопасности, урегулированность с китайской стороной всех пограничных проблем, огромные возможности для модернизации и «второй индустриализации», которые предоставляют импорт техники и заимствование передовых технологий из таких стран региона, как Япония, Китай, Южная Корея, наконец, надежные и постоянно растущие рынки сбыта для традиционного, преимущественно энергосырьевого экспорта России, а также создание современных трансграничных коммуникационных и транспортных систем составляют комплекс внешних условий, которые ставят Россию в высоко конкурентное положение с очевидной выгодой для нее. Ибо она постепенно приобретает самое, может быть, главное – право выбирать. Не случайно на Западе этот вопрос уже начали обсуждать с предельной серьезностью и открытостью.

Не стоит, видимо, даже и сегодня отворачиваться от еще одной, в высшей степени неясной пока проблемы – возможной массивной иммиграции в Россию извне. Любая мыслимая чисто переселенческая (из внутренних регионов России и ближайших постсоветских государств) политика объективно не может решить проблему депопуляции восточных регионов страны. Опыт Екатерины II здесь тоже вряд ли поможет: не те масштабы, да и остатки

«неприкаянного» европейского населения сохранились разве только в Южной Африке. Сегодня ни руководство страны, ни тем более ее население не готовы не только решать, даже и ставить этот вопрос. Однако жизнь идет, и, вероятно, рано или поздно его решать все же придется.

И евро-атлантический, и восточно-азиатский векторы международной политики России отнюдь, конечно, не означают, что ее интересами в других регионах мира можно и пренебречь. Помимо общеполитических соображений эти регионы представляют для нее, возможно, единственную реальную надежду (если она всерьез ставит перед собой задачу модернизации, чтобы не скатиться в ближайшие одно-два десятилетия окончательно к статусу энергосырьевого придатка высокоразвитого мира) прорваться на мировые рынки с высокотехнологической, да и просто высокотехнической продукцией. Сегодня высокотехнологическая продукция составляет менее 1% ее экспорта, а машины и другая продукция высокой степени обработки – менее 10%. Неприученной и непривыкшей к жесткой конкуренции России не скоро удастся отвоевать себе достойное место на рынках индустриальных стран. А на рынках развивающихся государств она (естественно, при сохранении должного качества продукции) может конкурировать хотя бы условиями поставки – ценой, кредитом, запчастями, надежным обслуживанием и пр.

В этой связи встает, понятно, вопрос: будет ли в конце концов Россия в обязательном порядке подчиняться правилам ВТО или она останется еще надолго (а то и навсегда) аутсайдером? Как известно, переговоры о вступлении России в эту организацию идут уже около 15 лет и пока все еще балансируют на грани срыва. Думается, сложившаяся ситуация не может быть оценена однозначно. Конечно, выгода от вступления в ВТО для наших экспортеров некоторых первично обработанных видов продукции (например, металлов) в результате снижения тарифов, отмены квот и прямых запретов и пр. представляется реальной: по ряду оценок она может достичь 3 млрд. долл. в год (т.е. порядка 2% нашего экспорта). Удешевление импорта новой техники и технологий в результате устранения всякого рода препятствий, в том числе налоговых, тоже вполне реально. Но как режим ВТО с его отменой или заметным ограничением таможенных тарифов и других импортных барьеров скажется на интересах наших и без того дышащих на ладан отечественных производителей (например, текстильной или швейной, пищевой или автомобильной отраслях промышленности,

а также на сельскохозяйственном производстве)? Думается, пока они так или иначе не поднимутся, стратегия модернизации в результате вступления в ВТО может вновь (в который раз) столкнуться с самыми разрушительными последствиями.

Определенная настороженность в этом вопросе вполне понятна. Международные организации тоже ведь бывают разные. Есть ООН, но есть, скажем, и НАТО. И разгромленная, разбомбленная ни с того, ни с сего Югославия является убедительным предупреждением, что в подобных вопросах осторожность и осмотрительность никогда не помешают.

Россия активно участвует в работе «восьмерки», а теперь и «двадцатки», она является членом МВФ и Мирового банка, она высоко ставит свое членство в ШОС и ОДКБ, она ведет регулярные консультации и переговоры по линии Россия – НАТО и Россия – Евросоюз, включая и недавнюю совместную ростовскую инициативу «Партнерство для модернизации». В конце концов, это та густая сеть соглашений и организаций, которая так или иначе опутывает сегодня все континенты. И провозглашенный Россией курс на радикальную модернизацию страны, не угрожая никому, органично вписывает ее в то русло, по которому движется сегодня весь цивилизованный мир.

«Современная Европа», М., 2010, № 4, с. 7–16.

Алексей Кива,

доктор исторических наук (ИВ РАН)

РОССИЯ И СТРАНЫ ВОСТОКА

ПОСЛЕ КРАХА РЕАЛЬНОГО

СОЦИАЛИЗМА И РАСПАДА СССР

После распада СССР и краха реального социализма все внимание нашей новой политической элиты сосредоточилось на странах Запада и США в особенности. Но не только элитой, но и значительной частью широких слоев населения отношения Россия – Запад воспринимались как новая страница в нашей истории. «Запад нам поможет» – эти слова можно было слышать в самых разных аудиториях. Эти ожидания возникли еще в годы инициированной М. Горбачёвым перестройки и покоились на том, что новое советское руководство сделало ряд крупных шагов в интересах коренного улучшения отношений СССР со странами Запада и в первую очередь с США. Покончило с гонкой вооружений, пошло

на сокращение ракетно-ядерного потенциала, в том числе на уничтожение самых мощных и совершенных в мире ракет СС-20 («Сатана»), способных преодолевать любую противоракетную оборону противника. Согласилось на объединение двух Германий (а фактически на поглощение ФРГ ГДР) и ликвидацию военного блока социалистических стран – Организации Варшавского договора (ОВД). Притом что оно доверилось устным заверениям лидеров западных стран, что военный блок НАТО не будет расширяться за счет стран, входивших в ОВД. Горбачёв и его ближайшее окружение провозгласили своей целью устранение всех препятствий на пути интеграции СССР в европейское сообщество – «вхождение в общеевропейский дом».

Президент РФ Б.Н. Ельцин пошел еще дальше. При участии прозападной либеральной интеллигенции и безучастии широких слоев населения, разочаровавшихся в реальном социализме, он активно работал на разрушение «красной империи», как называли на Западе СССР, и социалистического строя. И, повторюсь, не только новой элите, либералам-западникам, но и многим нашим простым гражданам казалось, что коль скоро Россия как несущая конструкция СССР сама ликвидировала враждебный Западу государственный и общественный строй, то он, Запад, просто обязан помочь нам и совершить конверсию, и с наименьшими издержками перевести государственную плановую экономику на рельсы рыночного развития.

Эта вера была настолько сильна в окружении президента РФ Ельцина, что Россию стали реформировать по модели, созданной в США, и при непосредственном участии американских советников во главе с профессором Гарвардского университета Джефффри Саксом, который, как потом стало известно, давал не только советы правительству, но и готовил для президента Ельцина проекты указов. После провала реформ в свое оправдание Сакс скажет, что американские советники при правительстве Ельцина–Гайдара оказались в ситуации хирурга, который видел, что операция неизбежна, однако когда он вскрыл больного, то увидел, что органы у него расположены не так, как у людей, которых он до этого оперировал. Но если за этим нет лукавства, то это больше говорит о неопытности «хирурга», нежели об особенностях анатомии «больного».

И еще. Почему-то Ельцину и его окружению не приходила в голову очень простая мысль: Америка не заинтересована в успешном реформировании новой России, дабы та не стала центром сплочения стран СНГ в более тесный союз, чем-то напоминающий

СССР. Мне откровенно говорила об этом канадская журналистка, работавшая в Москве: «Как вы понимаете, господин Кива, Запад не хочет допустить создания на базе распавшегося СССР новой сверхдержавы. И ключевой вопрос для нас состоит в том, чтобы не допустить сближения Украины с Россией». Понятно, что если обвалить экономику и обесточить госбюджет, то тут на первый план встанет вопрос о выживании самой России, вынужденной с протянутой рукой стоять перед западными финансовыми центрами, которые к тому же будут диктовать ей, что и как делать. И это, как известно, и делал Международный валютный фонд (МВФ).

Забегая вперед, скажу, что отрезвление ельцинской команды наступило лишь тогда, когда, вопреки обещаниям, Запад стал продвигать НАТО на Восток, а высокопоставленные чиновники Белого дома стали открыто заявлять о намерении США «осваивать постсоветское пространство». То есть тормозить процесс интеграции в странах СНГ с конечной целью свести на нет влияние России в странах, с которыми она сотни лет жила в едином государстве. А агрессия стран НАТО против Югославии в 1999 г. поставила крест еще на одном мифе руководства постсоветской России – на счет того, что у нашей страны больше нет внешних врагов.

Именно ориентация только на Запад, на его помощь, на его подсказки по части реформирования страны в последние годы существования СССР, а затем и в новой России привела к свертыванию наших связей со странами Востока, к потере позиций, завоеванных нелегкой ценой, а нередко и кровью. Мы, по сути, бежали из стран «третьего мира», включая те, в которые мы вложили десятки миллиардов долларов, с которыми у нас были самые широкие и взаимовыгодные связи или которые имели для нас важное стратегическое значение. Мы потеряли многие дружеские режимы, которые в тяжелое время противоборства двух общественных систем и двух военных блоков были на нашей стороне. Скажем, поддержки мы умеренный режим Наджибуллы в Афганистане – и ситуация там могла бы сложиться совсем по-другому, чем она сложилась. Это же относится и к некоторым другим дружественным нам режимам. Мы оставили военную базу Камрань во Вьетнаме, хотя нас никто оттуда не выталкивал. Даже с Индией наши торгово-экономические отношения скукожились до невероятно малой величины. И лишь острая необходимость поддерживать от окончательного разрушения наш ВПК (ныне ОПК) заставляла новые российские власти смотреть в сторону Востока.

Однако не меньшее значение наиболее продвинутые страны Востока имели для нас и с точки зрения их опыта экономической модернизации. Наши, горбачёвские реформаторы и ельцинские демократы не понимали простой вещи. Ученые и специалисты в странах Запада, за редким исключением, не знали и до сих пор не знают, какими методами, через какие этапы, ступени совершается переход от государственной экономики к рыночной. Даже там, где это имело место, это было давно и давно забыто. Мой опыт пребывания в качестве приглашенного профессора в научно-исследовательском институте в ФРГ убедил меня в этом. Лишь отдельные ученые старшего поколения помнят, что и послевоенная Германия (Западная Германия) строила новую экономику последовательно, от низшей ступени к высшей, и с немалой долей государственного регулирования. Никаких «шоков» и обвальных грошовых приватизации там не было. Да, там не было и плана, как во Франции или в Японии, но там были «рекомендации» центральных властей субъектам экономического процесса, которым следовали законопослушные немцы. А обвальную ликвидацию государственного сектора и, прежде всего нерентабельных производств, в бывшей ГДР нельзя назвать удачным опытом. Это породило острейшие экономические, социальные и духовно-нравственные проблемы в «новых землях» (бывшая Восточная Германия), потребовало гигантских средств со стороны «старых земель» (бывшая Западная Германия) и надолго затормозило быстрый рост объединенной Германии.

Где был нужный нам опыт? Он был в Японии, Южной Корее, Индии и особенно в Китае, поскольку там создавалась рыночная экономика в сходных с нашими условиях господства централизованной плановой экономики. Еще в годы горбачёвской перестройки наши выдающиеся ученые предлагали властям обратиться к опыту Китая, начавшего реформы в конце 1978 г. и за первые 10 лет добившегося колоссальных успехов. Схожую с китайской модель, в частности, предложил наш видный экономист академик РАН В. Полтерович. А крупный специалист по Китаю академик В. Мясников даже пригласил в Москву для беседы с кремлевскими экономистами гениального, по его словам, китайского экономиста Чэнь Ицзы, которого Дэн Сяопин, придя к власти, в буквальном смысле слова вытащил из тюрьмы, куда его в 1956 г. запрятали маоисты за «буржуазный уклон». Именно Чэнь Ицзы сыграл важнейшую роль в создании китайской модели реформ.

Однако старания наших ученых оказались тщетными. Так называемые «консерваторы» (сторонники Е. Лигачёва) видели в китайской модели «отступление от марксизма-ленинизма, а «реформаторы» (сподвижники М. Горбачёва, Э. Шеварднадзе и А.Н. Яковлева) боялись не угодить «западным друзьям» и западному общественному мнению, осуждавшим китайское руководство за антидемократическую политику. А что касается прозападно настроенных ельцинских либерал-демократов (Е. Гайдар, А. Чубайс и др.), то они напрочь отметали опыт стран Востока. А ведь было немало ценного и в деятельности финансово-промышленных групп Японии и Южной Кореи, в том, как в этих странах государство стимулирует внешнюю торговлю и технический прогресс, обеспечивает приток в экономику передовых западных технологий. И у Индии можно было поучиться глубоко продуманной поэтапной приватизации и финансово-банковской политике, препятствовавшей бегству из страны капитала.

Чтобы не обрушить экономику, социальную сферу и научно-техническую инфраструктуру, не породить редкие в мировой истории организованную преступность и коррупцию, не взорвать духовно-нравственную атмосферу, не усугубить до предела демографическую проблему и не вызвать «сверхсмертность», нам нужна была совсем другая модель. Нам нужен был сравнительно длительный этап госкапитализма, через который прошли практически все «новые индустриальные страны», и наш социализм, пусть казарменный или «нищий», как называли его в Польше, надо было не разрушать «до основанья», а трансформировать в общество социал-демократического типа по примеру Скандинавских стран.

За годы, прошедшие после развала СССР и краха мирового социализма, в странах Востока произошли и происходят разнонаправленные события, на которые следует лишь указать, не выстраивая их в какой-то логический ряд.

Первое. Исчезли с политической сцены страны социалистической ориентации, уменьшилось, но не сошло на нет влияние в обществах стран Востока социалистической идеи. В целом ряде стран, которые мы считали странами социалистической ориентации, у власти находятся все те же партии, что и раньше. Многие партии афро-азиатского мира, включая и правящие, входят в Социалистический Интернационал (Социнтерн). Не отказались от социалистической идеи Китай, Вьетнам и Лаос. Вполне возможно, что идея социализма в том или ином обличье («новый социализм», «третий путь» и пр.) в афро-азиатском мире в ближайшем буду-

щем обретет второе дыхание. Что уже происходит в странах Латинской Америки. Проявится ли эта тенденция на других континентах под влиянием мирового кризиса, сказать трудно.

Второе. Ускорила дифференциация афро-азиатских стран по уровню развития. Этому в немалой мере способствовал набирающий обороты процесс глобализации. По-прежнему называющий себя развивающейся страной Китай вот уже 30 лет демонстрирует редкие в мировой истории, тем более для такой огромной страны, темпы роста ВВП (в среднем 10% в год) и промышленного производства (до 15% в год). Ускорило развитие (8–9% – ежегодный рост ВВП) второй крупнейшей страны мира – Индии. Пережив глубокий финансовый и политический кризис, четвертая в мире по численности населения страна – Индонезия добилась в последние годы значительных успехов и вошла в число «новых индустриальных стран» третьего поколения. В клуб развитых стран уже фактически вступила Республика Корея, с каждым годом увеличивающая ассортимент и объем высокотехнологичной продукции. Быстрый рост характерен практически для всех «новых индустриальных стран». Зоной социально-экономического застоя являются лишь несколько азиатских стран, и в частности Мьянма (бывшая Бирма).

В арабском мире завидный прогресс демонстрируют богатые нефтью страны Персидского залива, и в первую очередь Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), умело использовавшие высокие цены на нефть для ускорения своего развития. Успехи Саудовской Аравии в экономическом развитии (помноженные на огромные запасы нефти) обеспечили ей место в «группе двадцати» (G20), где она стала единственной страной арабского мира. В то же время целый ряд арабских стран (Алжир, Йемен и др.) по-прежнему стоят перед острыми социально-экономическими проблемами, что сказывается на их политической стабильности.

Неожиданно для многих на африканском континенте в числе наиболее быстро растущих стран оказалась Южно-Африканская Республика, в которой долгое время царил режим апартеида и расовой дискриминации. Сказалась мудрость последнего белого президента Фредерика Де Клерка, который в 1991 г. отменил закон о сегрегации и вместе с проявившим не меньшую мудрость Нельсоном Манделой взял курс на создание условий для формирования в ЮАР многорасового общества. Став в 1994 г. президентом, Мандела не стал ущемлять белое меньшинство и, в частности, вытес-

нять его из экономической и общественной жизни (как это, например, имело место в Зимбабве). Напротив, он активно продолжал взятый на формирование многорасового общества курс, который успешно продолжает сменивший его на посту президента (1999) Табо Мбеки. И как результат, ЮАР стала единственной африканской страной, которая вошла в «группу двадцати» (G20).

Пока еще большинство стран Тропической Африки находятся в бедственном положении. Именно это стало основной причиной многочисленных кровавых этнических конфликтов и гражданских войн, появления партизанских движений и террористических организаций. На смену ушедших в прошлое тиранических режимов в Уганде, Центрально-Африканской Республике и некоторых других странах пришли новые тиранические режимы, и прежде всего в Судане и Зимбабве.

От повстанческих движений, террористических организаций и особенно терактов не свободны и страны других регионов. В числе этих стран Алжир, Индия, Пакистан, Шри-Ланка, Египет, Индонезия, Турция и др. Некоторые авторы высказывают сомнительную мысль о том, что в такую brutальную форму перерастает национально-освободительное движение.

По сходной логике можно утверждать, что оно, национально-освободительное движение, «перетекает» в развитые страны. Сопровождавшиеся бессмысленными поджогами машин и разрушением объектов социальной инфраструктуры бунты иммигрантов – выходцев из бывших французских колоний в пригородах Парижа и других крупных городов осенью 2005 г. (так называемая «Осенняя интифада-2005») – это тоже, пусть и извращенная, но борьба за свои права, только уже в метрополии. Бунты арабомусульманской молодежи перекинулись и на некоторые другие европейские страны, хотя и не получили там широкого размаха. Весной 2007 г. бунты в пригородах Парижа повторились, хотя и не в прежних масштабах. Их повторение возможно и в будущем.

Мир поистине стал неделим, и беды бывших колоний неизбежно будут давать о себе знать (и уже дают!) в бывших метрополиях и развитых странах вообще. Даже если резко уменьшить приток иммигрантов из бывших колоний в западные страны, то и в этом случае численность выходцев с «бедного Юга» будет неуклонно увеличиваться по отношению к коренному населению за счет быстрого естественного прироста. Поэтому если «богатый Север» хочет сохранить нынешнюю политическую и социальную стабильность, то он, с одной стороны, должен повернуться лицом

к «бедному Югу», а с другой – серьезно заняться проблемой интеграции выходцев с «Юга» во все структуры общества, а в перспективе – в каких-то странах – возможно, формированием многорасового общества, как это имеет место в США.

Третье. В условиях резко ускорившейся глобализации наибольших успехов добиваются те страны, которые, используя свои естественные преимущества (скажем, богатые запасы ценного сырья, в большей или меньшей степени развитую инфраструктуру, квалифицированную и/или дешевую рабочую силу, вековые навыки ремесла, выгодное географическое положение и пр.), активно включаются в глобальную экономику и занимают свои ниши в мировом разделении труда. На этих принципах выросли «азиатские драконы». Фактически на этих же принципах состоялось и «экономическое чудо» Китая. Рост инновационного сектора экономики Индии тоже покоится на этих принципах.

В то же время глобализация как объективный процесс, направляемый, однако, наиболее развитыми странами, во главу угла ставит конкурентоспособность технологий, товаров, услуг, национальных экономик в целом. В этих условиях наименее развитые страны оказываются в чрезвычайно трудном положении. Собственными силами они не могут найти себе достойного места в мировом разделении труда. Ибо далеко не у всех есть такие естественные преимущества, которые позволяют им сформировать конкурентоспособные производства, не говоря уже о конкурентоспособных экономиках. Сохранившаяся монокультурная направленность экономики может быть преодолена только с помощью развитых стран. Бедственное положение многих бывших колоний, конечно, имеет ряд причин. Но одной из очевидных является то, что когда мировая система социализма потерпела крах, наиболее бедные развивающиеся страны, за выбор общественного пути которых боролись две мировые общественные системы, на долгое время выпали из сферы интересов великих держав.

Четвертое. В постсоветскую эпоху в странах Востока возникла угроза появления новых ядерных стран (КНДР, Иран). Став единственной в мире сверхдержавой и посчитав себя вершителем судеб мира, США под фальшивым предлогом совершили агрессию против Ирака и пригрозили расправой с государствами «оси зла», в число которых включили КНДР и Иран. Все это, с одной стороны, заставило эти страны ускорить разработку ядерного оружия, привело к победе на президентских выборах в Иране самого радикального кандидата в президенты, «заморозило» трансформацию

северокорейского изоляционистского режима, а с другой стороны, способствовало превращению до этого, по существу, светского Ирака в рассадник исламского фундаментализма.

Вызовы для России в XXI в.

Известно, что президент Д. Медведев еще в ходе предвыборной президентской кампании выдвинул идею модернизации страны в составе четырех «и»: институты, инновации, инфраструктура, инвестиции. Потом появилось и пятое «и» – интеллект, т.е. знания. Это дало старт обсуждению проблем модернизации страны в общественных и особенно научных кругах. Уже после избрания президентом Д. Медведев призвал ученых РАН высказать свои соображения о проблемах модернизации страны и поручил созданному под его кураторством Институту современного развития (ИНСОР) разрабатывать эту проблематику. А в своей интернет-статье «Россия, вперед!», опубликованной на официальном президентском сайте 10 сентября 2009 г., Медведев дал развернутую картину преобразований, которые в итоге должны превратить Россию в современное процветающее демократическое государство. Я напомним вкратце содержание этой статьи.

Во-первых, президент поставил вопрос о комплексной модернизации России, включая политическую систему, а не только экономику. Но модернизацией постепенной, поэтапной, не нарушающей стабильность в стране. Конечная ее цель – построение процветающего, открытого демократического общества на базе инновационной экономики.

Во-вторых, в отличие от того, что говорилось правительством и руководством Госдумы по поводу нашего быстрого экономического роста, Медведев подчеркнул тяжелое положение российской экономики, которая, по существу, не развивалась последние 20 лет, не считая роста ВВП за счет небывало высоких цен на экспортируемое сырье. Указал и на причины фактического неразвития страны.

В-третьих, президент заявил, что «модернизация российской демократии, формирование новой экономики возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично. Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки и Азии». Так откровенно и честно до Медведева еще никто не говорил из высших должностных лиц.

В-четвертых, президент по-новому поставил вопрос о проведении государством внешней политики, которая бы исключала враждебность, обидчивость, кичливость, закомплексованность, ностальгию и пр., а основывалась на «стратегических долгосрочных целях модернизации России».

Появление этой статьи стимулировало уже идущие дискуссии о путях и методах перевода сырьевой экономики страны на рельсы инновационного развития. До этого мнение крупнейших ученых РАН чиновники, определяющие экономический курс государства, практически всегда игнорировали, что, как стало теперь очевидно всем, имеет катастрофические для страны последствия. В погоне вначале за дележом собственности, созданной тремя поколениями россиян, а затем за легко получаемыми деньгами от продажи углеводородов правящий класс предал забвению идею развития. Как заявил академик РАН Р. Нигматулин, то, что считалось у нас экономическим ростом после 1999 г., на деле есть время потерянных возможностей. Мы потеряли машиностроение, авиастроение, производство бытовой электроники, лекарств и пр. Мы начали прогрессирующе отставать уже и от стран, которым СССР помогал создавать зачатки экономики и научно-технической инфраструктуры. Как отметил директор ИМЭМО РАН академик РАН А. Дынкин, «по эффективности наша экономика находится примерно на уровне западноевропейской конца 60-х годов и Южной Кореи – начала 90-х годов». Как с горечью сказал академик РАН В. Маслов, «кризис можно было предотвратить», а «нынешнее отречение от науки на деле самоубийственно для страны». Об этом же не раз заявлял и лауреат Нобелевской премии академик Жорес Алферов.

Иначе говоря, обращение президента Медведева ко всем, кому есть что сказать о путях развития страны, высказывать свое мнение на этот счет, нашло широкий отклик. Но начну все по порядку. В конце февраля 2008 г. в Институте экономики РАН обсуждался доклад «К программе социально-экономического развития России на 2008–2016 гг.», подготовленный сотрудниками РАН во главе с членом-корреспондентом РАН, директором Института экономики РАН Русланом Гринбергом. В центре стояла проблема перевода экономики на инновационный путь развития. И Р. Гринберг, и академики Н. Петраков и Л. Абалкин, и другие крупные ученые подчеркивали, что для решения такой грандиозной задачи в условиях продолжающейся примитивизации экономики нужно изменить экономический курс и социальную политику, сменить

систему интересов участников экономического процесса, поменять приоритеты в политике государства, возродить реальную политическую оппозицию, восстановить диалог «власть – общество», трезво оценить демографическую проблему и решить много других сложнейших проблем.

Обсуждались в ИНСОП и четыре сценария развития России: инерционный (т.е. продолжать прежний курс, делая при этом минимальные усилия для диверсификации экономики); сценарий «рантье» (полученную от экспорта валюту в экономику не пускать, а направлять в зарубежные банки и обращать в ценные бумаги, и жить на проценты, что давно предлагали нам МБ и МВФ); мобилизационный сценарий (как в СССР и нынешнем Китае) и модернизационный сценарий. Два первых сценария были расценены как тупиковые, третий в ИНСОП считали невыполнимым в условиях резкого расслоения общества и «победы» частного интереса над общественным, а четвертый был признан перспективным, но с малыми шансами на успех из-за глубокого отставания России.

Сценарии были подвергнуты критике, но, к сожалению, то, что говорится в докладе ИНСОП, появившемся в начале февраля 2010 г. за подписью председателя его правления И. Юргенса и члена правления Е. Гонтмахера под названием «Россия XXI века: Образ желаемого будущего», вряд ли поможет президенту Медведеву в его практической деятельности. Сомнительна уже сама методология, когда авторы отталкиваются не от наших злободневных проблем и поисков путей их решения, а от светлого будущего, которое наступит неизвестно когда и которое как две капли воды похоже на настоящее стран Западной Европы.

Сомнителен и метод – на многие годы и десятилетия вперед моделировать нашу экономическую и политическую систему, структуру силовых ведомств, включать Россию в Евросоюз и НАТО. Как будто бы авторы доклада не знают, что в мире есть силы, в том числе в нашей стране, которые хотели бы посорить Россию, находящуюся на стыке Европы и Азии, с быстро растущими восточными странами-гигантами, и прежде всего с Китаем. В то время как национальные интересы России диктуют ей необходимость проводить многовекторную политику, не смещаясь в сторону ни Запада, ни Востока.

И сама идея приоритета демократии над развитием и сомнительна, и неосуществима. В ходе дискуссии в ИНСОП по этому докладу Е. Гонтмахер заявил: «Модернизация сейчас, в условиях несвободы, в принципе нереализуема. Сейчас, в постиндустриаль-

ную эпоху, такого не бывает. Переход в сторону этатизма, культура власти в новом мире заведомо непродуктивен. Обновление политической системы становится обязательной составляющей модернизации. Это пункт, на котором мы настаиваем. Он недостаточен, но он необходим. Модернизация, начавшись в политике и распространившись на повседневные практики, откроет возможности свободной самореализации наиболее активных и продуктивных категорий граждан, привлечения массовых инвестиций в виде умов и рук. От политики к экономике и наоборот».

Пожалуй, дальше можно и не продолжать. Ибо это абсолютный отрыв от массовых настроений, от соотношения сил в стране и исторической практики и даже от понимания того, есть ли в стране силы, на которые можно было бы опереться при проведении такой политики, учитывая, что идеи демократии и либерализма, дискредитированные в 90-е, отторгаются большинством россиян. А ссылка Юргенса на то, что и президент Медведев стоит за комплексную модернизацию, ничего не меняет, поскольку президент, напротив, не ставит телегу впереди лошади, он говорит, что совершенная политическая система и развитая демократия вырастают из зрелых экономических и социальных отношений.

О том, что нашему развитию мешает отсутствие реальной оппозиции, реальной свободы прессы, реального разделения властей, свободных выборов, ущербная кадровая политика опоры на «своих», многие из нас говорят уже давно.

Но это, во-первых, не значит, что в нынешних условиях невозможно проводить модернизацию. Ее начинали гораздо в худших условиях в Южной Корее, на Тайване и ряде других стран и в конечном итоге добились огромных перемен, в том числе с области политических прав и гражданских свобод. Я уже не говорю о том, что «массовые инвестиции в виде умов и рук» идут в такие страны, как Китай, где есть не демократия, а стабильность, порядок, четкие правила игры, гарантия частной собственности, личная безопасность и, разумеется, выгода. Во-вторых, почти везде и всюду модернизация начинается с экономики и при самом активном участии государства.

То, в каком состоянии ныне находится наша экономика и какие должны быть заложены принципы в сценарий ее перехода к инновационной экономике, обсуждается крупнейшими учеными РАН (академики Ж. Алферов, В. Велихов, С. Григорян, А. Дынкин, В. Ивантер, А. Макаров, А. Некипелов, Р. Нигматулин, К. Скрябин, член-корреспондент РАН Б. Кузык и др.). При этом

приводятся удручающие факты и цифры нашего отставания от передовых стран.

Так, по данным Е. Велихова, Россия по уровню производительности труда в промышленности отстает от США в 10 раз, а по суммарной производительности – в 100 раз, по внедрению в промышленность компьютеров – в 1000 раз. Притом что производительность труда не растет, а падает, например, в ведущей нефтегазовой отрасли. В. Ивантер выявил такую закономерность: «Чем выше у нас добыча нефти, тем хуже состояние экономики». Б. Кузык, один из ведущих специалистов в области инновационных технологий, говорит, что по их уровню Россия откатилась на 10–15 лет назад, а на некоторых направлениях – на 20 лет. Тяжелая ситуация и с кадрами: средний возраст инженерно-технического персонала более 55 лет, рабочих – около 55 лет. Высокотехнологичный сектор сократился с 30% в советское время до 18% в наши дни. «С такой экономикой, – подчеркивает он, – никакого высокотехнологичного рывка не сделаешь, если он будет просто продекларирован, а продолжен инерционный сценарий развития». И тем не менее Кузык считает, что у России еще есть шанс в перспективе выйти на технологический уровень экономики, хотя это и чрезвычайно сложная задача. Для этого, по его мнению, надо выделить направления, где у нас еще остались хорошие заделы. Это авиостроение, ядерная энергетика, ракетно-космические системы и отдельные сегменты рынка наноиндустрии. Но для решения этой задачи необходимо мобилизовать кадровые, материально-технические и финансовые ресурсы. При этом Кузык наметил этапы, на каждом из которых должны решаться те или иные задачи.

А. Некипелов, по сути, дает негативную оценку экономической политике последних лет, включая налоговую политику, которая не способствует развитию производства: «Сегодня мы на практике ощущаем, сколь уязвимой по отношению к действию внешних факторов оказалась российская экономика, сколь высока цена своевременно не принятых мер по использованию на цели модернизации поступавших в Россию значительных ресурсов». Притом что средства, выделенные для борьбы с кризисом, в первую очередь пошли в банковскую систему и крупные (сырьевые) корпорации. Некипелов считает это оправданным, но в то же время говорит, что деньги должны идти в научно-производственный комплекс для стимулирования разработок и производства высокотехнологичной продукции для внутреннего потребления, на импорт современных технологий и оборудования. Он особо указал на

бедственное положение прикладных исследований, подчеркнул необходимость поддерживать фундаментальные исследования, даже если «в течение известного периода их масштаб может казаться избыточным по отношению к другим звеньям цепочки наука–производство».

А. Дынкин говорит об отставании России в технологическом развитии уже и от нашего непростого соседа Китая, который быстро наращивает расходы на НИОКР. КНР лидирует в области экспорта информационно-коммуникационной продукции, хотя пока это в основном «железо», однако лет через 10 она станет вровень с мировым технологическим уровнем. Поистине, нам есть о чем задуматься!

С. Григорян видит успехи Китая в том, что там найдено идеальное сочетание рыночных механизмов с государственным вмешательством. А еще в том, что научные центры разрабатывают крупномасштабные программы развития, а власть их осуществляет. И это в корне отличается от российской практики, где все решают чиновники.

Обсуждение в академической среде проблем инновационного развития – это хорошая база для выработки не пиаровской, не декларативной, а работающей модели перевода страны на инновационный путь развития. Но я посчитал необходимым дать и систематизированное изложение частых заблуждений, выявившихся в ходе обсуждения этой на деле сложнейшей проблемы в самых разных аудиториях, примеры которых приводит крупнейший российский экономист, математик, специалист по теории переходных экономик и реформ, академик РАН В. Полтерович.

Заблуждение первое. Это утверждение, что перед Россией сейчас стоит задача одновременно догоняющего и опережающего развития. Она нерешаема в силу сильной технологической отсталости России. Построение инновационной экономики – это длительный процесс, который в лучшем случае через пару десятков лет даст ей возможность выйти на инновационное развитие в точном смысле этого слова. Полтерович считает, что на нынешнем этапе должен быть сделан упор на заимствования, как это в свое время делала Япония, делает Китай и многие другие страны. Только заимствования грамотные, не всегда самого передового, а только того, что может быть освоено в условиях отстающей экономики, и не стихийные, а направляемые государством. И он подробно излагает пути, методы и цели заимствований. И, в частности, указывает на каналы заимствований: покупка лицензий, прямые ино-

странные инвестиции, внешняя торговля, обновление образования, сотрудничество с западными специалистами.

Заблуждение второе. Это исключительная ставка на отрасли, которые, как полагает правительство, являются перспективными или конкурентоспособными, – самолетостроение, космическая техника и т.д. Модернизация необходима всюду, где производство не сворачивается. Речь должна идти о широкомасштабной программе перевооружения отраслей.

Заблуждение третье. Расчеты на то, что в создании новой экономики важную роль сыграют малые и средние предприятия. «До тех пор, пока Россия сильно отстает от Запада, решающую роль у нас будут играть крупные корпорации, на стадии заимствования они будут эффективны – об этом свидетельствуют и накопленный опыт, и теория».

Заблуждение четвертое. Недооценка роли планирования – не директивного, а интерактивного. «Его важнейшая черта, – подчеркивает Полтерович, – состоит в том, что и цели программ, и сами программы не назначаются сверху, а формируются во взаимодействии государства, бизнеса и общества. Это промежуточный институт – он нужен только до определенного момента. Пройдет лет 20, и необходимость в интерактивном планировании отпадет».

Заблуждение пятое. Оно касается поддержки отечественных производителей. Одни экономисты и специалисты считают, что неконкурентоспособное производство не следует защищать, другие – необходимо защищать. Решение проблемы на деле состоит в том, что государство обязательно должно поддержать неспособное конкурировать с крупными западными компаниями производство, но только в пределах какого-то времени, как это и делается, например, в США. Однако «включенные на полную катушку протекционистские меры, – подчеркивает Полтерович, – прямой путь к технологической отсталости». И в качестве примера приводит Индию, которая, по его мнению, стала отставать от Китая потому, что «экономика была недостаточно открытой».

Заблуждение шестое. Ошибочно широко распространенное представление, что чем ниже инфляция, тем выше экономический рост. «Для развитой экономики инфляция должна быть достаточно низкой (2–3%), но не нулевой. Для развивающихся стран инфляция может быть выше (8–10%). Издержки, связанные со снижением инфляции, могут превосходить выгоды от ее снижения».

Заблуждение седьмое. Ложно утверждение, что иностранные инвестиции всегда способствуют экономическому росту. При

отсутствии регулирующей роли со стороны государства они могут его и тормозить.

Заблуждение восьмое. Это утверждение о том, что при высоком уровне коррупции рост невозможен, что не соответствует ни теории, ни реальной практике. Полтерович приводит пример Чили, где ее уровень был почти в три раза ниже, чем в Греции, однако последняя развивалась быстрее первой.

Заблуждение девятое. Оно в том, что плоская шкала налога на доходы физических лиц якобы способствует выходу бизнеса из тени. Ожидаемого эффекта не произошло, зато стала углубляться пропасть между богатыми и бедными, что социально опасно, особенно в периоды кризисов. «Плоский 13-процентный налог – такого нет практически нигде в развитом мире», – подчеркивает Полтерович. Мое же мнение состоит в том, что здесь вопрос не в заблуждении, а в узком, если не сказать тупом, эгоизме правящего класса.

Вместо заключения

На пути модернизации очень много завалов. Если рассматривать эту проблему в парадигме «за» и «против», впрочем, лучше сначала «против», а потом «за», то президенту Медведеву потребуется мужество, решительность и настойчивость. Сырьевое лобби многочисленно и очень влиятельно. Зараза коррупции глубоко проникла в государственный организм и в тело самого общества. Соками общественного разложения питаются не только вороватые олигархи и коррумпированные чиновники, но и продажные интеллектуалы, целая орава имиджмейкеров, пиар-технологов, политологов, социологов, оглупляющие граждан шоумены и пр. Народ, ведет себя так, словно зомбирован, в массе своей не осознает, что случится со страной, когда «усохнут» доходы от продажи сырья.

А «за» – это сама личность первого руководителя страны и наша Конституция, которая содержит не только серьезные изъяны в части, касающейся разделения властей, но и такие положения, которые в критические моменты жизни страны могут сыграть исключительно положительную роль, если во главе страны окажется государственный деятель, который ее судьбу, судьбу народа ставит выше своей собственной судьбы. Короче говоря, у президента Д. Медведева такие обширные конституционные полномочия, что при наличии политической воли он может отправить в отставку любого чиновника, если тот не справляется со своими обязанностями или проводит в жизнь собственную программу, и сформи-

ровать такую команду, которой будет по плечу вывести страну на путь здорового развития. И никто ему при этом не может помешать! А традиция у нас такова: если первый руководитель сумеет показать твердость руки и проявит не показушную, а подлинную заботу о людях, то массовая поддержка ему обеспечена.

Во власти же президента и добиться того, чтобы государственные СМИ, электронные, прежде всего, работали на модернизацию, т.е. на интересы народа, будущее страны, а не на интересы сырьевой олигархии, ее лобби во власти, корпоративные интересы бюрократии. Без активной поддержки модернизации СМИ она точно не состоится.

«Восток: Вызовы XXI века», М., 2010, с. 117–147.

Е. Новикова,

доктор философских наук,
(РЭА им. Г.В. Плеханова)

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ: КАКИЕ МИГРАНТЫ НУЖНЫ В РОССИИ

Проблемы взаимодействия культур при адаптации мигрантов были актуальными всегда. Но в современной России они приобретают особое значение. В Россию устремились потоки мигрантов из стран СНГ, однако по большей части мигранты не являются русскими, не знакомы или не придерживаются российской культуры. Социокультурные различия лежат в основе многих конфликтов, связанных с миграцией (достаточно напомнить о недавних событиях во Франции). Для анализа социокультурных аспектов адаптации мигрантов имеют значение такие факторы, как культурные ценности, установки, религия, этнокультурное сознание, знаки и символы культуры. При исследовании социокультурных аспектов адаптации мигрантов необходимо иметь в виду и специфические особенности миграции в России на современном этапе, к которым можно отнести следующие.

Во-первых, основным мотивом для миграции является поиск работы и заработной платы, т.е. миграция носит экономический характер, практически не связана с другими мотивами. В мировой практике мотивация миграции является более широкой по своему ценностному содержанию. Помимо экономических факторов, она может включать в себя политические, этнические, семейные, религиозные и другие ценности. Мотивами миграции могут быть со-

единение с родственниками, желание обеспечить надежное будущее своим детям, желание воссоединиться с народом, родственным по духу, религии и другим ценностям. Большинство мигрантов из стран СНГ едут в Россию зарабатывать деньги, чтобы поддерживать семьи, оставшиеся на родине, и они не испытывают потребности ассимилироваться с русским народом, усвоить российскую культуру, ее ценности и ритуалы. Часто они не знакомы даже с российским законодательством.

Во-вторых, сама миграция, как внутренняя, так и внешняя, носит нетипичный характер. До середины 90-х годов миграция была распространенным явлением, но она касалась, в основном, молодежи, не обремененной семьей. Студенты уезжали на учебу и затем на место работы, молодые специалисты переезжали в другие города с целью профессионального роста и т.п. В настоящее время мигрантами чаще являются люди среднего возраста, уже имеющие семьи и детей, и миграция для них часто вынужденная. Они предпочли бы работать в регионах по месту жительства при наличии работы и достойной заработной платы.

В-третьих, как внутренняя, так и внешняя миграция связаны с социокультурными различиями. Россияне, живущие в деревнях, при переезде на работу в крупные мегаполисы сталкиваются с субкультурными различиями в сфере коммуникаций, бытовой культуры и т.п. Еще большие культурные различия наблюдаются между коренным населением России и мигрантами из стран СНГ, особенно из бывших республик Средней Азии и Кавказа.

Одним из важнейших факторов социокультурной адаптации мигрантов является знание русского языка. Исследования показывают, что многие мигранты молодого поколения, родившиеся уже после распада СССР, владеют русским языком намного хуже, чем их родители, однако до сих пор нет институционализированных и доступных форм обучения русскому языку для мигрантов, практически не работают общегосударственные программы обучения мигрантов. Плохое знание русского языка является барьером для получения российского образования детьми мигрантов. По этой причине они часто имеют низкую успеваемость в средней школе, не в состоянии поступить в институт на конкурсной основе. Это затрудняет дальнейшую адаптацию мигрантов и их детей в российском обществе.

Необходимо учитывать и различия в притязаниях мигрантов разных поколений. Если мигранты старшего поколения не претендуют на получение образования в России и занимают низкоквали-

фицированные должности на рынке труда (торговцы, разнорабочие и т.п.), то их дети часто хотят сделать карьеру, иметь высоко-статусные и высокооплачиваемые должности, для чего необходимо качественное образование. Объективные расхождения между потребностями и возможностями сопровождаются у мигрантов, и не только в России, абсолютизацией этнического сознания. Высказываются необоснованные идеи о притеснении мигрантов, об ущемлении их прав по сравнению с коренным населением. В свою очередь, это порождает претензии на получение образования и возможностей общения на родном языке мигрантов. Мигранты требуют создания спецшкол по этнокультурному признаку, объединения детей в классы в соответствии с национальностью (классы «азербайджанские», «грузинские» и т.п.), выделения каналов телевидения и радиовещания с трансляцией на родном языке. Достаточно указать, что мигранты из Китая имеют собственную телефонную сеть, издают собственные газеты на китайском языке, имеют в России области расселения, где нет русских, и практически образуют «государство в государстве».

Между тем международная практика миграции показывает, что во многих странах, в частности в США, существует общегосударственная система языковой подготовки мигрантов, знание государственного языка страны является необходимым условием для получения официального статуса мигранта. В некоторых странах для получения статуса мигранта необходимо сдать экзамен на знание культуры страны. Такая практика распространена в Скандинавских странах.

При анализе ценностей, лежащих в основе культурной адаптации мигрантов, необходимо отметить их противоречивость. С одной стороны, для многих мигрантов получение гражданства в России и постоянного места жительства является положительной ценностью. С другой стороны, многие мигранты стремятся жить в России в соответствии с культурой и ценностями своей родины. Многие авторы отмечают абсолютизацию и локализацию этнических ценностей, деление людей на «своих» и «чужих». Мигранты часто не знают российских законов, имеют низкую правовую культуру. Однако если к нарушителям законодательства применяются санкции, то в сознании мигрантов это отражается как притеснение «своих» со стороны «чужих», т.е. коренного населения России. При этом уже не имеет значения, какое преступление совершили «свои». Лозунг «наших бьют» однозначно формирует реакцию протеста и защиты. Абсолютизация этнического сознания

лежит в основе многих конфликтов между мигрантами и коренным населением, а также между отдельными группами мигрантов.

Гипертрофия этнических ценностей у мигрантов влияет на коммуникации и поведение на рынке труда. Общины мигрантов создают в России анклавные рынки труда по этнокультурному принципу, где право на занятие вакансий имеют только представители родственного этноса. Существуют анклавные рынки труда, контролируемые общинами Азербайджана, Таджикистана, Китая и др., куда нет доступа представителям других национальностей. Разделение сфер влияния бывает таким глубоким, что даже представители одного этноса, но из разных регионов, превращаются в конкурентов. Они не позволяют друг другу проникать в их бизнес, на их локальные рынки труда.

Такая жесткая ориентация на этнокультурное сознание объективно препятствует установлению нормальных отношений мигрантов не только с коренным населением, но и с другими группами мигрантов. Абсолютизация этнического сознания негативно влияет и на качество рабочей силы. Когда вакантные рабочие места предлагаются только «своим» людям, нарушается принцип отбора и конкурентности при найме, рабочие места получают далеко не самые способные и хорошо обученные работники. При этом страдает как сам процесс труда, так и качество его продукта. Достаточно напомнить о негативном отношении россиян к китайским товарам, которые производятся малым бизнесом.

Важнейшим фактором социокультурной адаптации мигрантов являются коммуникации, социальное взаимодействие, общение. Именно через общение формируются новые взгляды и ценности, раскрываются социокультурные эталоны жизни мигрантов в новой стране. Исследования показывают, что мигранты предпочитают общение с представителями прежде всего своего этноса. В России существуют районы плотного заселения мигрантов – выходцев из одного региона, одной страны. Складываются устойчивые системы взаимосвязи между представителями одного этноса, между бывшими соотечественниками. Прибывающих вновь мигрантов встречают представители общин, для них готовы хотя бы временные рабочие места и временное жилье. Там, где для взаимосвязи мигрантов недостаточно телефонной или почтовой связи, действует способ оповещения через курьеров. В результате необходимую информацию получают даже те мигранты, которые живут в труднодоступных районах.

Мигранты из Белоруссии, Украины допускают заключение браков с русскими, однако мигранты из Азии, Кавказа предпочитают заключать браки с представителями родственного этноса. В некоторых национальных общинах требуется разрешение на брак с человеком другой национальности. Достаточно распространены формальные браки мигрантов с русскими с целью получения гражданства.

Следует отметить, что односторонность коммуникаций с ориентацией на представителей своего этноса может иметь противоречивые последствия для самих мигрантов. С одной стороны, благодаря коммуникации мигранты получают возможности протекции и защиты. С другой стороны, через такой информационный барьер, построенный по этническому принципу, часто не проникает необходимая мигрантам информация, которая распространяется по другим каналам. Так, многие рабочие-нелегалы, занятые на стройках в Подмосковье, не знали новых упрощенных правил регистрации и фактически попадали в зависимость от местной милиции и представителей собственных национальных общин, которые их «защищали», а фактически – продавали работодателям с выгодой для себя. Объективно же в такой защите уже не было необходимости.

Рассматривая социокультурные аспекты адаптации мигрантов в России, необходимо отметить, что их влияние преломляется через призму преобразований, осуществляемых в настоящее время в России, – экономических, политических, социальных, духовных. История знает немало примеров, когда в многонациональных государствах сохраняется культурная самобытность народов, которая, тем не менее, не противоречит единому социальному, экономическому, правовому пространству. Абсолютизация этнического сознания у мигрантов из стран СНГ во многом объясняется трудностями их жизни в России. По международным законам, страна, принимающая мигрантов, должна обеспечить их работой, жильем, медицинским обслуживанием.

Но в России, особенно в отдаленных регионах, коренное население не имеет работы, жилье в России является проблемой номер один, особенно для молодых семей. Доступность качественных медицинских услуг для многих россиян резко снизилась. Закрываются здравпункты, аптеки в отдаленных деревнях, районные больницы находятся в плачевном состоянии. Но и в крупных городах многие медицинские услуги стали коммерческими и недоступными для значительной части россиян. Возможность полу-

чения бесплатного образования для россиян также резко снизилась за годы реформ. Сократилось число бюджетных мест в вузах, многие вузы не имеют общежитий для студентов, закрылись многие школы в отдаленных деревнях. Образование на платной основе недоступно для многих россиян и тем более для детей мигрантов, чьи родители занимают низкоквалифицированные должности на рынке труда. Социально-экономические проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в России, заставляют их искать различные формы поддержки и защиты у соотечественников, у национальных общин.

На наш взгляд, важным источником пополнения недостающих трудовых ресурсов является внутренняя миграция в России. В настоящее время многие жители отдаленных регионов ищут работу в крупных городах, в мегаполисах. Преимуществом такой рабочей силы является культурная идентичность, мобильность, необходимая квалификация, подкрепленная полученным в России образованием. Но самый главный эффект внутренней миграции – демографический.

В то время как мигранты из стран СНГ вывозят деньги из России на родину, часто без уплаты налогов, трудовые мигранты-россияне участвуют во внутривозрастных связях. Средства, полученные от внутренней трудовой миграции, дают большой мультипликативный эффект. Россияне тратят их на поддержку своих семей, на образование детей, на покупку жилья. На наш взгляд, именно внутренняя трудовая миграция нуждается в государственной поддержке.

«Демографические проблемы России в обстановке кризиса и пути их решения», М., 2009, с. 77–81.

Дамир Мухетдинов,

ректор Нижегородского исламского института
им. Х. Фаизханова, кандидат политических наук

**СОВРЕМЕННОЕ МЕДРЕСЕ ДЛЯ
СОВРЕМЕННОЙ УММЫ В РОССИИ**

Система исламского профессионального религиозного образования в России в новейшей ее истории ведет отсчет от 1989 г., когда в Уфе под руководством муфтия, шейха Талгата Таджуддина было открыто медресе им. Р. Фахретдина. Таким образом, в этом году наша система образования, можно считать, разменяла третий

десяток. Собственно само становление исламского образования в России началось с вопроса подготовки имамов как первого и обязательного условия сохранения религиозного культа. В данной статье мы поведем речь именно об этом сегменте образования – т.е. о медресе.

Структура и характеристика, системы среднего образования в России

Что было достигнуто и какой опыт накоплен за эти годы? Начнем с цифр. Сегодня мы имеем более 20 лицензированных медресе на территории европейской части России. В Татарстане находятся восемь из них (два высших медресе – «Мухаммадия» и Медресе им. 1000-летия принятия Ислама, Казанский исламский колледж находятся в Казани, а также «Ак мечеть» в Набережных Челнах, «Рисаля» в Нижнекамске, медресе им. Ризазтдина Фахретдина в Альметьевске, Буинское медресе, Нурлатское медресе, медресе «Фанис» в Ютазинском районе РТ).

Семь медресе представляют собой филиалы Российского исламского университета Центрального Духовного управления мусульман в городах: Астрахань («Хаджи-Тархан»), Ульяновск («Билляр»), Самара («Нур»), Оренбург («Хусаиния»), Октябрьск («Нурул-Ислам»), Батыревский район Чувашии («Гулистан»). Три медресе функционируют в юрисдикции Духовного управления мусульман Республики Башкортостан (медресе им. М. Султановой и «Галия» в Уфе, «Нур аль-Иман» в Стерлитамаке), по одному – в Духовном управлении мусульман Европейской части России (Московский высший духовный Исламский колледж), в Духовном управлении мусульман Саратовской области («Шейх Сайд» в Саратове) и Духовное управление мусульман Нижегородской области (НИМ «Махинур» в Нижнем Новгороде). Ни одного медресе нет на Урале и в Сибири. Количество же медресе в республиках Северного Кавказа исчисляется сотнями (в одном только Дагестане их более сотни).

В 1990-х процесс учреждения медресе шел очень бурно, качественная составляющая – материальная база, преподавательский состав, учебно-методические материалы – не поспевали за этим процессом. Как результат – в часть медресе проникли радикальные проповедники, вербовщики, призывавшие сражаться против неверных. Это привело к закрытию таких медресе, как «Расул Акрам» в Москве, «Аль-Фатх» в Ижевске, «Йолдыз» в Набережных

Челнах, «Аль-Фуркан» в Бугуруслане. В Набережных Челнах на основе множества медресе – «Юлдуз», «Танзиля», «Ихлас», «Нуртдин», «Иман» – было создано медресе «Ак мечеть», а Альметьевское медресе им. Р. Фахретдина было образовано на базе Исламского института имени Р. Фахретдинова и Азнакаевского медресе. Коррекция количества медресе в сторону уменьшения происходила и на Северном Кавказе. Так, в 2000 г. в республике действовало 136 медресе, к 2003 г. их было 131, а в 2008 г., по данным председателя Комитета Правительства РД по делам религий А. Магомедова, их было уже 116.

Условно процесс создания медресе в современной России можно поделить на два периода: 1. Начало и середина 1990-х. 2. 2003–2007 гг.

Первая очередь медресе открывалась, как принято говорить, на голом энтузиазме, не имея помещений, в условиях нехватки преподавателей. Была потребность быстро утолить сильнейший кадровый голод и огромный запрос населения на духовное знание. К этой группе первопроходцев относятся медресе: «Ак мечеть» (точнее его предшественники) – 1992 г. «Мухаммадия», Медресе им. 1000-летия принятия Ислама – 1993 г., НИМ «Махинур», Московский высший исламский духовный колледж – 1994 г., Нурлатское медресе и медресе «Рисаля» – 1996 г., медресе им. М. Султановой – 1997 г., Альметьевское медресе – 1998 г.

Это был период первоначального накопления опыта, первых ошибок и первых результатов, после чего мы наблюдаем вторую очередь бурного роста медресе, что было связано скорее с внутренними проблемами уммы. ЦДУМ сделало ставку на развитие образовательного консорциума, включающего сеть медресе в регионах и объединяемого Российским исламским университетом в Уфе. Открылись «Нур» в Саратове, «Биляр» в Ульяновске, «Гулистан» в Чувашии и др. Кроме того, работавшие на тот момент медресе не покрывали потребность региональных местных религиозных организаций в кадрах, а те, что имелись, не всегда удовлетворяли по своим идейным предпочтениям. Появилось осознание того, что гораздо эффективнее обучать имамов у себя в регионе, где есть возможность и отбора, и отсева, и тщательной воспитательной работы с каждым из студентов. Появились Казанский исламский колледж (2003), медресе «Шейх Сайд» (2006), «Фанис» (2007).

Медресе осуществляют образовательную деятельность по дневной, вечерней и заочной формам, причем, как правило, одно и

то же медресе ведет работу по всем трем направлениям, которые имеют каждый свою специфику. Исключение составляет тандем медресе им. М. Султановой и «Галия» в Уфе. В этом случае два медресе располагаются в одном здании, одно из них ведет дневное обучение, второе – по заочной форме.

На вечерней и заочной формах студентов в несколько раз больше, чем на дневной, так как на этих отделениях обучаются кроме молодежи и представители среднего и старшего поколения, желающие глубже постичь религиозные науки. Приведу в пример медресе «Ак мечеть» в Набережных Челнах. Совсем недавно количество студентов дневного отделения было менее 10, а вечерников и заочников – более 100.

В данное время в европейской части России нет женских медресе, в то же время ряд медресе проводит набор на учебу на дневном отделении и юношей и девушек, но процесс обучения происходит раздельно. Такими учебными заведениями являются: медресе «Мухаммадия» в Казани, медресе «Фанис» в Ютазинском районе Татарстана, медресе им. Р. Фахретдина в Альметьевске и медресе «Нур аль-Иман» в Стрелитамаке. На заочную и вечернюю формы обучения женщины имеют возможность поступать во все медресе.

Медресе выдают дипломы по специальностям: «имам-хатыб», «преподаватель исламских наук», «мугаллим», «переводчик с арабского языка», «преподаватель арабского языка и исламского этикета», «преподаватель религиозных наук». Каждое медресе само формулирует название специальности по своему усмотрению, неизменной является только «имам-хатыб». Девушки обучаются по специальностям: «воспитатель-наставница» «учитель и переводчик с арабского языка», «преподаватель арабского языка и исламского этикета». Срок обучения – варьируется от двух до пяти лет. В региональных духовных управлениях принята даже некоторая унификация. К примеру, в Татарстане два высших медресе имеют срок обучения по пять лет, а средние медресе – три года. Все три медресе, работающие при Духовном управлении мусульман Башкортостана, обучают будущих имамов по четыре года.

Что касается материально-технической базы, то практически все медресе имеют собственные здания и общежития. В медресе, где на дневной форме обучаются и девушки, имеются отдельные женские учебные помещения с общежитием. Учебные заведения имеют свои библиотеки, некоторые – компьютерные классы с выходом в Интернет, хотя обеспеченность учебной и общеразвиваю-

щей литературой для многих медресе все еще крайне неудовлетворительна.

Во всех учебных заведениях обучение ведется бесплатно, кроме того, шакирды проживают бесплатно и получают бесплатное трехразовое питание. Шакирдов дневных отделений медресе в одном только Татарстане 250–300 человек, которые в течение 10 месяцев в году находятся практически на полном обеспечении учебного заведения, т.е. уммы, ведь медресе живут за счет пожертвований и самих студентов, и меценатов. Если вдуматься, это колоссальные финансовые средства, которые умма тратит на обеспечение себя грамотными имамами (здесь еще не учтены студенты исламских вузов, которые также повсеместно находятся на полном пансионе в своих учебных заведениях).

Но при таких колоссальных затратах, даже не в денежном исчислении, а в измерении положенной энергии и проделанной организационной и административной работы, какой результат мы имеем на выходе? На первый курс поступают несколько десятков абитуриентов. К примеру, в этом году в Казанское высшее медресе «Мухаммадия» поступило по 30 девушек и юношей. Итого 60 человек. Если по итогам пятилетнего обучения до защиты дипломных работ дойдет хотя бы половина – это уже огромное достижение. В той же Казани в Медресе им. 1000-летия принятия Ислама в 2009 г. диплом получили лишь 15 человек с дневного отделения.

Большой отсев студентов медресе имеет несколько причин – объективных и субъективных. Надо смотреть правде в глаза – учиться в медресе изначально идет не самая успешная молодежь. Среди абитуриентов есть молодые люди, которые идут в медресе осознанно, с целью посвятить себя служению исламу или как минимум получить глубокие религиозные знания для личного духовного роста. Но есть и другая категория абитуриентов – те, которые не сумели поступить в другие вузы, но не желают возвращаться в свои родные деревни или небольшие города, ведь вступительные испытания в медресе проходят позже экзаменов в светские вузы.

Таким образом, в медресе попадают случайные люди. Сейчас ряд учебных заведений ввел механизм против «случайных персонажей» в медресе – вступительные испытания проходят в форме недельного лагеря. Абитуриенты неделю-две живут в общности медресе, учатся, в это время с ними активно знакомятся преподаватели медресе. Абитуриента проверяют не только на наличие знаний, но и на мотивацию, личностные и нравственные качества. И тем не менее наличие не сильно мотивированных на ус-

пешное окончание учебы студентов, во-первых, а по окончании медресе их нежелание работать по профессии, во-вторых, делает КПД деятельности медресе (и исламских университетов) довольно низким.

Руководители духовных управлений мусульман бьют тревогу: имамов не хватает. В интервью муфтия Татарстана республиканским СМИ по случаю священного месяца Рамадан Гусман-хазрат Исхаков говорит: «Сегодня это в какое-то соревнование между богачами превратилось: кто больше построит. В итоге в одной деревне на 15 домов по 3–4 мечети стоят! Зачем их столько? Всего в Татарстане сегодня более 1300 мечетей, в последнюю неделю перед Рамаданом мы присутствовали на открытии еще шести. В среднем каждые десять дней в Татарстане открывается одна мечеть. Но где взять столько имамов? Мы ощущаем серьезную нехватку кадров».

Накануне Рамадана интервью местной газете дал и муфтий Челябинской и Курганской областей Ренат Раев: «На 150 приходов человек восемь образованных. Нехватка кадров острая». В том же интервью муфтий Раев проводит такую параллель – нет в области своего медресе, поэтому ощущается нехватка кадров. В связи с этим другой пример – соседний с Челябинским регион – Оренбургский. Там работает медресе «Хусаиния». Его ректор Альфит Шарипов еще в мае 2007 г. заявлял, что в Оренбургских мечетях 60–70% священнослужителей являются выпускниками именно «Хусаинии». Но «Хусаиния» – это счастливое исключение, в основном же ректоры сетуют на то, что выпускники не хотят трудоустроиваться по профессии, так как работой имама семью не прокормишь. Получается парадоксальная ситуация – кадров не хватает, а дипломированные имамы на работу в мечеть не идут из-за отсутствия достаточной для проживания зарплаты. То есть содержать шакирдов на протяжении нескольких лет в медресе нашей умме под силу, а содержать имама – нет.

Проблему отсутствия у имама мечети средств к существованию медресе пытаются решить через второе специальное образование. Наши медресе вместе с дипломом имама выдают выпускнику и дипломы пчеловода, шофера, слесаря, пользователя ПК. Но нужны ли умме имамы-слесари? Без тени пренебрежения к рабочим профессиям мы все-таки должны констатировать – наш народ психологически не готов к восприятию такого имама, так как веками в нас заложено понятие о том, что служитель религии – это просвещенный человек, интеллигенция. Да, собственно говоря,

практика религиозно-рабочей квалификации и без того не оправдывает себя.

При изучении специфики работы медресе в нашей стране не может не броситься в глаза и следующий факт – по ту сторону Урала нет у нас ни одного исламского учебного заведения. Действовало медресе в Ембаево Тюменской области, но оно утратило лицензию и сейчас работает над вопросом получения новой. За неимением своих имамов, к этой работе приглашаются выходцы из Средней Азии.

Еще в начале 2000-х мы выступали с предложением кардинально уменьшить количество медресе по России или преобразовать их в особые образовательные центры, специализирующиеся по определенным направлениям. В этом случае рядовые медресе готовили бы имамов и проповедников среднего уровня, а будущие арабисты или хафизы получали бы образование в этих специализированных центрах.

Кроме того, на протяжении нескольких лет мы ведем речь о необходимости вертикальной интеграции по линии мектеб – медресе – университет, когда лучшие выпускники имеют возможность продолжить обучение в вузе со 2–3-го курса. В связи с этим неоднократно подчеркивалось, что в поддержке со стороны государства нуждаются не только вузы, но и медресе как не менее важное звено образовательной цепочки. Отрадно, что эти предложения нашли свое отражение в федеральной комплексной программе действия развитию сферы религиозного образования России, в соответствии с которой 30 ведущих медресе России будут выделены средства на разработку учебных материалов и пособий, приобретение оборудования. Однако одной лишь помощью государства мы не сможем обойтись, ведь государственное участие в соответствии с Конституцией не предполагает внесение системных преобразований, изменение самой структуры среднего образования, оно концентрируется на проблеме учебно-методического обеспечения. Мусульманскому сообществу необходимо определить для себя пути развития среднего исламского образования на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Наиболее острой и требующей немедленного решения проблемой для нас является противоречие между нехваткой кадров для служения в мечети и нежеланием выпускников медресе идти служить в мечеть. В статье «К единству учебного пространства!», о которой упоминалось выше, уже пять лет назад нами был предложен выход из ситуации, и мы вынуждены повторить его еще раз:

медресе следует специализироваться на людях более старшего возраста, которые уже отслужили в армии, наладили свой быт в местах своего проживания. В этом случае медресе станут готовить работников именно для той социальной среды, которая в них особенно нуждается, – прежде всего сельских имамов и преподавателей ислама на селе. Соответственно, снимутся проблемы невостребованности выпускников, непризнаваемости диплома со стороны государства, отсрочки от армии и т.д. Наконец, возрастет престиж медресе, поскольку именно работа с рядовыми мусульманами является нашей ключевой задачей, воплощать которую в жизнь должны сельские имамы.

К счастью, работа на вечерних и заочных отделениях медресе поставлена гораздо более широко, нежели на дневных, т.е. наши предложения реализуются. А для усиления эффективности этого подхода мы рекомендуем духовным управлениям мусульман не ждать, когда в деревне, имеющей мечеть без имама, некто изъявит желание поехать учиться в медресе и возглавить общину. Нужно самим ездить в деревни встречаться с населением и проводить среди него профориентационную работу, будь это даже население старшего возраста.

Что касается проблемы трудоустройства молодых шакирдов медресе, на наш взгляд, необходимо разработать механизм взаимодействия общин, нуждающихся в имамах, и учебных заведений. Мусульманские общины в городах нередко имеют возможности и желание пригласить к себе молодого имама с образованием. Председатели этих общин должны знать, куда обратиться по этому вопросу, и иметь возможность на конкурсной основе (а не на основе кумовства или случая) отобрать наилучшего кандидата. Это будет дополнительный стимул для шакирдов проявлять усердие в учебе.

Кроме этого, желательно наладить мониторинг трудоустройства выпускников, с тем чтобы иметь более объективные данные о том, в каких специалистах нуждается умма. Ведь и на рынке труда спрос рождает предложение, и если из 10 выпускников медресе трое устроятся на работу учителями, трое станут заниматься продажей мелкой исламской атрибутики, трое вообще уйдут в другие сферы деятельности, а один станет имамом – это уже основа для анализа, какого рода специальности востребованы сегодня в мусульманской общине.

Это то, что касается краткосрочной перспективы. В долгосрочной же перспективе село как институт будет уходить, а городское население будет расти, поэтому требования к образованию и

интеллектуальному уровню имамов существенно возрастут. Чтобы адекватно ответить на веления времени в будущем, нам уже сегодня нужно озаботиться внедрением программы подготовки «имам +», но не «имам + водитель» и не «имам + слесарь», а имам с дополнительной специализацией «издательское дело», «информационные технологии», «филология», «общественные коммуникации» и т.д. Сконцентрируемся на развитии нескольких медресе, предположим, десяти, до очень высокого уровня, каждое из которых будет иметь свою специализацию. В этом нам очень пригодится опыт государственной программы отбора и развития отдельных учебных заведений, о которой сказано выше.

*«Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве»,
М., 2010 г., с. 11–22.*

Р. Нуруллина,
историк (г. Набережные Челны)
**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА
В ТАТАРСТАНЕ**

Конфессиональная модель Республики Татарстан (РТ), роль и место в ней ислама обусловлены особенностями ее исторического развития. Приволжский федеральный округ традиционно является регионом тесного взаимодействия тюрко-мусульманской и славяно-христианской культур. По переписи 2002 г. татары составляют 52,9%, русские – 39,5% населения республики. В связи со сложившейся ситуацией и в соответствии с Законом «О свободе вероисповеданий», принятом правительством: Российской Федерации (РФ) в 1990 г., конфессиональная политика осуществляется в рамках поддержания баланса интересов и равенства всех религий перед законом, при приоритете светских ценностей. Данный подход отвечает принципам религиозной толерантности, сформировавшимся в рамках европейской цивилизации.

Конфессиональная модель РТ признана как у нас в стране, так и в мировом сообществе. В свое время Патриарх Русской православной церкви Алексей II отмечал: «Благодаря усилиям и дальновидной политике М. Шаймиева в многонациональной РТ накоплен богатый опыт плодотворного сотрудничества между представителями двух традиционных религий – православия и ислама». В Саудовской Аравии первому президенту РТ М. Шай-

миеву была вручена международная премия имени короля Фейсала. При этом было отмечено, что президент Татарстана «укрепил высокие исламские ценности в душе своего народа, что сделало республику символом мирного социального сосуществования и веротерпимости». В октябре 2009 г. республику посетила госсекретарь США Х. Клинтон, которая сформулировала цель своего визита в столицу Татарстана следующим образом: «Я хочу больше узнать об опыте Казани по укреплению толерантности и по реализации межрелигиозного диалога».

Вместе с тем реализация данной, весьма привлекательной в глазах международного сообщества, конфессиональной модели встречает на своем пути определенные трудности, что обусловлено объективными причинами: мультикультурное общество не является гармоничным по определению. В исламской традиции не существует понятия светского государства. Есть понятия «Дар аль Ислам» (область ислама, мусульманское государство, власть которого легитимна) и «Дар аль Харб» (область войны, страны под властью «неверных» и, следовательно, нелегитимных правителей). Возникает проблема легитимизации светского (и вообще неисламского) государства в рамках мусульманского сообщества.

Отношение мусульман к западным демократическим ценностям в целом также противоречиво, о чем свидетельствуют данные социологических исследований, в частности среди учащихся и преподавателей мусульманских учебных заведений Татарстана. С одной стороны, речь идет об их совместимости, так как и те и другие восходят к единой авраамической традиции. 62% опрошенных считают, что западные ценности (демократия, права человека, плюрализм и гражданское общество) совместимы с исламом и «вообще ислам не противоречит демократическим ценностям». С другой стороны, для 40% респондентов Запад – олицетворение аморального и безнравственного образа жизни, сопровождающегося упадком важнейшего для мусульман института семьи. Высказывается мнение о том, что «на Западе страшный кризис: социальный, моральный... Все это вытекает из их образа жизни... Европа сама бьет тревогу, потому что народ стареет, и рабочую силу они вынуждены искать в мире ислама...».

Когда речь идет о практическом воплощении идей межконфессиональной толерантности, реальная ситуация также может не отвечать ожиданиям в полной мере. По мнению казанских исследователей Е.А. Ходжаевой и Е.А. Шумиловой, основанному на данных социологических опросов православных и мусульманских

священнослужителей Москвы и Казани, можно говорить лишь о среднем или низком уровне толерантности тех и других. Респондентами констатируется более значимый статус своей религии, и при этом обозначается либо готовность к взаимодействию и сотрудничеству с представителями других конфессий, либо нейтральное признание возможности мирного, бесконфликтного существования рядом. Авраамическая традиция не предусматривает равенства религий в духовном и мировоззренческом отношении, в лучшем случае – в отношении законодательства и значимости в обществе. Отделение религии от государства, согласно западной традиции, способствует превращению ее в составную часть гражданского общества. Однако с конца 1990-х годов в российской государственной политике проявляется заметная унитаристская тенденция, в результате чего как центральная, так и региональные власти все более активно включаются в регулирование религиозной жизни. Факт отделения духовных институтов мусульман от государства сегодня исследователями зачастую оценивается как декларация, поскольку «роль государственных органов в жизни мусульманских общин весьма значима».

Ислам в Татарстане играет важную роль в политической и культурной идентификации региона в рамках РФ. Исламское возрождение начала 90-х годов тесно переплеталось с этнокультурным ренессансом татар, активисты национальных движений рассматривали его как важную составляющую этнической идентификации и национального самосознания. Исследователи считают, что появление первых религиозных институтов в республике – результат деятельности этих организаций. Однако в условиях утраты большей части собственных религиозных традиций в исламском возрождении важную роль сыграла деятельность иностранных миссионеров, вследствие чего позиция мусульман Татарстана в национальном вопросе достаточно противоречива.

Для определенной части татар ислам – это, прежде всего, мировая религия, изначально не связанная с определенной национальной традицией, а если и связанная, то скорее с арабской, чем с татарской. «Татарской самобытной идентичности угрожают две элиминации: одна олицетворяет унитаристскую тенденцию государственной политики, а другая – надэтнический исламский вызов. Но обе они отрицают татарский язык и культуру, лишают их перспективы развития».

В литературе также широко обсуждается вопрос о роли, которую мусульмане РТ могут и должны играть в мировой ислам-

ской умме. В качестве уникального вклада татар в общеисламское дело в разное время рассматривались джадидизм и евроислам. Однако их модернистская направленность, по мнению ряда исследователей, может способствовать «размыванию» исламской традиции.

В последнее время богословы Татарстана активно продвигают традиционную для данного региона ханафитскую мусульманско-правовую школу, которой, по сравнению с другими школами, присуща высокая степень толерантности. Таким образом, исторически сложившееся положение РТ, принадлежащего, с одной стороны, к периферии европейской цивилизации, с другой – мусульманской, обусловило те проблемы, с которыми региональное руководство сталкивается при реализации своей конфессиональной политики. Республика представляет собой место столкновения и взаимодействия нескольких подходов: западного либерального, общероссийского государственнического, татарского этнонационального и исламского интернационального.

«Власть», М., № 9, 2010, с. 113–115.

Сергей Слуцкий,

политолог

СОСТАВ ДАГЕСТАНСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ (БОЕВИКИ, ПОСОБНИКИ И СОЧУВСТВУЮЩИЕ ИМ) И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ НА БЛИЖАЙШЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (2010–2020)

Организационное ядро дагестанского террористического подполья состоит из небольшого числа наиболее активных и влиятельных членов подполья. Даже не имея точной информации можно предположить, что речь идет о нескольких десятках человек. Существенно и то, что в отличие от чеченского экстремистского подполья в Дагестане отсутствуют максимально авторитетные фигуры (уровня Д. Умарова), положение которых позволяло бы им отчетливо доминировать, выстраивая под себя систему управления всем подпольем. Свое значение имеет и фактор многонациональности – при известном «террористическом интернационализме» участников дагестанского подполья, этническое происхождение экстремистских лидеров в определенных ситуациях может ограничивать их властные притязания по консолидации всего движения под своим руководством.

Наконец, свою роль играет и большой пространственный формат Дагестана. Зона террористической активности в нем несколько шире, чем в Чечне, что также может затруднять «дирижирование» подпольем из одного центра. И поэтому дагестанское террористическое сообщество, при несомненном взаимодействии отдельных группировок, в управленческом плане должно представлять более полицентрическое образование, нежели подполье Чечни.

Ограниченный авторитет отдельных лидеров дагестанского подполья имеет для всего движения как свои плюсы, так и минусы. Они очевидны. С одной стороны, имена их малоизвестны и не обладают значительной силой «притяжения». Зато в случае ликвидации таких вожakov замена происходит легко. Как результат, на первый план выдвигается не личность руководителя (под которого выстраивается весь организационный процесс), а непосредственно само «дело», ради которого организация существует. Таким образом, можно предположить, что потери организационного ядра серьезных проблем для деятельности подполья Дагестана не создают и в обозримой перспективе создавать не будут.

Возможны только самые приблизительные оценки общей численности бандформирований в республике. Поэтому корректнее говорить о диапазоне, в пределах которого может колебаться кадровый потенциал ТП. Заметим, что если соответствующие заявления силовиков, чиновников, экспертов по чеченским бандформированиям достаточно многочисленны, то оценки боевого ядра дагестанского подполья единичны.

Так, по словам заместителя министра внутренних дел Дагестана М. Исмаилова (9 июля 2009 г.), на территории республики действует порядка 100 боевиков (из них более 50 в Карабудахкентском и Буйнакском районах, около 20 в Хасавюртовском районе, 10 – в Махачкале). По мнению И. Бойкова, активно действующее бандподполье Дагестана включает 150–200 человек. Однако активное боевое ядро никогда не включает всех боевиков (даже в период максимальной террористической интенсивности).

Обратимся теперь к данным о потерях боевиков в Дагестане в 2007–2009 гг. Ежегодно эти цифры составляют порядка 100–150 человек. Сопоставимым является и число задерживаемых представителей НВФ. Тем самым, республиканское подполье ежегодно могло терять порядка 200–300 человек из состава своей боевой компоненты. Учитывая, что данные потери практически не сказывались на террористической активности (в 2008–2009 гг. она

даже росла), можно сказать, что общие размеры боевого ядра республиканского подполья составляют несколько сотен человек (если общее их число более или менее заметно превосходит среднегодовые потери НВФ); при этом количество боевиков, находящихся «под ружьем», в зависимости от сезона и других факторов меняется.

Кадровую пирамиду дагестанского террористического подполья можно представить следующим образом: 1. Взрослое население «мусульманских» районов в республике – 1,5–1,6 млн. человек. 2. Среда сочувствия – 300–400 тыс. человек. 3. Среда соучастия – несколько тыс. человек. 4. Боевая часть – несколько сотен человек. 5. Ядро – несколько десятков человек.

«Истовые» мусульмане (чуть менее четверти республиканского населения) представляют и самую значительную часть социальной прослойки эмоционального сочувствия религиозному радикализму, что подтверждается исследованиями. Укажем, в частности, на результаты социологического опроса населения Дагестана, проведенного Институтом религиоведения и коммуникативистики (ИРиК) совместно с кафедрой философии Дагестанского государственного университета. На вопрос: «В каком государстве (светском или религиозном) Вы хотели бы жить?» – 22% респондентов ответили, что в религиозном (т.е. организованном и функционирующем в соответствии с принципами шариата).

Очевидно, что социальная прослойка с такими общественно-политическими предпочтениями достаточно плотно коррелирует с группой «истовых» мусульман. А количественно они являются однородными. То есть в самом первом приближении социальная среда, выступающая ресурсной основой республиканского ТП, включает несколько сот тысяч человек (из них десятки тысяч молодых мужчин в возрасте 18–30 лет).

Имеются в республике и сочувствующие подполью по причинам социального характера, например из числа безработных. Однако следует учесть, что положение в данной области в республике постепенно улучшается. «Если еще в 2002–2003 гг. республика по уровню регистрируемой безработицы опережала практически все регионы ЮФО и входила в пятерку территорий с максимальным уровнем безработицы по РФ, то начиная с 2004 г. уровень зарегистрированной безработицы составляет менее 5%». К концу 2009 г. данный показатель опустился до 3,6%. Конечно, уровень безработицы, рассчитанный по методике Международной организации труда (МОТ), дает гораздо большие цифры – порядка

260–265 тыс. безработных (т.е. порядка 22–24% трудоактивного населения). Однако данная методика очевидным образом не учитывает специфику республиканского рынка труда. Достаточно сказать, что в эти 260 тыс. включаются порядка 75 тыс. женщин, занятых домашним хозяйством и воспитанием несовершеннолетних детей. Значительная часть «незанятого» населения задействована в теневом секторе. Многие выезжают на временные заработки без регистрации выезда (в 2007 г. таких было около 90 тыс. человек), что также увеличивает расчетную численность незанятого населения. Надо учесть и устойчивую динамику дагестанской экономики, создающей новые рабочие места.

Сказанное не означает, что проблема безработицы полностью решена. В республике имеется немалое число тех, кто действительно не может трудоустроиться (это десятки тысяч человек, причем в значительной своей части люди до 30 лет – в 2008 г. они составляли около 55% безработных). Однако и безработица, и такие, вызывающие социальную протестность, недостатки республиканской власти, как клановость и коррупция, не делают социальное левачество в «чистом» виде явлением, характерным для Дагестана.

Таким образом, социальная ресурсная база республиканского подполья ограничена в основном прослойкой фундаменталистски ориентированного населения. И от динамики этой группы будут во многом зависеть перспективы и возможности дагестанского террористического комплекса.

Перспективы дагестанского подполья в ближайшее десятилетие (2010–2020)

На количественные характеристики ТП оказывает влияние социально-демографическая динамика самого дагестанского общества, которая, тем самым, может как способствовать активизации террора в республике, так и работать на его ограничение. Причем в ближайшее десятилетие именно она может сыграть важную роль в изменении параметров подполья. Иными словами, социально-демографические процессы, идущие в дагестанском обществе, позволяют сделать несколько предположений общего характера относительно перспектив республиканского ТП во втором десятилетии века. Данные предположения могут быть представлены в виде ряда тезисов.

– Подполье Дагестана пополняется прежде всего за счет местного населения. «Подпитка» из-за пределов республики (другие регионы РФ, СНГ, дальнее зарубежье) играет второстепенную роль – на нее приходится едва ли больше 10–15% численности республиканских НВФ, а среда пособничества формируется исключительно «местными».

– Кадровое пополнение подполья происходит в самой значительной степени по религиозному каналу, т.е. именно религиозные радикалы составляют основную массу боевиков. Они же являются активными пособниками (среда соучастия) террористической деятельности. Тем самым между численностью радикальных исламистов и демографическим «форматом» подполья имеется прямая взаимосвязь. Численность радикальных исламистов, в свою очередь, коррелирует с размером прослойки «истовых» мусульман.

– Боевая компонента подполья (НВФ) пополняется прежде всего молодыми людьми (возрастная категория 18–25 лет). Поэтому масштабы кадровой подпитки подполья в известной степени зависят от численности молодежной генерации населения Дагестана, а также от уровня ее религиозности (размера прослойки «истовых» в данной генерации).

– С 2002–2004 гг. начинают достигать совершеннолетия (17–18 лет) представители многочисленной генерации «уроженцев» середины – второй половины 80-х годов XX в. Социализация этого поколения пришлась на период наиболее интенсивного возрождения исламских традиций, происходившего на фоне глубокого политического и социально-экономического кризиса. Таким образом, сразу по двум параметрам – общей численности и уровню религиозной «истовости» данная генерация оказалась наиболее благоприятной для кадрового пополнения подполья.

– Молодежная генерация 90-х годов XX в. в республике менее многочисленна. К примеру, уроженцы 1998–2002 гг. почти в полтора раза количественно уступают когорте 1983–1987 гг. рождения. К тому же комплексная стабилизация начала XXI в. задавала иные векторы социализации дагестанской молодежи. Хотя религиозный фактор сохранился среди основных, роль его несколько сократилась (как и доля «истовых» верующих). Таким образом, во втором десятилетии XXI в. во взрослую жизнь будут ежегодно вступать все менее многочисленные (и отчасти менее религиозные) когорты республиканской молодежи.

– Это сокращение должно отразиться и на интенсивности пополнения ТП в целом и его боевой компоненты в частности (по

крайней мере, его лидерам придется прикладывать заметно больше усилий для восполнения понесенных боевых потерь, чем в настоящее время). Если в 2002–2010 гг. сообщество «истовых» мусульман в республике ежегодно пополняло примерно 6 тыс. молодых мужчин, то в 2011–2015 гг. это пополнение может постепенно снизиться до 4 тыс., а в 2016–2020 гг. будет ежегодно составлять порядка 3 тыс. человек.

Оценивая перспективы дагестанского террористического подполья и эффективность действий власти по его ликвидации, попробуем дать ответ на вопрос, который формулируется следующим образом: возможно ли существенно сократить в республике число людей, для которых категорически (вплоть до вооруженного сопротивления) неприемлемы базовые ценности и системные ориентиры, доминирующие в современном российском обществе – модернизированной и продолжающей стремительно модернизироваться России? Если это возможно, то каким образом и в какие сроки? Данный вопрос может быть разбит на два взаимопересекающихся, но имеющих и самостоятельное содержание «подвопроса». Каким образом можно сблизить базовые ценности российского общества и местных радикалов? Возможно ли «смягчение» протестных форм реакции радикалов на существующие ценностные различия?

Для ответа необходимо исследовать различные формы воздействия на подполье, применяемые республиканской и федеральной властью в целях сокращения ресурсной демографической базы ТП и общей профилактики терроризма. Наиболее очевидны и декларируемы самой властью силовые и социально-экономические меры. Рассмотрим в самом общем виде их возможности.

1. Силовые методы. Для полной ликвидации подполья или даже частичного сокращения его потенциала использование силовых методов необходимо. Но к изменению системы ценностей религиозных радикалов они имеют самое косвенное отношение только как своего рода механизм ликвидации наиболее ожесточенных и непримиримых представителей радикального сообщества. Однако силовые меры, как известно, обратной стороной имеют ускоренный рост искореняемого явления. Неизбежным следствием жесткого прессинга, оказываемого на радикалов, является появление у них новых последователей. В этом один из основных тупиков борьбы с подпольем. Силовые методы неизбежны, однако они же закономерно становятся одной из причин, его порождающих и устойчиво воспроизводящих.

В таких случаях принято говорить о необходимости точной дозировки насилия, «выверенности» и адресности силовых мероприятий. Но это легко продекларировать и очень сложно (скорее невозможно) исполнить. Конечно, стремление к максимально допустимой минимизации насилия можно только приветствовать. Но современная история борьбы демократических стран с разного рода партизанскими движениями не знает ни одного случая столь совершенной «оптимизации» меры насилия, которая оказалась бы достаточной для полной остановки ответной протестной реакции групп населения, против которой данное насилие применяется. Дагестан (как и весь Северный Кавказ) – не исключение.

Поэтому едва ли, работая силовыми методами, стоит рассчитывать на значительное сокращение людей с радикалистским мировоззрением, представляющих основу кадрового пополнения подполья.

2. Комплекс социально-экономических мер. Как уже отмечалось, усилия власти в данной сфере не способны напрямую воздействовать на систему ценностей религиозных радикалов. Устойчивая динамика республиканской экономики и рост материальных доходов населения отнюдь не обратно пропорциональны уровню террористической активности. Ценности не продаются, не являются предметом торга. И тем не менее определенный смысл в такой деятельности, как в профилактике терроризма, есть. Повышение уровня жизни в сочетании с другими социальными трендами, если не в краткосрочной, то более отдаленной перспективе может быть связано с мировоззренческой трансформацией представителей социальной прослойки психологического сочувствия ТП. А в конечном счете может несколько сократить ресурсную базу подполья в республике. Однако кардинально решить проблему экстремизма в Дагестане социально-экономические меры не в состоянии.

3. Социокультурная модернизация. Представляет важное направление воздействия на потенциальную среду поддержки ТП. Основная задача – постепенная социокультурная модернизация республиканского населения, и прежде всего молодежи и подростков, позволяющая постепенно сокращать демографический ресурс терроризма. Включает широкий комплекс мер по развитию системы образования (всех ступеней от дошкольной до вузовской), «профессионализацию» молодежи, подключение ее к современным культурно-образовательным практикам, расширение культурного кругозора. Заметим, что по уровню «профессионализации»

молодежи Дагестан (вместе с Чечней и Ингушетией) относится к числу наиболее проблемных регионов Северного Кавказа и всей РФ. Более 40% молодых людей в республике ограничиваются только школьным образованием. Но и значительную часть выпускников местных вузов и техникумов нельзя назвать квалифицированными специалистами.

Ситуацию в данной сфере И. Бойков, доцент ведущего вуза республики – Дагестанского госуниверситета, описывает следующим образом: «Качество современного дагестанского образования – что школьного, что вузовского чрезвычайно низкое... Подавляющее большинство студентов систематически сдает экзамены и зачеты за деньги, и процентов 70 из них, если не больше, надо бы вообще исключить из вуза. Хотя бы потому, что они в силу своего низкого интеллектуального уровня, не соответствуют званию студента... Если такая картина наблюдается в объективно сильнейших вузах республики, то что говорить про остальные, особенно про многочисленные филиалы московских, питерских, ростовских университетов, институтов и академий, которые, как грибы после дождя, продолжают расти в дагестанских городах и даже в районных центрах. Фактически, в республике в сфере образования работает хорошо отлаженная система очковтирательства. Одипломленных и остепененных выпускников вузов и аспирантур тысячи». При всей возможной болезненной субъективности автора данная оценка отражает реалии республиканской высшей школы.

Впрочем, даже заметное повышение качества учебного процесса не даст абсолютной гарантии, что более образованная и профессионально подготовленная республиканская молодежь перестанет пополнять подполье. Напомним, что Марьям Шарапова, 28-летняя учительница информатики из с. Балахани Унцукульского района (в 2005 г. закончившая физмат Дагестанского госуниверситета), выбрала участь шахидки – взрыв в московском метро 29 марта 2010 г. Другой пример – уничтоженный 9 октября 2005 г. в Махачкале боевик из джамаата «Шариат» Абузагир Мантаев защитил в 2002 г. в Москве диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук (тема – «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане»). Показательно, что среди убитых и задержанных боевиков – участников террористического «мятежа» в Нальчике (октябрь 2005 г.) 20% были молодые люди с высшим образованием, 15% – со средним специальным и 60% – с общим средним образованием.

Итак, последствия социокультурной модернизации далеко не однозначны. Однако если она и не является панацеей от экстремизма («лекарств», гарантирующих излечение от этой «социальной болезни», просто не существует), в целом эффект ее будет безусловно положительным для стабилизации республиканского общества. Несмотря на определенное число исключений, общее количество «волонтеров», предпочитающих путь боевика карьере бизнесмена, чиновника, экономиста и т.п., в Дагестане по мере его социокультурной модернизации может сокращаться. Но в данном случае речь идет о весьма продолжительном процессе, положительный эффект которого может аккумулироваться маленькими порциями на протяжении многих десятилетий. В краткосрочной перспективе (5–10 лет) ждать от него заметных результатов просто бессмысленно.

Все перечисленные выше методы ориентированы, прежде всего, на изменение базовых ценностей радикалов и групп населения, сочувствующих им. Однако в реальной практике возможны и другие способы решения проблемы ценностных «ножниц».

4. Речь, в частности, может идти о **ценностной «самокоррекции»**, позволяющей сблизить ценности российского общества с теми, что разделяют религиозные радикалы. Совсем необязательно при этом отказываться от принципов светского модернизированного социума. Реальное исправление недостатков, свойственных республиканской (и российской в целом) политической и социально-экономической системе, действительная борьба с многочисленными формами духовного разложения были бы оправданным шагом навстречу религиозным радикалам, протестность которых связана в том числе и с неприятием обширного негатива, присутствующего в основных сферах российской социальной жизни. Более того, искоренение этих недостатков существенно для самой России, одно из центральных условий сохранения ее в качестве жизнеспособного государства и общества. Иными словами, борясь со своими недостатками, Россия борется и с дагестанским (и всем северокавказским) экстремизмом. Но в перечне антитеррористических мер необходимость «самоисправления» общероссийской действительности никогда не озвучивается (хотя очевидно, что республиканские реалии есть более выпуклая и концентрированная проекция их федеральных аналогов).

Учитывая крайне вялую активность власти на этом направлении, данный способ сближения ценностных систем российского общества и религиозных радикалов имеет мало шансов на практи-

ческое применение. Политическая элита РФ никогда не уступит неприемлемым для современного модернизированного социума требованиям экстремистов (что совершенно правомерно), но и с большей вероятностью окажется не в состоянии разобраться с собственными недостатками, как и с формами духовного разложения, фиксируемыми в современном российском обществе.

5. **«Радикализм без экстремизма».** Но помимо ценностной коррекции радикалов и самокоррекции российской власти и общества существует еще одна форма воздействия на подполье, основная задача которого может быть условно обозначена как «радикализм без экстремизма»: не меняя смысловых ориентиров радикалов, навязать им «политкорректность», заставить их отказаться от террористических форм протестности и мирно сосуществовать с представителями всех других систем ценностей.

В реальной практике одностороннее навязывание подполью каких-либо условий едва ли возможно. Необходимы встречные уступки. И здесь то, что неприемлемо для РФ в целом, может рассматриваться как более или менее приемлемый вариант для отдельной республики. Речь идет о ценностной «самокоррекции» в масштабах Дагестана (отдельных его районов или даже поселений), которая может представлять переход к шариатской форме организации отдельных территориальных сообществ (на этом пути имеется много вариантов – масштабы и конкретные области применения норм шариата в социальной практике могут варьировать самым существенным образом). Потенциально такого рода подвиги способны сократить протестную энергетику местного радикалистского сообщества и всего подполья.

Конечно, даже фрагментарный переход республики к шариату станет дополнительным фактором системного отчуждения республиканского общества от РФ. Дагестан, постепенно приобретающий черты внутреннего зарубежья, сделает по этому пути еще один большой и чувствительный шаг. И что не менее существенно – это будет удар по наиболее модернизированным социальным группам республиканского общества, в сохранении и расширении которых РФ крайне заинтересована.

Итак, все имеющиеся в распоряжении власти способы воздействия на ТП и общую ситуацию в республике представляют долгосрочные инструменты, работающие на временной дистанции в десятки лет. Поэтому ожидать кардинального решения проблемы подполья и ликвидации его демографической базы в республике в ближайшее десятилетие не приходится.

Является ли возросшая в последние годы экстремистская активность свидетельством неуклонного дрейфа республики от остальной РФ, тенденцией нарастающей социально-политической дестабилизации, чреватой наступлением хаоса (а в худшем варианте – приходом к власти радикалов с повторением чеченского сценария конца XX в.); или же существование ТП в его современном формате – неизбежный спутник идущей социально-экономической и социокультурной модернизации дагестанского общества, очень серьезное, но в целом ограниченное по своему масштабу зло, «терпимое» в том смысле, что не способно остановить процесс «положительного» развития республики?

Второй вариант ответа нам представляется несколько более близким к действительности. Положение в республике, безусловно, является очень сложным. Но если самоуспокоение опасно и чревато тяжелыми последствиями, то столь же неоптимальны и «самозапугивание», переоценка существующих угроз. Очевидно, что радикалы и их активные сторонники составляют в республике малочисленную группу (не более 1–2% населения), компенсирующую свой малый размер повышенной активностью и вооруженной формой сопротивления. При столь ограниченных ресурсах подполью крайне сложно рассчитывать на успех в борьбе с властью. Но открытым остается и вопрос о возможности власти одержать полную победу над республиканским ТП.

История знает примеры такого рода побед. Но они связаны с жесточайшим государственным террором против повстанческих и экстремистских организаций, включая репрессии против их активных и пассивных пособников (и даже простых «соглядатаев», укрывших известную им информацию). Нет, к примеру, сомнения в том, что сталинский режим сумел бы нанести северокавказскому ТП сокрушительное поражение. Однако и таковое не стало бы панацеей от серьезных рецидивов при любом последующем ослаблении данного режима. Скорее всего, вероятность таковых только бы возросла. Современная РФ (рыночная, принципиально деидеологизированная, коррупционная, административно малоэффективная), при очевидном дефиците политической воли, едва ли в состоянии в сложнейшей политической и социально-экономической ситуации Дагестана полностью ликвидировать подполье. Речь скорее может идти о его «дефрагментации». Но и здесь возможны весьма различные варианты – от серьезного сокращения ТП до сценария, при котором подполье даже увеличивает свой формат и активность.

Какой из этих сценариев реализуется, предсказать едва ли возможно. Динамика развития местного ТП определяется сложнейшим взаимодействием множества факторов, траектория каждого из которых может протекать в достаточно широком русле возможностей. Это делает детальное прогнозирование перспектив террористического комплекса в республике на среднесрочную и долгосрочную перспективу процедурой, превышающей аналитические способности любого исследовательского коллектива, как и имитационно-моделирующие возможности современной компьютерной техники.

Очевидно только то, что в первой трети/половине XXI в. Дагестан уже едва ли сможет вернуться к уровню стабильности 60-х – первой половины 80-х годов XX в. Высокая проблемность, связанная в том числе и с терроризмом, – характеристика абсолютно неизбежная практически при любом сценарии развития республики на ближайшие десятилетия.

С. Слущкий. «Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия)», Р.-на-Д., 2010, с. 94–160.

А. Крылов,
политолог
**АЗЕРБАЙДЖАН НА ПУТИ
ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ**

После распада СССР обладающий богатыми сырьевыми ресурсами Азербайджан оказался в регионе в наиболее благоприятном положении. Главным источником доходов стал экспорт энергоносителей на мировые рынки, и экономический рост страны до сих пор базируется на экстенсивном использовании энергетических ресурсов. Благодаря своему географическому положению и нефтегазовым месторождениям Азербайджан был и остается для США одним из самых приоритетных государств на постсоветском пространстве. США оказали Азербайджану значительную по объемам помощь в области военного и военно-морского строительства, активно содействовали углублению отношений Азербайджан – НАТО.

США и ЕС провозгласили своей важнейшей задачей преодоление чрезмерной, по их мнению, зависимости Европы от российских энергоносителей. Началось строительство новой системы

трубопроводов через Азербайджан, Грузию, Турцию и далее в Европу. Уже построены нефтепровод «Баку–Тбилиси–Джейхан» и газопровод «Баку–Тбилиси–Эрзерум». Администрация Б. Обамы продолжила курс прежней администрации на строительство «Южного энергетического коридора» в обход России и Ирана.

Азербайджанское руководство демонстрирует заинтересованность в развитии энергетического сотрудничества с США и ЕС. Оно не раз заявляло, что сотрудничество Азербайджана с НАТО носит стратегический характер и страна сделала свой выбор в пользу «истинной демократии» и «евроатлантических ценностей». Но для официального Баку такой выбор вовсе не означал отказа от собственного суверенитета и слепого следования в фарватере американской политики.

Президент Ильхам Алиев много раз повторял, что нынешние российско-азербайджанские отношения могут служить примером взаимодействия между двумя соседними государствами. На основании существующего высокого уровня взаимопонимания и схожести позиций по многим проблемам глобальной политики И. Алиев заявил о том, что российско-азербайджанские отношения уже достигли уровня стратегического партнерства. В Москве также не скупятся на комплименты в адрес официального Баку. Представители МИД России также не раз заявляли, что российско-азербайджанские отношения достигли уровня стратегического партнерства. Российские власти занимают подчеркнуто отстраненную позицию по отношению к внутривнутриполитическим событиям в Азербайджане. Кремль предпочитает никак не проявлять публично своих симпатий или антипатий по отношению к тем или иным политическим силам в Азербайджане. Но эти симпатии вполне очевидны.

Нынешние оппозиционеры рассматриваются как продолжатели авантюристического и антироссийского курса А. Эльчибея и поэтому не могут найти в Москве никакой поддержки. При отце же и сыне Алиевых ситуация в Азербайджане вновь стала стабильной, российско-азербайджанские экономические связи были восстановлены и теперь активно развиваются. И это обстоятельство имеет для российского руководства куда более важное значение, чем авторитаризм, нарушения прав человека и т.п. «недостатки» нынешнего правящего в Азербайджане режима.

Такую же «отстраненно-созерцательную» позицию по отношению к происходящим в Азербайджане событиям занимают США, ЕС и практически все государства, олицетворяющие совре-

менную западную демократию. Несмотря на постоянную критику, звучащую в адрес Баку из западных столиц, ничего подобного имевшему место ранее в ряде постсоветских государств массированному вмешательству во внутренние дела и откровенной поддержке оппозиции в Азербайджане не наблюдалось. И это естественно: в международных отношениях собственные национальные интересы куда важнее интересов «продвижения демократии» в других странах. США рассматривают Азербайджан как удобный плацдарм для расширения политического и военного присутствия в Каспийско-Черноморском регионе, транзитную страну для экспорта энергоносителей из Центральной Азии и важный поставщик энергоносителей. Для ЕС важна не столько военно-политическая составляющая, сколько роль Азербайджана в качестве транзитной страны и поставщика энергоносителей в Европу.

Для России Азербайджан является ценным торговым партнером и важнейшей частью новых транспортных коридоров Север–Юг, которые связывают ее с Ираном и странами Южной Азии. Москва не считает, что расширение военно-политического присутствия США послужит укреплению стабильности в Каспийско-Черноморском регионе. Интересам национальной безопасности России противоречит втягивание Азербайджана в военную операцию против Ирана, что угрожает дестабилизацией ситуации на российских южных границах. Очевидно, что превращение Азербайджана в транзитную страну для экспорта центральноазиатских энергоресурсов на мировые рынки противоречит интересам российских энергетических монополий и повлекло бы за собой ослабление позиций РФ в ЦАР и на Южном Кавказе. Российское руководство с успехом нейтрализовало эту угрозу путем развития взаимовыгодного энергетического сотрудничества со странами ЦАР (предоставление транзита на внешние рынки по существующим трубопроводам, собственные закупки нефти и газа и т.п.). В 2009 г. Россия начала закупать газ и в Азербайджане. До этого главными экспортерами азербайджанского газа были Грузия и Турция.

Азербайджан имеет перед Турцией контрактные обязательства о поставках с месторождения «Шах Дениз» в рамках проекта «Стадия-1» ежегодно 6,3 млрд. м³ газа в течение 16 лет. Эти поставки начались в конце 2006 г. По условиям подписанного в 2001 г. контракта его цена была определена в 120 долл. за 1 тыс. м³. Вместе с тем в контракте оговаривалось, что стоимость газа с «Шах Дениз» может быть пересмотрена уже через год после

начала поставок и затем это может делаться ежегодно по обоюдному согласию сторон. Как указано в контракте, переход на новую цену мог начаться с 15 апреля 2008 г. И когда эта дата наступила, Азербайджан заявил о намерении повысить цену, так как она оказалась почти в три раза ниже, чем в Европе. Но турецкая госкомпания Votas выступила против такого повышения. При этом она покупала топливо у «Газпрома» почти в три раза дороже, чем в Азербайджане. Турецкая сторона предложила установить тариф за транзит азербайджанского газа в Европу в размере 70% от общепринятых мировых норм. По словам турецкого министра природных ресурсов и энергетики Т. Йылдыза, цена за прокачку 1 тыс. м³ газа за каждые 100 км должна составить 2,36 долл. (Украина получает за прокачку российского газа 2,6 долл.). При этом Анкара явно стремилась увязать проблему прокачки газа в Европу с сохранением льготных цен на азербайджанский газ для Турции. По мнению азербайджанской стороны, предложенные Турцией тарифные ставки на прокачку газа являются совершенно неприемлемыми, так как они на 70% превышают аналогичные ставки по региону.

Противоречия в энергетической сфере обострились еще больше после подписания протокола об установлении дипломатических отношений между Турцией и Арменией и последовавшего за этим беспрецедентного охлаждения отношений между Азербайджаном и Турцией. Азербайджанский МИД заявил, что подписание протокола «явно противоречит национальным интересам Азербайджана, а также бросает тень на братские отношения между Азербайджаном и Турцией, имеющие глубокие исторические корни». Страсти особенно накалились, когда во время футбольного матча между командами Турции и Армении в Бурсе, состоявшегося 14 октября 2009 г., было запрещено использование азербайджанских флагов, а СМИ Азербайджана сообщили о том, что офицеры турецкой полиции разорвали азербайджанский флаг, а затем выбросили его в мусорный контейнер. Азербайджанские СМИ негодовали и по поводу «теплых объятий» президентов Армении и Турции, а также из-за того, что жена президента А. Гюля якобы сама приготовила обед для С. Саргсяна, а турецкий президент якобы не нашел ничего лучшего, чем предоставить армянскому коллеге для ночлега собственную спальню.

Все эти сообщения вызвали взрыв антитурецких настроений в Азербайджане. Турецкие флаги, развивавшиеся у мемориала в память о погибших турецких солдатах, были спущены. Состоялись

демонстрации молодежи, представители различных партий подвергли турецкое руководство резкой критике «за унижение азербайджанского национального достоинства», в парламенте страны были проведены эмоциональные дебаты по поводу «инцидента с азербайджанским флагом».

Кризис в отношениях между Азербайджаном и Турцией, а также неопределенные перспективы экспорта азербайджанского газа в Европу вынудили Баку срочно заняться поиском альтернативных рынков сбыта. 16 октября 2009 г. Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан будет рассматривать альтернативные варианты экспорта газа, так как турецко-азербайджанские переговоры о транзите голубого топлива не дали результатов. Более того, он обвинил Турцию в том, что она препятствует достижению договоренностей, предлагая неприемлемо низкие цены за азербайджанский газ. Пропускная способность связывающего Азербайджан и Россию газопровода составляет до 7 млрд. м³ газа в год. Таким образом, Азербайджан имеет возможность продавать России до трети ныне добываемых объемов газа. Руководство Азербайджана заявило о своей готовности продавать России столько газа, сколько ей необходимо.

Еще одним важным потребителем азербайджанского газа может стать Иран. После распада СССР Азербайджан и Иран договорились о поставках газа на основе взаимобмена. Газ из Азербайджана поступает в приграничные иранские провинции, а Иран поставляет такое же количество газа в изолированную от остальной азербайджанской территории Нахичеванскую автономную республику (НАР). В январе 2010 г. ГНКАР и иранская Национальная газовая компания подписали соглашение об объемах поставок газа в Иран. В настоящее время Азербайджан экспортирует в Иран ежедневно 2 млн. м³ газа, из указанного объема 800 тыс. кубометров прокачиваются в Нахичевань (НАР), 1,2 млн. м³ идет в северные провинции Ирана. Стороны договорились продолжить работу над долгосрочным контрактом об экспорте азербайджанского газа в ИРИ, при этом объем долгосрочных поставок составит как минимум 3–5 млн. м³ в сутки. Иранская сторона выразила готовность в перспективе покупать у Азербайджана любые объемы газа.

Не исключено, что азербайджанский газ станет важной составляющей в обсуждаемом сейчас проекте «мирного трубопровода», который пройдет из Ирана в Пакистан и Индию. Как подчеркивают участники этого проекта, он призван сыграть большую

роль в укреплении стабильности в регионе и его экономическом развитии. По мнению ряда азербайджанских экспертов, стране «проще и дешевле» договориться об экспорте азербайджанского газа в Азию, чем продолжать ждать реализации «эфемерного “Набукко”».

Изменение энергетической политики Азербайджана вызвало негативную реакцию у западных партнеров. Спецпредставитель госсекретаря США по вопросам энергетики Р. Морнингстар в январе 2010 г. посетил Азербайджан. После своего возвращения в Вашингтон он назвал разочаровывающим отсутствие соглашения между Азербайджаном и Турцией по условиям поставок газа. Р. Морнингстар исключил всякую возможность участия Ирана в «Южном коридоре» и констатировал, что этот проект может оказаться нежизнеспособным, если не будет достигнуто «целесообразного с коммерческой точки зрения и взаимовыгодного соглашения по условиям транспортировки газа». О возможных негативных для Азербайджана последствиях заявил вице-председатель подкомитета Европарламента по правам человека и представитель Консервативной партии Великобритании по вопросам внешней политики Ч. Таннок. По его мнению, в случае возникновения трудностей с осуществлением «Набукко» по вине Баку это может стать «дополнительным препятствием для Азербайджана в его намерениях вступить в евро-атлантические структуры экономики и безопасности». Наряду с давлением на Баку страны Запада оказывают давление и на Анкару с целью добиться скорейшего решения проблемы транзита азербайджанского газа через Турцию.

Очевидно, что если Турция продолжит затягивать решение о переходе на приемлемые для Азербайджана цены на газ и на транзит, масштабы энергетического сотрудничества между двумя странами могут стать минимальными. Однако вряд ли такая перспектива станет реальной: для Баку невыгодно попадать в чрезмерную зависимость от одного из своих потребителей, будь то Турция, Иран или Россия, а также слишком опасно обострять отношения с США и ЕС.

Проводимый Баку курс на развитие в первую очередь энергетического сектора позволяет получать политические и финансовые выгоды, но он стал причиной недостаточной диверсификации экономики и зависимости страны от ситуации на мировом энергетическом рынке. К тому же энергетические ресурсы Азербайджана ограничены, и есть веские основания полагать, что уже в ближайшем будущем объемы добычи могут значительно снизиться. Пока

азербайджанская элита не проявляет заметного беспокойства по поводу зависимости от «нефтяной иглы» и не имеет достаточных стимулов к политической и экономической модернизации.

В стране сложилась авторитарная модель управляемой, или имитационной, демократии. Правящий режим полностью контролирует политическую жизнь страны и в состоянии обеспечивать на выборах нужные результаты, причем, в случае необходимости, даже независимо от того, как проголосуют избиратели. Согласно официальным данным, в октябре 2008 г. 88,73% пришедших на выборы избирателей проголосовали за переизбрание действующего президента Ильхама Алиева.

В марте 2009 г. по инициативе правящей партии «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан») в Азербайджане состоялся конституционный референдум. Согласно официальным данным, более 90% участников голосования одобрили внесение изменений в Конституцию страны, в том числе отмену ограничений на избрание президентом одного и того же лица более двух раз. Это значит, что Ильхам Алиев сможет остаться у власти и после окончания своего второго президентского срока в 2013 г.

По мнению лидеров оппозиционных движений, изменения политической системы фактически превратили страну в наследственную монархию. Оппозиция, призвавшая бойкотировать референдум, отказалась признать достоверными его официальные результаты. Однако действия оппозиции никак не повлияли на ход референдума и его итоги, не получили они и международной поддержки. Миссия наблюдателей от Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) отметила, что референдум «продемонстрировал готовность азербайджанского народа к расширению элементов стабильности и демократизации». Глава миссии, бельгийский депутат П. Уилл подчеркнул, что референдум прошел в спокойной обстановке и при высокой активности избирателей. Миссия наблюдателей от СНГ также признала референдум свободным, открытым, соответствующим нормам действующего в государстве законодательства и общепринятым подходам к проведению всенародного голосования. Более того, миссия констатировала, что референдум явился важным фактором дальнейшей демократизации общественной жизни Азербайджана, укрепил основы суверенитета, стал отражением стабильного, поступательного социально-экономического развития государства.

Признание странами Запада легитимности осуществленной «передачи власти по наследству» от отца к сыну, а затем согласие

на неограниченное по времени правление Ильхама Алиева привели к кризису ориентированных на западную модель демократии политических сил. У лишенной внешней поддержки раздробленной прозападной оппозиции практически нет шансов добиться смены режима путем победы на президентских выборах.

Высока вероятность, что нынешний президент Азербайджана Ильхам Алиев (или, по крайней мере, клан Алиевых) еще долго будет оставаться у власти. Отсутствие перспектив смены правящего режима конституционным путем в условиях отсталости социально-экономической структуры и огромного разрыва в уровнях дохода элиты и остального населения ведет к росту социальной напряженности. Это создает благоприятные условия для деятельности экстремистских сил, которые стремятся использовать ислам в политических целях и с его помощью завоевать власть в Азербайджане.

*«Внешние связи стран Прикаспия в условиях глобального кризиса и интересы России»,
М., 2010, с. 103–108.*

Р. Беккин,
востоковед

ВНЕДРЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ ФИНАНСОВОЙ МОДЕЛИ В КИРГИЗИИ

В апреле 2006 г. в беседе с автором этих строк советник тогдашнего президента К. Бакиева и Управляющий от Киргизской Республики (КР) в Исламском банке развития Ш.М. Муртазалиев всерьез говорили о ближайших планах по исламизации всего финансового сектора Киргизии. Такое заявление не могло не вызвать удивления. Несмотря на то что 84% населения Киргизии – мусульмане, влияние ислама в республике не столь велико, как, например, в соседних Узбекистане или Таджикистане. Тот факт, что значительное число населения Киргизии не пользуется банковскими услугами, свидетельствует не столько об этически ориентированном экономическом поведении граждан страны, сколько о низкой финансовой культуре общества в целом. Ислам для большинства населения выступает в роли морально-нравственного фактора, оказывающего влияние на формирование ценностей в обществе.

В соответствии с опросом, проведенным в 2003 г. киргизским исследователем Ч. Чотаевой, наибольшую последовательность в исполнении предписаний ислама проявляют узбеки, проживающие в Киргизии. Вторую группу наиболее религиозных респондентов составили представители национальных меньшинств: дунгане, уйгуры и др. Киргизы заняли третье место: лишь 25,9% опрошенных заявили, что всегда соблюдают религиозные правила. С тех пор ситуация мало изменилась.

Очевидно, что количество мечетей также не является безусловным показателем религиозности населения. В 1991 г. в Киргизии было 39 мечетей, а в 2003 г. – уже 1600. Вместе с тем по опросам, проведенным в разных регионах страны в 2003 г., 54,5% опрошенных киргизов заявили, что не ходят в мечеть.

Тем не менее слова Управляющего от Киргизской Республики в Исламском Банке Развития (ИБР) о внедрении исламских методов финансирования в банковском секторе не были лишь благими намерениями. 16 мая 2006 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Киргизской Республикой, ОАО «ЭкоБанк» (с 2001 г. Он называется «Эко Исламик Банк») и Исламским банком развития, членом которого Киргизия является с 1993 г. Меморандум содержит положения, устанавливающие механизм сотрудничества Киргизской Республики и ИБР в деле развития исламского банковского дела в стране.

Введение исламских методов финансирования в стране в соответствии со ст. II Меморандума планировалось осуществить в четыре этапа.

1. Первый этап включал формирование Руководящего комитета по реализации Меморандума, определение необходимых минимальных изменений в законодательстве для реализации исламского банковского дела, создание в структуре «ЭкоБанка» специального подразделения по исламскому банкингу и др.

2. Второй этап сводился к рекапитализации «ЭкоБанка» и принятию необходимых мер для обеспечения возможности участия в его капитале всех заинтересованных структур, в том числе Правительства Киргизской Республики, Исламского банка развития и других финансовых институтов стран – членов ИБР.

3. В рамках третьего этапа предполагалось принятие в Киргизии нормативно-правовых актов, необходимых для развития индустрии исламских финансовых услуг. В Меморандуме особо подчеркивается намерение создать в Киргизской Республике равную финансовую и правовую среду для внедрения исламского банков-

ского дела и финансирования наряду с традиционным банковским делом и финансированием.

4. Четвертый этап предусматривает, что в случае успешного выполнения задач, намеченных в ходе первых трех этапов, Руководящий комитет предоставит сторонам, подписавшим Меморандум, свои заключения и рекомендации о перспективах превращения столицы Киргизской Республики – города Бишкек – в центр исламских финансов в регионе.

В настоящее время Киргизия находится на третьем этапе выполнения плана по введению исламских методов финансирования в стране. Приняты основополагающие нормативно-правовые акты, создающие равные условия для работы исламских и традиционных финансовых институтов. Так, 3 апреля 2009 г. президент Киргизии подписал законы «О внесении дополнений в Закон Киргизской Республики «О банках и банковской деятельности в Киргизской Республике», «О внесении изменений и дополнений в Закон Киргизской Республики «О Национальном банке Киргизской Республики» и др. Данные поправки открывают возможности для применения исламских методов финансирования исламскими и традиционными банками, имеющими исламские «окна». В сентябре 2009 г. правительство Киргизии утвердило «Положение об организации страхования по исламским принципам (такафул)» и «Положение о ценных бумагах, выпускаемых по исламским принципам финансирования (сукук)». Таким образом, в Киргизии подготовлена правовая база для развития не только исламских банков, но и других исламских финансовых институтов и инструментов.

Зарубежные эксперты высоко оценивают достижения Киргизии в деле развития исламского финансового сектора. Так, по мнению бывшего директора Регионального представительства ИБР в Алма-Ате Ника Зайнала ‘Абидина, Киргизия прошла менее чем за два года путь, на который у других стран уходит более 10 лет.

Два месяца спустя после подписания меморандума, 12 июля 2006 г., президент К. Бакиев подписал указ № 373 «О пилотном проекте внедрения исламских принципов финансирования в Киргизской Республике». В указе было подтверждено намерение развивать исламский финансовый сектор параллельно с традиционным. Иными словами, предпочтение было отдано дуалистической модели развития экономики. Всем действующим в стране банкам предложен выбор: или продолжать осуществлять процентные операции, или трансформироваться в исламские банки.

Поле для эксперимента по внедрению исламских методов финансирования был выбран упоминавшийся «ЭкоБанк», вернее его филиал, располагающийся в Бишкеке. Фактически данному филиалу был придан статус исламского «окна» в традиционном коммерческом банке. Государство не является акционером банка, но у его руководства были тесные связи с экс-президентом К. Бакиевым и правительством. Как известно, это ключевой фактор успеха в таком регионе, как Центральная Азия. Как отразится новая смена власти в Киргизии на положении «ЭкоИсламикБанка», предугадать сложно. Однако эксперимент по развитию исламских методов финансирования вряд ли будет приостановлен.

В декабре 2006 г. Национальный банк Киргизстана выдал разрешение на применение исламских методов финансирования в рамках пилотного проекта «ЭкоБанка» в соответствии с Положением «О реализации исламских принципов финансирования в Киргизской Республике в рамках пилотного проекта». Специальный комитет, работавший над созданием исламского «окна» в «ЭкоБанке», подготовил более 20 документов, связанных с применением исламских финансовых принципов в экономике КР. В июле 2007 г. на официальной церемонии открытия проекта исламского «окна» в «ЭкоБанке» присутствовали президент страны К. Бакиев и президент ИБР Ахмад Мухаммад 'Али.

С мая 2008 г. не только юридические, но и физические лица получили возможность открывать в банке сберегательные счета *кард хасан*, на которых на остатки не начисляется процент. В августе того же года банк стал открывать вклады до востребования на основе механизма вадии *'а йад дамана* (договор хранения) и срочные инвестиционные вклады на основе *мударобы*. В настоящее время «ЭкоИсламикБанк» предлагает своим клиентам (как физическим, так и юридическим лицам) широкий набор исламских банковских продуктов. При этом доходность по некоторым из них (в частности, по инвестиционному депозиту на основе механизма *мудароба*) превышает доходность по традиционным депозитам в других банках Киргизской Республики.

Банк осуществляет активную кредитную политику на основе исламских принципов. Так, с января по сентябрь 2009 г. «ЭкоИсламикБанк» профинансировал с использованием исламских механизмов 214 проектов на сумму свыше 200 млн. сомов (4 420 377 долл. США).

Сравнительная таблица доходности по исламским депозитам и традиционным депозитам в банках КР (на 1.02.2009 г.)

Срок	Исламские депозиты в ОАО «ЭкоБанк»		Средняя процентная ставка по депозитам в основных банках КР	
	в сомах (% годовых)	в долларах (% годовых)	в сомах (% годовых)	в долларах (% годовых)
3 мес.	6,88	6,88	5,76	4,81
6 мес.	10,01	10,01	8,92	7,44
12 мес.	12,52	12,52	12,02	10,73
18 мес.	15,02	15,02	13,37	12,02
24 мес.	17,52	17,51		

Тем не менее едва ли следует ожидать, что внедрение исламских методов финансирования в банковском секторе Киргизии приобретет массовый характер. Наиболее оптимистичный сценарий: создание традиционными коммерческими банками специализированных исламских «окон».

Вызывает сомнения намерение руководства «ЭкоИсламик-Банка» в ближайшее время перенести свой опыт по внедрению финансирования в соответствии с шариатом за пределы Киргизии, в частности в другие государства Центральной Азии и Россию. Для этого у «ЭкоИсламикБанка» недостаточно ресурсов. В условиях активизации Казахстана на рынке исламских финансовых услуг Бишкек едва ли сможет составить конкуренцию Алма-Ате в качестве регионального центра исламских финансов, т.е. на практике осуществить выполнение четвертого этапа, предусмотренного вышеупомянутым Меморандумом о взаимопонимании между Киргизской Республикой, ОАО «ЭкоБанк» и Исламским банком развития.

Что касается других государств Центральной Азии, то наибольшие шансы добиться успеха в развитии рынка исламских финансовых услуг есть у Таджикистана. При Национальном банке создана рабочая группа по изучению и внедрению исламского финансирования в Республике. Активную поддержку рабочей группе оказывает ИБР. В одном из ведущих таджикистанских банков – «Агроинвестбанке» – функционирует особое подразделение,

специализирующееся на разработке исламских финансовых продуктов.

«Исламская экономическая модель и современность», М., 2010, с. 272–276.

Параг Ханна,
политолог (США)
**УЗБЕКИСТАН И ТУРКМЕНИСТАН:
«НЕУД» ПО ПОВЕДЕНИЮ**

Вскоре после событий 11 сентября 2001 г. в Узбекистане на контрольно-пропускных пунктах военные приветствовали американских туристов возгласами «Мы друзья Буша!». Страна была рекрутирована в прифронтовые союзники Соединенных Штатов, помогая им проводить военные операции на территории своего южного соседа, Афганистана. Узбекистан превратился в стартовую площадку для беспилотников «Predator», запущавшихся с целью ликвидации Усамы бен Ладена, а позже был активно задействован в тайных схемах, использовавшихся ЦРУ для допросов и пыток подозреваемых в терроризме. Присутствие американских войск на военной базе Карши-Ханабад («К2») на юге страны значительно улучшило ее репутацию и позволило подкрепить претензии на статус ключевой державы региона. Однако всего через пять лет Узбекистан разочаровал: американцам пришлось убраться из страны, а политический разлад стал практически неизбежен. Почему так вышло?

Узбекистан – это сердцевина Срединной земли. По численности населения он превосходит все остальные постсоветские страны Центральной Азии вместе взятые, к тому же еще и граничит со всеми центральноазиатскими государствами. В начале 1990-х годов именно Узбекистан, а не Казахстан, считался наиболее вероятным кандидатом на лидерство в регионе благодаря наличию многочисленных городских центров и более качественной инфраструктуры. По запасам золота Узбекистан занимает восьмое место в мире, имеются также немалые залежи нефти, газа и урана. Такие факторы, как производство хлопка и промышленная база страны, обусловили появление там крупных текстильных фабрик и автомобильных заводов. Президент Ислам Каримов казался весьма прогрессивным лидером. «Лучше теннисные ракетки, чем военные

ракеты», – молвил он однажды, посетив престижный турнир «Кубок президента» в столице страны Ташкенте.

Если президент Казахстана Назарбаев стал культивировать устремленный в будущее тюркский ренессанс, то Каримов фактически сделал упор на обращенную в прошлое национальную самобытность под стягом Тамерлана – великого хана, жившего в XIV в., чьи конные статуи повсюду в Ташкенте заменили памятники Карлу Марксу. Правда, в отличие от Тимура, который устремлял караваны во все стороны света, дабы углубить связи с Китаем, Аравией и Индостаном, Каримов практически закупорил свою страну, полностью перекрыв новый «Шелковый путь» и жестко обходясь с собственными гражданами. У сияющих на солнце современных банков в центре Ташкента всего один клиент – государство. Как гласит местная шутка, эти банки – всего лишь склады с запасами узбекской денежной единицы – сома; чтобы купить что-нибудь стоящее, нужны мешки сомов. Страна лишилась большей части своих талантливых бизнесменов, переехавших в более либеральный Казахстан. Вряд ли можно подыскать лучший символ для описания событий, происходивших в постсоветское время на стыке Казахстана и Узбекистана, чем Аральское море – этот усохший и загаженный символ нерациональных советских методов орошения хлопковых полей. Казахское правительство построило дамбу, чтобы разделить море на две части и постепенно заполнить «малый Арал» водами Сырдарьи. В то же время большая часть Аральского моря, принадлежащая Узбекистану, по-прежнему напоминает засыхающее ядовитое болото с парящими над ним облаками пестицидов. Если Казахстан, даже пребывая во Втором мире, добился кое-каких успехов, то Узбекистан, наоборот, имеет все шансы спуститься в Третий мир.

Ферганская долина – сердце всей Центральной Азии. Здесь сегодня живет 20% населения региона, хотя долина занимает всего 5% его территории. Поскольку в сопредельных государствах существует диспропорция между отдельными этническими группами, Ферганская долина представляет собой эпицентр центральноазиатской версии конфликтного синдрома, до сих пор еще не изжитого на Кавказе, где Сталин в свое время также прочертил своего рода линии судьбы, породив демографическую шизофрению и натравив национальные меньшинства друг на друга, чтобы у них не оставалось времени выступать против власти. Когда в 1990 г. вспыхнули зловещие беспорядки на этнической почве между узбеками и киргизами, советские войска ничего не сделали

для их предотвращения; Москва предпочла обвинить ислам. С точки зрения демографии Западная Киргизия и Северный Таджикистан населены узбеками. Из-за плотности заселения Ферганской долины и ужасающей бедности ее жителей любой этнический конфликт порождает огромные потоки беженцев. Рост оборота наркотиков и упадок системы социального обеспечения при деспотических режимах оказывают разрушительное воздействие на ферганскую молодежь, которая, подобно молодым арабам, с отстраненным видом сидит в уличных забегаловках и ожидает работы.

Сегодня нельзя понять пульсацию «Шелкового пути» и его архитектурное величие, не посетив медресе и базары Самарканда и Бухары, где в тесных и скрытых от постороннего глаза комнатенках производят шелк с помощью деревянных ткацких станков, как это делали встарь и все по той же древней технологии, выкраденной из Китая и привезенной в Персию многие столетия назад. В легендарном бухарском медресе Мир-и-Араб наголо бритые мужчины в шляпах-пакулях с длинными клинообразными бородами неспешно восстанавливают изразцы, испещренные замысловатой исламской каллиграфией. Рядом в магазинчике, расположенном в подвале, где реставрируют старинные музыкальные инструменты, группа музыкантов завораживает своей игрой, исполняя на пронзительных флейтах, похожих на гитары комузах с туго натянутыми струнами и арабских барабанах музыку «Шелкового пути» – но ее некому слушать. Грандиозное медресе Регистан в Самарканде, во времена Тамерлана бывшее центром проведения шествий, празднеств и ярмарок, сегодня отдает пугающим запустением. Самарканд мог бы стать символом современного исламского возрождения и вновь обрести титул «второй Мекки», а Ферганская долина, в которой перемешаны разные валюты и кулинарные традиции «Шелкового пути», могла бы стать житницей региона, привлекая земледельцев из всех сопредельных стран. Но вместо этого Узбекистан представляет собой пример упущенных возможностей и извращенного честолюбия.

Чтобы повысить авторитет своей страны в «войне с террором», Каримов решительно запретил исламистские партии и общественные организации. При этом он стал зачастую навешивать удобные ярлыки типа «экстремистский» или «фундаменталистский» на такие социально-образовательные учреждения, как медресе (эта тактика широко применяется деспотами Центральной Азии и арабского мира). Как ни парадоксально, но даже будучи

мусульманином по рождению, Каримов повторил ошибки атеистов-большевиков. Последние боролись в течение десяти лет на всем пространстве Туркестана с басмачами, загнав их в горы, после чего Сталин разрушил около тысячи из почти 30 тыс. мечетей, а остальные отдал под музеи и фабрики. И все же СССР, стремясь снискать доверие к себе в мусульманских странах, по крайней мере позволял исповедовать некую разновидность «официального» ислама, создав четыре муфтията (управления) и сделав Ташкент центром изучения ислама. В отличие от них Каримов преувеличил угрозу со стороны исламистских групп и переоценил способность народа терпеть самовластие руководителя страны. Кроме того, Каримову не удалось убедить узбеков в том, что он и есть тот самый человек, который способен явить своему народу славное наследие прошлого.

Распространение воинствующего исламского фундаментализма из Пакистана и Афганистана на север – в Ферганскую долину и далее за ее пределы – вовсе не было неизбежным. «Исламистские группировки в основном были формой политической оппозиции в регионе, а не фактором ее радикализации», – пояснил один узбекский чиновник, который оставил государственную службу по личным убеждениям. В Казахстане молодежь регулярно ходит в мечеть, не опасаясь преследований, а потому недовольства исламистов там не существует. В самом Узбекистане исламский радикализм первоначально был лишь слабым отголоском действий полевых командиров – этнических узбеков из северных районов Афганистана, и о свержении режима Каримова речи не шло. Большинство узбеков предпочли бы держаться в стороне от буйства политического ислама, который еще встречается в других местах. «Раньше в повседневной жизни мы никогда не сталкивались с религиозными проблемами. Ошибочный подход к исламу возобладал у нас только сейчас», – пояснил тот же чиновник.

Если сжать воздушный шарик, то он не сдуется сразу, а будет разбухать, пока не лопнет. Каримов и для себя, и для Запада создал очень большую проблему – положение, при котором в стране начисто отсутствует всякая оппозиция, за исключением организованных исламистских групп, сделавших своими главными целями Узбекистан и Таджикистан. Два крупных исламистских движения в последние годы продвигают панисламский национализм, считая свержение Каримова необходимым условием для этого. Партия «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения) начинала свою деятельность как исламская община, борющаяся с корруп-

цией и нищетой с помощью традиционных брошюр и современных интернет-ресурсов, а не насилия, – но стала чем-то вроде передового авангарда суннитов-исламистов. Исламское движение Узбекистана имеет боевые ячейки, гнездящиеся в Афганистане и Таджикистане; оно получает финансирование от саудовских ваххабитов и пакистанских медресе. По всей Ферганской долине разбросаны его лагеря, где готовят молодежь к участию в боевых действиях и терактах. Дабы оправдывать убийства, они прибегают к искаженному толкованию Корана.

Режим типа каримовского – самая лучшая реклама, которую только можно вообразить, для вербовки новых приверженцев подобных радикальных групп. Тысячи исламистов – это молодые люди, которые несколько лет назад даже и мусульманами-то в полном смысле этого слова не были. Неспособность узбекской верхушки предложить им внятную национальную идею нового типа открыла двери для альтернативных идей. Даже светски настроенные узбеки уже не поддерживают каримовскую тиранию, которая вынуждает вдов вступать в ряды «Хизб ут-Тахрир» и идти по стопам их убитых мужей. В 2004 г. атаки террористов-смертников на площадях Ташкента – раньше в регионе о подобном никогда не слышали – снискали симпатии значительной части узбекского населения. «Все могло бы закончиться, как в Афганистане, ведь никакого выбора, кроме вооруженной борьбы, у нас нет», – взволнованно заявил один студент из бедного квартала столицы.

Каримов всегда был деспотом, но добившись абсолютной власти, стал буквально параноиком. Проведенная при нем коллективизация снизила доходы крестьян, которым запретили владеть землей. Он ввел высокие тарифы на импорт и стал жестко контролировать операции с иностранной валютой. Когда иностранные инвестиции иссякли, Каримов даже попытался установить полный контроль над экономикой и все более обесценивающимся сомом, закрыв границы в Ферганской долине и с Южным Казахстаном для челночной торговли. Ничто не могло быстрее отвратить от Каримова обедневших узбекских торговцев, само существование которых полностью зависит от огромных открытых базаров в Карасу, расположенном по обе стороны границы с Киргизией. Гигантские морские контейнеры из Китая расставлены там попарно, образуя замысловатый караван-сарай – невообразимую мешанину красочных магазинчиков, где узбеки затариваются дешевыми китайскими товарами, для которых правительство закрыло каналы

официального импорта. Быстро демонтировать такой рынок и переместить его в другое место, как в эпоху «Шелкового пути», – дело нескольких дней. Каримов постарался – снес базар и дома вдоль границы. Но в ответ на закрытие им границы по всей Фергане моментально выросли черные рынки советского типа. Правда, прибыли торговцев снизились – не в последнюю очередь потому, что, в отличие от водителей автомобилей, лоточники с их арбузами вынуждены платить больше за пересечение строго охраняемой границы, и теперь их дневной заработок уходит на непомерные поборы.

После закрытия границы сильно удлинился путь до Андижана – ближайшего крупного узбекского города, родины императора Бабура из династии Великих Моголов, жившего в XV в. Чтобы запугать ферганских предпринимателей, Каримов упрятал за решетку десятка два успешных бизнесменов, заклеив их как исламистских радикалов. А в мае 2005 г. полиция, проявив бесчеловечность, хладнокровно расстреляла мирных демонстрантов, которые требовали освобождения узников-предпринимателей. Более жестокая расправа в Азии имела место только в Пекине во время восстания на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. А некоего человека, арестованного якобы за экстремизм, в течение двух лет подвергали пыткам, после чего власти объявили ему: «Президент Каримов прощает вас, но если вы хоть слово скажете о том, что здесь происходило, мы вас снова арестуем».

Сейчас Ташкент – строго охраняемая столица сугубо полицейского государства. В радиусе 200 км от нее выставлены военные и полицейские кордоны, зачастую замаскированные под таможенные посты. Там обыскивают все транспортные средства, чтобы не допустить проникновения в столицу каких-либо антиправительственных элементов. Любой подстрекатель, пробравшийся вдруг в Ташкент, будет разочарован при виде такой картины: главный правительственный квартал огорожен на манер Запретного Города в Пекине, а те места, где еще можно провести демонстрацию, выражаясь официальным языком, «облагорожены» – читай блокированы. Даже самый крупный в городе базар Чорсу ужат наполовину произвольно поставленными заборами. Парадокс состоит в том, что Каримов опасается своего собственного народа, – и это при вездесущих спецслужбах, на которых с отвращением смотрит большинство граждан за исключением наивных детей, продающих открытки около бухарских святынь. У Министерства внутренних дел и служб безопасности имеются свои

финансовые интересы и собственные воинские подразделения численностью до 60 тыс. человек. Такого количества вполне достаточно для аннексии Худжандской области Таджикистана, заселенной в основном узбеками.

Каримов расписал андижанские события в духе американской «войны с террором», ставя тем самым Соединенные Штаты в затруднительное положение и заставляя их наблюдать, как американская политика демократизации входит в противоречие с американской же политикой антитеррора. До событий в Андижане узбеки находились под впечатлением слов, произнесенных начальником Центрального командования США Энтони Зинни: «Я не Тамерлан. Я пришел не покорять вас». Но суровая критика со стороны Запада толкнула Каримова в объятия россиян и китайцев – заступников, которые потребовали, чтобы Соединенные Штаты покинули военную базу Карши-Ханабад. При этом россияне и китайцы прикрыли Каримова с помощью Шанхайской организации сотрудничества. Узбекистан стал еще одним полигоном, где разыгрываются шахматные комбинации в духе Realpolitik, причем о исходе всей партии можно только гадать.

Каримов также быстро закрыл или выселил из занимаемых помещений большинство американских неправительственных организаций, которые занимались вопросами соблюдения прав человека, проведения судебной реформы, а также созданием независимых средств массовой информации. «Каждый день нас то вызывают в суд, то требуют покинуть страну, – посетовал западный корреспондент. – Наши партнеры хотят, чтобы мы здесь их обучали, но правительство реагирует слишком нервно». Неправительственные организации, радеющие за демократию, – это составная часть, казалось бы, противоречивого, но фундаментального американского внешнеполитического подхода, при котором США играют роль одновременно и доброго, и злого полицейского. Можно сказать, что неправительственные организации обучают сразу две группы общества – верхи и низы, но заинтересованность почему-то проявляют только последние. В то время как официальная политика США предусматривает поддержку режима, американские неправительственные организации борются с властями и тем подают пример местным жителям.

Противоречивый характер, присущий политике благих намерений, как раз и стал одним из факторов ее провала. «Война с террором» привела к противоречиям между Госдепартаментом и Пентагоном: если первый сократил помощь Узбекистану из-за

имевших там место нарушений прав человека, то второй, наоборот, увеличил объем военного содействия этой стране. Лишь незначительная часть общей суммы в 500 млн. долл., выделенных Узбекистану, была израсходована на цели демократизации. Иностранная помощь, которую всегда предназначают для развития и на политические цели, в конечном итоге не привела ни к экономической, ни к дипломатической лояльности со стороны Узбекистана. Если предоставление помощи стране вообще никак не увязывать с проведением в ней политических реформ, то в этом случае лидеры станут тяготеть к использованию гораздо более агрессивной политики по отношению к внутренней оппозиции.

Так, например, Каримов направил американские средства не на спасение зашатавшейся экономики, а на увеличение заработной платы преданных ему спецслужб, повысив тем самым степень защиты своего политического режима. Если Америка продолжит и дальше концентрироваться только на отношениях с режимами, а не следовать европейскому подходу, суть которого состоит в совершенствовании государственных систем, тогда и после Каримова его преемники будут выказывать симпатии к Китаю и России. Некий бывший узбекский чиновник с осуждением заметил, сидя в тихом ташкентском ресторане: «Западная стратегия должна отходить от своего обычая и не выделять среди лидеров “своего сукина сына”, а называть его просто и ясно: “сукин сын”».

Если вы предоставляете военную помощь какому-то режиму, а кроме вас тем же самым занимаются и другие державы, то возможности оказать воздействие на этот режим уменьшаются – вот в чем загвоздка. В тот самый момент, когда НАТО приостанавливает сотрудничество со странами, отказавшимися проводить демократические реформы, Шанхайская организация сотрудничества, наоборот, продолжает поддерживать автократов, предпочитающих необременительное покровительство со стороны Китая и России деспотичной опеке со стороны Запада.

Отказ Каримова от помощи советников, его репрессивная политика и командно-административный стиль управления экономикой не означают просто формальный переход к китайской или российской модели – Узбекистан даже не граничит с Китаем. Скажем так: Каримов охотно передал свою страну в сферу влияния Китая. Вскоре после массовой расправы в Андижане Каримов вылетел в Пекин, где подписал сделки по нефтегазовым месторождениям в Ферганской долине и строительству газопровода в Западный Китай на общую сумму около 1 млрд. долл. Российские и

китайские фирмы прекрасно ладят с коррупционерами и ориентируются в непрозрачных деловых отношениях, контролируя в настоящий момент большую часть территории, богатой полезными ископаемыми. В конце 2005 г. Россия и Узбекистан также подписали Договор о союзнических отношениях, что еще больше ослабило позиции США.

Если Казахстан укрепил свою безопасность, поддерживая хорошие отношения со всеми крупными державами, Каримов подорвал стабильность в Узбекистане путем отказа от поддержки со стороны Запада, оставив свою страну открытой для эксплуататорского сговора со стороны Китая и России. В то же время Америка и Евросоюз по-прежнему популярны среди узбекского населения. После Андижана Соединенные Штаты переправили сотни узбекских беженцев из Киргизии в Европу, несмотря на громкие возражения Каримова. «У нас нет достаточной информации, но мы знаем, что Америка и Европа приняли верное решение, и мы по-прежнему уважаем их», – объяснил молодой узбекский ученый. ЕС дополнительно ввел запрет на въезд высокопоставленных узбекских чиновников, а беспокойные узбекские изгнанники в Европе сейчас проходят там подготовку с помощью западных организаций. Запад не признал Каримова, но в то же время ему удалось не разъярить исламистские группировки Узбекистана. Бремя вины за распоясавшихся диктаторов типа Каримова следует возложить на Китай и Россию, которые одни в конечном итоге и должны страдать от всех последствий их действий.

На примере Узбекистана видно: страну куда легче закрыть, чем открыть. Для руководителя типа Каримова не может быть никакого компромисса между демократизацией, экономическим ростом и национальной безопасностью: гарантией выживания режима и государства является стабильность собственного правления. «Со времен гласности не видно никаких изменений или прогресса. И никаких подвижек не произойдет до тех пор, пока Каримов не будет висеть на фонарном столбе», – вздыхает таксист из Бухары. Присущая диктатору психология человека из осажденной крепости совершенно исключает возможность передачи власти правовыми методами. Поистине Каримов, который стоит у власти почти два десятилетия после обретения страной независимости, унесет тиранию с собой в могилу.

Крупнейшая провинция Узбекистана Каракалпакия, охватывающая всю западную треть территории страны, к настоящему времени превратилась в иссохшую пустыню из-за чрезмерного

использования Амударьи в целях орошения. В Аральском море, в котором когда-то добывалось больше 1/10 части рыбных ресурсов Советского Союза, не могут существовать никакие формы жизни, кроме бактерий – причины заболеваемости местных жителей.

По другую сторону от этой бесплодной земли лежит Туркменистан, большая часть которого – все та же покрытая паутиной трещин пустыня. Ее кочевые коневодческие племена все еще пребывают в древней эпохе, когда Мерв был второй после Багдада столицей Сельджукидов. Подобный образ жизни кочевников повысил их иммунитет перед лицом советской экспансии, против которой они отчаянно боролись на протяжении 1930-х годов. Но обладая огромными запасами газа, Туркменистан по сути стал одной из крупнейших в мире заправочных станций, хотя и управляемой менеджерами, которые регулируют подачу топлива по своему усмотрению.

В отличие от Ислама Каримова, туркменский лидер Сапармурат Ниязов, скончавшийся в 2006 г., безо всякого стеснения объявил национальным героем не Тамерлана или какого-нибудь другого исторического деятеля, а самого себя. Ниязов провозгласил себя Туркменбаши (Отцом всех туркмен) и по всей стране заменил учебники истории на книгу собственного сочинения «Рухнаму» (эта книга богохульно обладала тем же статусом, что и Коран) со стихами такого, например, содержания: «Я дух туркменского народа, я возродился, наконец, чтоб век золотой вам принести и счастье». Словно пребывая в бреду, он отождествил себя с государством, уничтожил оппозицию, произвел зачистку интеллигенции и разграбил экономику страны – все эти деяния явились следствием его самовосхваления в духе Пол Пота или Ким Чен Ира. Закрыв больницы и библиотеки за пределами Ашхабада, Ниязов одновременно с этим вливал миллионы долларов в строительство роскошных домов, восьмиполосной автострады, вычурных фонтанов и возведение собственной статуи высотой 40 м, которая поворачивается вслед солнцу. Страна даже несколько переплюнула султанаты, в которых власть опирается на своих сторонников, объединенных клановой связью, а понятие конституционной системы правления отсутствует начисто. Чтобы продемонстрировать свое человеколюбие, Ниязов ежегодно выпускал из тюрем тысячи заключенных. Его политика зависела от его прихоти и шла вразрез с рекомендациями немногочисленных советников, из-за чего страна стала сущим кошмаром для специалистов в области экономической статистики – ведь правительство предоставляло данные, опи-

сывавшие «мир, желанный для Туркменбаши, а не тот, в котором живет большинство туркмен». Народные массы, населяющие реальный мир, не имеют работы и пребывают в наркотическом оцепенении.

После смерти этого бога новая номенклатура закрыла страну, чтобы граждане не сбежали вместе с золотом, а затем подправила Конституцию для поддержания власти воров. «А ведь мы так надеялись, что произойдет переход к политике, основанной на реальности, но такая цель явно не значилась среди приоритетов нового режима», – сухо заметил официальный представитель одного из западных агентств по оказанию помощи, который уже испытал потрясение от поездок в страну, застрявшую в прошлом.

В отличие от своего соседа по Каспийскому морю, Казахстана, Туркменистан на своем примере показывает, что обилие природных ресурсов может и не сочетаться с разумным экономическим или политическим правлением. Ниязов жил в постоянном страхе перед иностранными инвестициями в энергетический сектор, поскольку они могли повлечь за собой политическое вмешательство. В результате добыча нефти и газа в 1990-х годах сократилась. По иронии судьбы, так как Ниязов никогда не позволял распространять подтвержденную информацию об объеме добычи нефти и газа в своей стране, нехватка западных инвестиций привела к установлению контроля над северными трубопроводами Туркменистана со стороны российского «Газпрома», что позволило этой компании диктовать цены на газ. Предлагаемый газопровод через Афганистан и Пакистан в Индию (который позволил бы обойти газодобывающих конкурентов Туркменистана – Иран и Россию) застопорился в большей степени из-за отсутствия прозрачности в Туркменистане, а также из-за нестабильности в Афганистане.

Однако, принимая во внимание возрастающий спрос на нефтегазовые ресурсы, можно сказать, что активизация усилий, направленных на проникновение в Туркменистан, практически неизбежна. Остается лишь понять, когда это произойдет и как. Хотя Россия по-прежнему контролирует поток туркменского газа в Европу*, Туркменистан мог бы уклониться от российского контроля

* Ситуация существенно изменилась после 9 апреля 2009 г., когда на газопроводе «Средняя Азия – Центр» произошла крупная авария, случившаяся, по распространенному мнению, ввиду резкого снижения «Газпромом» объемов отбора туркменского газа. Многие эксперты склонны полагать,

и получить выгоду от подписания энергетических контрактов с Западом в том случае, если, подобно Казахстану, подключит поток своих энергоресурсов через Каспийское море к Кавказскому энергетическому коридору, который протянулся вплоть до Венгрии.

Желание ускользнуть от России побудило Туркменистан рассмотреть строительство газопровода через Казахстан в Китай. Соединенные Штаты жаждут заполучить бывшую советскую базу в Мерве, надеясь, что Туркменистан, как в свое время Узбекистан, поможет им достичь своих стратегических целей в Афганистане и даже в Иране.

Все сказанное свидетельствует о сложном характере новой «большой игры», в рамках которой Туркменистан сможет установить тесные связи с Западом, оказав ему содействие в усилиях по устрашению Ирана, обузданию России, а также увеличению потока энергии в Европу. Но сказанное напоминает и о том, насколько слабым может быть внешнее влияние на центрально-азиатские ханства.

П. Ханна. «Второй мир», М., 2010 г., с. 140–152.

Георгий Рудов,

кандидат политических наук (МГИМО(У) МИД России)

ЦЕНА СУВЕРЕНИТЕТА И ГЕНЕЗИС ВЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С момента провозглашения независимости и распада СССР государства Центральной Азии (ЦА) переживают сложный период формирования государственности, непосредственным образом сопряженный с проблемой стабильности всего региона. Продолжается поиск ориентиров внутренней и внешней политики, формирование собственного политического курса, определение своего места в трансформирующейся мировой системе.

Нельзя не отметить, что эти процессы осложняются необходимостью решать сразу, одновременно проблемы социально-

что таков был ответ «Газпрома» на собственную ошибку, заключающуюся в готовности покупать дорогой туркменский газ в условиях падения спроса и цен на него на европейских рынках. Так или иначе, с этого времени Россия не столько контролирует поток туркменского газа в Европу, сколько выступает препятствием для его поставок на европейский рынок. – *Прим. В. Иноземцева.*

экономического, военно-политического, этнонационального и конфессионального характера. При этом нельзя не согласиться с оценками ряда аналитиков и экспертов о том, что азиатские страны бывшего СССР объективно оказались в наименьшей степени подготовленными к адекватному восприятию новых реалий, демократических форм организации власти.

В странах региона остается сильным влияние на общественное сознание ислама, стереотипов клановости и местничества, авторитарности и даже феодальной ментальности. Взятые вместе, эти факторы (с учетом оставшихся элементов, принципов и форм советского партийного руководства и кадровой политики) пока остаются базовой нормой, которая обеспечивает, как это ни странно для приверженцев неоллиберализма, достаточно эффективное функционирование новых структур власти и позволяет решать в целом вопросы обеспечения общественной политической и экономической стабильности.

Подобный генезис власти характерен с разными вариациями для всех государств Центрально-Азиатского региона. Особенно ярко перечисленные черты проявляются в Узбекистане и Туркменинии, заметны они и в Казахстане. В этих республиках ведется целенаправленная работа по созданию образа «вождя» и «отца нации» в лице нынешних руководителей. Попытки же демонтировать устоявшиеся структуры власти не получают пока широкой общественной поддержки. Более того, как показал пример Таджикистана, они приводят к общенациональному кризису, чреватому не только опасностью распада государства, но и серьезной дестабилизацией ситуации во всем этом регионе.

По существу, единственной альтернативой партийно-клановому авторитаризму сейчас выступает исламский фундаментализм, который, в свою очередь, также предусматривает строго регламентированную структуру власти с подчинением одному лидеру. Следует помнить, что Центрально-Азиатский регион был и остается исключительно важной зоной национально-государственных интересов России. Для России очень важно, чтобы Центральная Азия стала зоной стабильности и динамичного развития, не отягощенной какими-либо внутренними и сопредельными очагами напряженности, открытой для взаимовыгодного международного сотрудничества.

Сегодня ЦА оказалась в фокусе внимания глобальных и ведущих региональных держав, международных финансово-экономических структур, стала полем широкого по диапазону и

составу участников сотрудничества, ареной соперничества нергиональных сил за влияние. Прежде всего это обусловлено геостратегической значимостью региона, его потенциально мощными нефтегазовыми и другими минерально-сырьевыми ресурсами. Более болезненным для возникших государств оказался процесс адаптации к новым геополитическим условиям формирования внешнеполитических концепций и оборонительных доктрин, адекватно учитывающих реалии и сложности «свободного плавания» в океане многочисленных связей со старыми союзниками и новыми партнерами. Эти процессы осложняются тем, что в экономической сфере за годы независимости ни одно государство региона не сумело полностью адаптироваться к новым условиям автономного хозяйствования. Экономические трудности для них усугублялись переориентацией в первой половине 90-х годов XX в. на дальнее зарубежье. Даже на начало XXI в. товарооборот России со странами ЦА составил лишь треть объема торговли с бывшими среднеазиатскими республиками в рамках СССР.

Избавившись от обременительной роли «донора» для центральноазиатских государств, Россия «избавилась» и от существенной доли своей «привлекательности» для них. Очевидно, что утрата Россией доминирующих позиций в ЦА, целенаправленное стремление третьих стран «выдавить» ее из региона, затянувшиеся кризисные явления в самой российской экономике и общественной жизни, поиск новых стратегических партнеров – все это не могло не отразиться на некогда непоколебимом авторитете РФ для «центральноазиатской периферии», не породить всплеска националистических настроений, не поощрить местные элиты к менее внимательному, чем прежде (а временами и вообще пренебрежительному), отношению к заметно ослабевшей «метрополии» – России. Особенно наглядно это было видно на примере Узбекистана, когда наше бывшее руководство практически открыто игнорировало запросы и обращения главы самого крупного в регионе по численности населения (25 млн. человек) и экономическому потенциалу государства, постоянно претендующего на роль регионального лидера.

Подобная ситуация не могла остаться незамеченной как со стороны ближайших азиатских соседей, «хороших друзей» с Запада, так и различных исламских структур, продвигающих идеи национализма и пантюркизма. Достаточно вспомнить прогремевшие взрывы в Ташкенте, ответственность за которые взяло тогда на себя Исламское движение Узбекистана (ИДУ), открытые военные

выступления боевиков с захватом заложников и человеческими жертвами в 1999 и 2000 гг. на юге Киргизии. После некоторого перерыва ИДУ вновь заявило о желании свергнуть светский режим Каримова: весной 2004 г. в Ташкенте и Бухаре были совершены очередные теракты с человеческими жертвами. Президент И. Каримов на экстренном заседании правительства 31 августа 2004 г. заявил, что за этими преступлениями стоит экстремистское движение «Хизб ут-Тахрир», целью которого является построение халифата на территории мусульманских государств. Политическое руководство Узбекистана не скрывает, что идеи этой экстремистской организации таят серьезную угрозу для стабильности страны и ее соседей. Деятельность радикальных экстремистов не остановило даже проведение крупных совместных учений по борьбе с терроризмом государств – членов Договора о коллективной безопасности (ДКБ), проходивших в это время на территории Киргизии.

Оценивая эти события в Узбекистане, вице-президент Российской академии геополитических проблем, генерал-полковник Л. Ивашов прямо говорит: «Надо учитывать, что для Узбекистана явление шахидов достаточно нетрадиционно. Но все изменилось после того, как то же Исламское движение Узбекистана наладило тесные контакты с талибами, взявшими под свое крыло штабквартиру ИДУ. Передан опыт, а социальная среда для подготовки шахидов в Узбекистане зрела все эти годы». Заместитель директора Института США и Канады П. Золотарев считает: «Это составляющая часть общего процесса международного терроризма и последствия того, что происходит в Ираке, и тех действий, которые сейчас США предприняли в Ираке. В свое время Москва предупреждала Вашингтон, что операция в Ираке с ее явной антиисламской направленностью взорвет ситуацию в регионе, в том числе и в Центральной Азии, приведет к активизации международного терроризма... Удержать США от ошибочного шага не удалось, и теперь приходится пожирать плоды...»

Обеспечение безопасности на Юге России непосредственным образом связано с проблемами стабильности в странах ЦА, поэтому Центрально-Азиатский регион был и остается исключительно важной зоной национально-государственных интересов нашей страны. Необходимость сохранения здесь доминирующей роли РФ определяется нерешенностью острых внутривнутриполитических и социально-экономических проблем в странах ЦА, наличием скрытых разногласий между ними, прежде всего межэтнического

и территориального характера. Появление первого конфликтного очага в Таджикистане затем в Узбекистане и на юге Киргизии в совокупности с продолжающим тлеть Афганистаном и сильным пожаром в Ираке делают этот район крайне нестабильным и взрывоопасным, с огромным потенциалом возможных этнополитических конфликтов. В этих условиях присутствие России – политическое, экономическое и военное, – по существу, является единственным фактором, способным гарантировать здесь мир и безопасность. Уход России приведет к лавинообразному и непредсказуемому развитию обстановки, чреватому губительными последствиями. В результате увеличивается вероятность вмешательства третьих стран, действия которых могут мотивироваться не только злым умыслом, но и инстинктом самосохранения, интересами обеспечения собственной безопасности.

Центральная Азия в настоящее время стала объектом целенаправленного политического, экономического и идеологического воздействия извне, прежде всего со стороны мусульманских государств. Наблюдаются две взаимосвязанные тенденции: рост заинтересованности самих центральноазиатских стран в интенсивном развитии политических и экономических связей с зарубежными государствами и стремление таких стран, как Турция, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия, используя в первую очередь этноязыковую и религиозную общность, вытеснить из региона Россию и добиться своего преобладающего влияния. В республиках ЦА постоянно будируется проблема регионального менталитета. Феномен термина «региональный» заключается в том, что, являясь узконаправленным, он тем самым сближается с «центральноазиатской идеей», определенным образом сплачивающей народы Центральной Азии и Ирана, Афганистана и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

В постсоветский период в республиках ЦА продолжается процесс переосмысления национальной истории, ее включения в мировую систему, что выражается в существенной корректировке взглядов на историческое прошлое. Особенно наглядно этот процесс можно проследить на примере Туркмении. Первый президент Туркмении Сапармурат Ниязов в книге «Рухнама» писал: «Судьбой мне было отпущено возглавить туркменский народ на стыке двух тысячелетий. На меня легла ответственность повести свой народ от неудач и лишений мрачной эпохи его последней истории к вершинам третьего тысячелетия... Моя доктрина – Рухнама. Рухнама – это выстроившаяся в единый ряд система мировоз-

зренческих представлений, своей сущностью уходящих в национальное самосознание туркмен. Рухнама – это основа всех моих политологических и экономических начинаний, социальных и культурных реформ, обусловленных современным движением туркменской истории. Рухнама – это метод их осуществления в конкретных условиях начавшегося процесса самореализации туркменской нации...»

Президент соседнего с Россией государства, придерживающегося «позитивного нейтралитета», пытаясь сохранить определенную дистанцию от России, одновременно заигрывая с Западом, США и мусульманскими государствами на базе крупнейших запасов нефти в Каспийском море, с ходу, без каких-либо оговорок и отступлений пытался прямо и косвенно обвинить Россию и русских во всех былых и настоящих бедах «своего народа». Приведу довольно пространную цитату из «Рухнамы», чтобы было понятно, в каком духе воспитывается современное поколение туркмен. «...В XIV–XVI вв. разобщенный туркменский народ начинает утрачивать былое могущество... Вражда охватывает знаменитые династии туркмен акгююнлы и гаргююнлы... С новой силой вспыхивают неурядицы с приходом на берега Хазара русских... Россия ввела на туркменской земле зависимое управление, развернула религиозную пропаганду, стала проводить свою культурную политику... Чего греха таить, все годы, что мы провели в составе СССР, мы мирились с характеристиками, что туркмен бескультурный, необразованный, невежественный кочевник-скотовод, живущий в черной юрте, точнее сказать, ярлыками. Тех же, кто имел иное мнение, объявляли врагами народа, подвергали унижениям, дискриминации... В таком состоянии мы провели 74 года, 74 года тоски, уныния, безверия в свой завтрашний день...»

Поразительно, что руководитель государства, получивший высшее образование и начавший свой трудовой путь в Ленинграде, а затем поднявшийся до высших ступеней партийной номенклатуры после возвращения в Туркмению, так видел свою жизнь. Нет необходимости приводить выдержки из многочисленных выступлений Ниязова на съездах, конференциях, митингах и собраниях того времени, где он восхвалял социалистическую действительность, пел осанну общности «советский народ» и низко кланялся русскому человеку. А что, может быть, действительно Россия и русский народ ничего не принесли хорошего на туркменскую землю, как в другие страны Центральной Азии? Может быть, вспомним восстановление из руин после страшнейшего землетря-

сения Ашхабада (1948), строительство «Ворот Азии» – города Ташкента после землетрясения 1966 г. Разве можно забыть то, что все республики Центральной Азии стали зоной сплошной грамотности. В них было покончено с традиционными для юга заболеваниями, вплоть до самых маленьких аулов было доведено электричество, создана сеть школ и медпунктов, различных ирригационных сооружений, а в крупных и районных городах построены заводы, фабрики, открыты институты, техникумы, производственно-технические училища. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Нельзя забывать то, что «Рухнама» переведена на десятки языков мира и может быть прочитана десятками и сотнями тысяч граждан стран Европы, Азии, Латинской Америки, которые действительно могут задуматься о феномене «русского медведя», подминающего под себя всех и вся. Ведь недаром западные СМИ продолжают трубить об «угрозе» со стороны России. Хочется надеяться, что время все расставит на свои места и люди сами дадут истинную оценку вкладу России в развитие республик, ныне суверенных государств Центральной Азии. Но подчеркну еще раз, что подобные высказывания главы государства не способствуют стабилизации отношений между нашими народами и обеспечению долговременной безопасности в этом беспокойном регионе мира.

Как справедливо отметил А.Д. Шутов, «...лидеры Грузии и Узбекистана рассматривают не Россию, а США и НАТО в качестве своих ближайших друзей и стратегических партнеров, “бескорыстных спонсоров” и благодетелей и с безоглядной поспешностью или готовы предоставить, или уже предоставляют территории своих государств под их военные базы...». Поэтому тезис «СНГ – приоритетное направление внешней политики России» должен оставаться неизменным. Следует помнить, что еще с древности Центральная Азия, и особенно Ферганская долина, отличалась своей полиэтничностью и многоконфессиональностью, что характерно для региона и сегодня. ЦА была место соприкосновения многих народов, взаимообмена культур и традиций. Веками здесь сосуществовали, пропагандировались и распространялись разные религии. Распространение ислама началось здесь в первые века хиджры (с VII в.) и продолжалось до XIX в. Многие традиции и обычаи народов региона сложились под влиянием этой религии, которая имеет особую значимость в формировании национального менталитета народов. Эта реальность вынуждает руководителей всех центральноазиатских республик уделять внима-

ние духовному просвещению, соответствующему потребностям их народа.

Руководители стран ЦА заинтересованы в том, чтобы их народы считали себя мусульманскими. Но они ни при каких обстоятельствах не захотят делиться властью с религиозными организациями, стремящимися занять свое особое место в общественной и политической жизни страны. Исходя из этого, можно предположить:

1. После обретения республиками ЦА государственной независимости их руководители нередко преподносят ислам как выражение национального менталитета и используют его, чтобы упрочить свое положение и противостоять российскому влиянию. При этом оправданное желание России сохранить свое присутствие в регионе и свой авторитет трактуется как продолжение экспансии, которой может противостоять ислам. Поэтому стремление построить независимую национальную экономику сопровождается возрождением исламских норм.

2. Нынешнее руководство республик ЦА в прошлом принадлежало к высшему и среднему руководящему составу КПСС и Советского государства. Очевидно, что они не хотят мириться с политическими требованиями любых религиозных группировок. Изгнание и давление со стороны окружения президента на религиозные группировки в Узбекистане и ликвидация в Казахстане партии «Алаш» служат тому подтверждением. Участие же руководителей государств в религиозных праздниках и ободряющие заявления относительно религии входят в рамки использования ислама в качестве фактора, способствующего формированию и укреплению национальной идентификации. Аналогичные явления характерны и для мусульманских регионов современной России.

В результате «разгрома» талибов ослабла внешняя угроза безопасности центральноазиатских государств. Снижился риск использования международным терроризмом территории региона для подрыва безопасности России. Заметно улучшилось и положение на границе между центральноазиатскими странами СНГ и Афганистаном. Однако оно остается взрывоопасным и может быть таковым на видимую перспективу в зависимости от наркотрафика – основного источника финансирования всех видов терроризма. В то же время в ЦА складывается принципиально новая геополитическая схема. Скорее всего, военно-политическое присутствие США приобретет долгосрочный характер и, соответственно, будет иметь место экспансия НАТО в регион Закавказья.

Центральная Азия становится центром приложения разнополярных векторов силы: «северного» (СНГ и Россия), «западного» (НАТО и ЕС, а в национальном качестве США и Турция как главные направляющие центры, «менторы» для стран региона), «восточного» (Китай), «южного» (ОЭС, Пакистан, Саудовская Аравия, Иран и другие страны мусульманского мира). Все эти страны, да и не только они, имеют или хотят иметь свои интересы, стремятся в период ослабления России занять свою нишу в этом сложном, но перспективном регионе. На основе векового опыта сотрудничества России со странами ЦА при разработке российской внешней политики на этом направлении следует учитывать самые разные аспекты, помнить, что безраздельное влияние и положение России как «старшего брата» и самого могущественного соседа в Центральной Азии закончились и в дальнейшем нам придется строить свою политику в условиях жесткой конкуренции.

С учетом возрастания геополитического веса ЦА (значительные природные и людские ресурсы, фактор Афганистана и Ирака, каспийская нефть, возрождение путей соединения Востока и Запада в рамках Великого шелкового пути и др.) усилия различных внешних сил по проникновению в регион будут расширяться по всем направлениям. Скорее всего, России с ее ограниченными финансовыми, экономическими и военными возможностями будет все труднее сохранять свое влияние и присутствие здесь. Без выработки широкой научно-теоретической стратегии национальной безопасности будет сложно формировать эффективную систему безопасности региона с учетом интересов как России, так и всего СНГ. Должно быть четкое понимание того, что укрепление только собственной безопасности, без учета интересов соседей, будет лишь способствовать возникновению нестабильности и взаимного недоверия.

Обращает на себя внимание такой важный политический фактор, как возможная смена политических элит уже в ближайшем будущем. За минувшие годы подросло и постепенно внедряется на все уровни государственного управления молодое поколение политиков, прошедших подготовку в элитных учебных заведениях США, Запада, Японии, Турции и ведущих мусульманских стран Востока. Впереди вполне осязаемо вырисовывается не просто возможная смена глав государств, а смена политического курса стран ЦА. Вероятно, что на смену политикам, тесно связанным с Россией воспитанием, образованием, дружественными отношениями, придет новое поколение политиков и менеджеров, свобод-

ных от советских пристрастий и ориентированных уже на «демократические ценности» в их западном понимании и трактовке. Такой ход событий вполне может привести к смене общеполитического курса республик ЦА, их переориентации на Запад. Все громче раздаются голоса национальной оппозиции и западных аналитиков, что ныне действующие президенты государств ЦА исчерпали свои ресурсы и возможности по реформированию и развитию ведóмых ими стран и что правящие режимы региона авторитарны, политически законсервированы, что провоцирует развитие в них революционных процессов. С учетом этого нельзя исключать возможности поворота некоторых государств ЦА в сторону радикального ислама.

Анализ более чем 15-летней практики отношений России с центральноазиатскими республиками показывает, что они обусловлены взаимодействием разнонаправленных объективных и субъективных факторов, и позволяет сделать некоторые выводы и предположения:

1. Центрально-Азиатский регион на среднесрочную перспективу можно прогнозировать как активную зону «нестабильности и рыхлости».

2. Следует помнить, что США и их союзники рассматривают ЦА и Кавказ как единую нефтегазовую провинцию, и пришли они в регион надолго, для чего обстоятельно обустраиваются и готовы увеличить свои материальные вложения.

3. Объективно наиболее значимыми странами, которые будут формировать климат безопасности в XXI в. на центральноазиатском пространстве, являются США, Россия, Китай и ЕС. Вместе с тем для всех стран ЦА Россия будет и далее оставаться важнейшим по всем параметрам партнером и соседом. Она – признанный гарант стабильности, устойчивости и безопасности.

4. Россия должна и в дальнейшем сосредоточить свое внимание на развитии перспективных интеграционных тенденций как в рамках Содружества Независимых Государств, так и с теми странами, которые неоднозначно трактуют само СНГ и его структуры.

5. Одним из приоритетов должны стать российские экономические интересы, которые следует защищать конкретными действиями по всем азимутам, и прежде всего противодействуя иностранному проникновению, поддерживая российское присутствие. Важным резервом на этом пути является традиционное сотрудничество со странами ЦА Москвы, Санкт-Петербурга, субъектов Федерации.

6. Надо иметь четкую и понятную внутри самой России и для внешних сил политику в отношении всех постсоветских государств ЦА. При этом важно определиться с обоснованной оценкой иерархии внутренних и внешних угроз. Военное сотрудничество России в регионе ЦА должно быть направлено прежде всего на обеспечение стратегических интересов самой Российской Федерации, на укрепление ее национальной безопасности путем дальнейшего углубления и расширения взаимодействия как в рамках СНГ, так и на двусторонней основе.

При выработке позиции России важно учитывать как ее долговременные национальные интересы, так и потребности стран, входящих в зону ее влияния (обеспечение их безопасности, поддержание баланса сил в регионе, содействие в развитии и т.д.). Политика разного рода «нажимов», «окрика» и «сдерживания» показала свою бесперспективность, и события последних лет текущего века подтвердили ее неэффективность. Эта задача может быть решена только через комплекс мероприятий экономического, политического и военного характера.

На излете первого десятилетия XXI в. для России важно построить свою центральноазиатскую политику с учетом таких направлений: Россия – США – Китай, Россия – Индия – Пакистан; с учетом действий антитеррористической коалиции США – Россия – Иран – Ирак – Афганистан с подключением в этот список Японии, ведущих нефтяных арабских и других мусульманских государств Востока. При этом, формируя политику и практические шаги во взаимоотношениях с государствами ЦА, надо учитывать, что в регионе всегда было и остается заметным влияние трех больших религий и пяти больших культур: ислама, буддизма, православия и исламской, китайской, славянской, монгольской и иранской культур. В регионе после распада СССР с помощью особых эталонов демократии и прав человека своеобразно представляются западная культура и европейские ценности. К тому же Иран, Турция и Саудовская Аравия всевозможными путями пытаются (и, надо сказать, не без успеха) внедрять свою идеологию на юге и востоке Центральной Азии, особенно в Ферганской долине и Каспийском бассейне. Стратегическая цель России должна быть подчинена важнейшей задаче по сохранению стран Центральной Азии в зоне славянской культуры, что, безусловно, будет способствовать стабилизации всего региона.

*«Края дуги нестабильности: Балканы –
Центральная Азия», М., 2010 г., с. 176–189.*

Роберт Ланда,
доктор исторических наук (ИВ РАН)
ИСЛАМИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЯ

Часть религиоведов считают ислаимзм наших дней просто псевдонимом национализма. В чем-то это так. Но далеко не во всем. Современный ислаимзм – это определенная стадия развития мира ислама, оказывающая значительное воздействие и на немусульманские народы, о чем можно судить, наблюдая за нынешней ситуацией в России и на Западе. Она охватывает не только сферу национального сознания, но также выражает стремление подтвердить свою историко-цивилизационную идентичность и религиозную специфику, защитить свои традиции и обычаи, самобытность своей социальной жизни и повседневного быта, которым угрожает экспансия иноверцев, когда-то называвшаяся крестовыми походами, потом – эпохой колониализма, а ныне – глобализацией.

Подобная консервативно-охранительная по форме, патристическо-почвенническая по сути позиция обычно называется фундаментализмом, но было бы совершенно необоснованно приравнивать последний к экстремизму. Наши ислаимеды давно уже доказали, что фундаментализм – это явление идеологическое и культурное, что это попытка «выразить неповторимость исламской цивилизации» и своего рода форма «самоутверждения ислама как социокультурной системы». Более того, хотел бы обратить внимание на точку зрения известного арабиста, хорошо знакомого с проблемами современного ислама, академика Е.М. Примакова, сказавшего осенью 1996 г., когда он занимал пост министра иностранных дел России: «Мы не ставим знак равенства между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом».

Среди фундаменталистов экстремисты – это крикливое меньшинство, о котором все говорят и пишут. Но главная сила фундаментализма – в молчаливом большинстве его сторонников. Эти «умеренные» ислаимсты не приемлют крайностей и готовы отстаивать свои идеи мирными средствами. Вместе с теми, кто вообще чужд фундаментализму, они, безусловно, доминируют в мире ислама. Но радикалы стремятся перетянуть их на свою сторону. И без понимания этого невозможно изолировать экстремистов в любом мусульманском социуме.

Надо учесть, что ислам всегда не был чужд политике, считая идеалом теократию. Современный исламский фундаментализм – это уже третья волна подъема мира ислама за последние 150 лет.

Первой волной был панисламизм, пытавшийся сплотить мусульман, по крайней мере, суннитов, вокруг Османской империи и против колониальной экспансии Европы. Второй волной после краха панисламизма и империи Османов стал национализм, добивавшийся и добившийся в 20–60-е годы XX в. политического освобождения от колониального гнета. Но поскольку прочие аспекты колониализма сохранились и даже усугубились, исламские идеологи развернули наступление «против национализма», за то, чтобы заменить его исламизмом. Это и стало своего рода «феноменом второй половины XX века».

В наши дни политизации ислама способствуют и весь груз обостряющихся социально-экономических противоречий в мусульманском мире, и трудности не всегда удачной и результативной модернизации, к тому же нередко противоречащей постулатам ислама, демографическое давление и технологическая отсталость, углубляющие унаследованную от прошлого пропасть между Западом и Востоком. Ко всему этому следует добавить и демонстрационный эффект западного процветания, раздражающий численно возрастающие и все более активные мусульманские диаспоры в Европе и США.

В России и Центральной Азии все указанные процессы имели свои особенности, специфику развития, темпы и результаты. На территории распавшегося Союза ислам попытался заполнить собой идейный вакуум, образовавшийся в 1990–1991 гг. В частности, с 1 января 1991 г. по 1 января 1993 г. количество мечетей и религиозных организаций мусульман в Российской Федерации выросло с 870 до более 4 тыс. То же самое наблюдалось в мусульманских республиках СНГ, где за те же годы количество исламских учреждений и мечетей в Азербайджане увеличилось с 84 до 300, в Казахстане – со 136 до 150, в Киргизии – с 58 до 150, в Таджикистане – с 75 до 300, Туркмении – с 54 до 115, в Узбекистане – с 300 до более 1 тыс. Повсеместно росли, как грибы после дождя, различные учреждения традиционного исламского образования – медресе, специальные институты и университеты, увеличилось число мусульманских газет и журналов, издательств и т.п. Представители мусульманского духовенства стали участвовать в политической жизни, избираться в парламенты и местные органы власти. Все это было абсолютно нормальным явлением, тем более – после долгого периода нарушения прав верующих, притеснений и репрессий. К тому же, начало 90-х годов было примечательно активной экспансией на всем постсоветском пространстве руково-

дящих кругов мусульманского духовенства, банков, частных и государственных структур Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, которые, пользуясь открывшимися тогда возможностями во всех без исключения республиках СНГ, включая Россию, вели строительство мечетей и исламских центров, присылали преподавателей и проповедников, финансировали самые разные проекты, принимали на учебу молодежь из бывшего СССР, прежде всего – в сугубо религиозные высшие и средние учебные заведения.

Взлет протестных настроений в мусульманских регионах бывшего Союза стимулировал также подавлявшиеся ранее (или умело скрывавшиеся до поры до времени) идеи национализма, сепаратизма, взаимного неприятия и отчуждения между этносами и конфессиями, а накопленный опыт взаимодействия и сотрудничества отбрасывался как якобы ненужный и обреченный на забвение вместе с уходящими в историю красными знаменами и идеалами социализма и другими ценностями «советской» цивилизации. Подобными идеями стремились воспользоваться все социально-политические силы на постсоветском пространстве, в том числе – в мусульманских регионах Центральной Азии и Закавказья, где острота экономических и морально-нравственных проблем «общесоюзного» характера дополнялась местной спецификой, которую А.В. Малашенко определил как «восстановление историко-культурной сущности советского мусульманства и его реинтеграции в исламскую ойкумену». Думается все же, что своей историко-культурной сущности ислам ни в России, ни тем более в других регионах СССР не терял даже во времена самых жестких ограничений, а его «реинтеграция в ойкумену», как показало последнее десятилетие XX в., тоже была достаточно условной.

В самом деле, если бросить ретроспективный взгляд на то, что произошло в мире постсоветского ислама на всем пространстве СНГ, то мы увидим, что ислам меньше всего стал самостоятельным, отделенным от государства и политической власти в суверенных республиках Центральной Азии и Азербайджане, где демократизация общества шла гораздо труднее и с гораздо большими потерями, чем в собственно России. И то обстоятельство, что ислам здесь – религия подавляющего большинства населения, определило особое внимание к нему и весьма осторожное с ним обращение. Ислам здесь заполнил (как выяснилось потом, лишь частично) идейный вакуум после краха коммунизма и стал оружием в политической борьбе, причем – достаточно опасным.

И если на первых порах политическая элита Центральной Азии считала нужным идти на уступки преобладающим настроениям мусульманского духовенства и даже некоторым открыто мятежным требованиям исламистов, то в дальнейшем положение изменилось.

Следует признать, что лидеры мусульманских республик СНГ не стремились к развалу СССР, но они с ним быстро примирились, ибо понимали его причины, а также не хотели нести ответственность за тяжкий груз ошибок, промахов и кое-где преступлений советского периода. Новой политической элите, в большинстве своем выросшей в рядах КПСС, надо было как можно скорее избавиться от своего коммунистического прошлого и соответствующего имиджа. Сближение с исламом было одним из шагов в этом направлении. К тому же, еще до 1991 г. было общеизвестно, что люмпенизация очень многих местных мусульман вследствие экологических бедствий (усыхания Арала, последствий ядерных испытаний в Семипалатинске, деградации почв в районах хлопководства), вынужденных миграций в зоны плохо продуманной индустриализации, слабой адаптации жителей кишлаков к условиям городской жизни стала важным социальным условием распространения исламского фундаментализма и «антимосковских» настроений. Естественно, это идеологическое явление, раз возникнув, само по себе стало играть, особенно в начале 90-х годов XX в., все возрастающую роль в жизни всех мусульман СНГ, особенно там, где они составляли большинство населения.

По утверждениям фундаменталистов, их врагами в СССР были чиновники госпартаппарата и все, кто с ними связан, включая духовенство. А мусульманское духовенство, сформировавшееся в советское время, в том числе (в последние десятилетия) – в духовных училищах и университетах мира ислама (например, в Аль-Азхаре), образовало удивительно своеобразную категорию, распространявшую, по наблюдениям западных исламоведов, «самый консервативный тип мусульманской юрисдикции» с целью «сохранить самые архаичные формы исламской культуры». Тем самым оно как бы замораживало духовную и религиозно-общественную жизнь мусульманских социумов СССР, нейтрализуя потенциальную оппозицию в их рядах, с одной стороны, и обеспечивая стабильность своего положения – с другой.

Стоит добавить, что к этой наиболее значительной по своему удельному весу фракции духовенства примыкало большинство интеллигенции мусульманских регионов СССР, в том числе – ее

новых кадров, воспитанных уже после 1917 г. Выходцы, как правило, из крестьян, а также бывших «привилегированных» классов (буржуазии, знати, духовенства), фактически деполитизированные «чистками» их рядов в 20–30-е годы от идейных коммунистов и даже революционно мыслящих джадидов (либералов-обновленцев), они, по мнению западных авторов А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькежэ, «были тесно связаны с поколением их родителей» и казались более консервативными, более уважающими обычаи и семейные традиции прошлого, что даже получило название «аксакальства» – преувеличенного почтения к старшим». За счет связи с ними и влияния в их среде консервативная часть духовенства сумела в условиях кризиса 90-х годов сохранить контроль над преобладающей массой верующих, сдержала (в основном) натиск молодых (и не во всем искушенных) фундаменталистов и – самое главное – помешала использовать ислам как знамя и орудие массовой борьбы против бывшего советского госаппарата на местах. В результате этот аппарат получил время и возможность обновиться, «перестроиться» и гораздо лучше своих конкурентов подготовиться к борьбе за власть.

Решительно поддержали его в противостоянии фундаментализму традиционные суфийские лидеры (ходжи, ишаны), как официально, так и неофициально являющиеся служителями мусульманского культа в Центральной Азии (как и на Северном Кавказе), а главное – пользующиеся авторитетом «среди значительной части населения». Они, как правило, умело синтезировали шариат с народными обычаями (адатом). Фундаменталисты пытались использовать это обстоятельство против них, требуя руководствоваться Сунной. Однако трудно сказать, насколько удачен выбор данного аргумента: ислам практически нигде не функционирует в «чистом» виде, без примеси адата. Кроме того, суфизм весьма влиятелен и во многих случаях воспринимается, верующими как привычная, традиционная форма «народного ислама». Фундаменталисты многого добились критикой советских порядков, коммунизма и сотрудничавших с ним «бюрократов в чалмах», но подорвать влияние суфизма оказались не в силах.

Более того, их усилия, в том числе в рамках Исламской партии возрождения (ИПВ), по завоеванию политической власти в СССР через парламент с планируемым объединением исламских республик в особую конфедерацию, потерпели крах. Национализм всюду оказался сильнее исламизма, а бывшая госпартноменклатура – хитрее и реалистичнее фундаменталистов, которым не хвати-

ло ни политического опыта, ни психологической убедительности, ни широты взглядов, свободных от догматической зашоренности, ни понимания интересов основных участников социополитической схватки в начале 90-х годов.

Это показала неудача просуществовавшей всего несколько лет таджикской ветви ИПВ (ИПВТ). Учрежденная в октябре 1990 г., она насчитывала через год 15–20 тыс. членов. Приняв участие в бурных событиях 1990–1992 гг. в Таджикистане, ИПВТ поначалу действовала неуверенно и даже не требовала создать «исламское государство», выступив за учреждение «правового светского демократического государства». Попытка боевиков ИПВТ провозгласить в Каратегине (зоне ее наибольшего влияния) «Гармскую исламскую республику» осенью 1992 г. была подавлена коалиционным правительством Таджикистана в феврале 1993 г., что вызвало бегство в Афганистан до 60 тыс. жителей Таджикистана, из которых 3–5 тыс. человек пополнили ряды боевиков эмигрантского Движения исламского возрождения. Вскоре (в июне 1993 г.) ИПВТ была запрещена, так как оказалась в едином блоке с другими оппозиционерами. Характерно, что ИПВТ, входившая в состав коалиционного правительства страны, не смогла ни заставить слушать себя другие фракции политической элиты, ни обеспечить единую тактику своих приверженцев. Поведение последних определялось даже не идеологическими соображениями и неприятием конъюнктурных маневров верхушки, а скорее клановой или земляческой принадлежностью. В то же время противостоявшие им силы, прежде всего Народный фронт Таджикистана, также не чуждые клановости и регионализму, все же в основном ориентировались на общенациональные интересы и на нежелание большинства жителей страны (как таджиков, так и этноменьшинств, доля которых тогда равнялась 35%) испытать судьбу хорошо им известных соседних Ирана или Афганистана.

Вполне логично поэтому, что власти мусульманских республик СНГ, еще вынужденные в 1991–1992 гг. считаться с исламистами (близкой братьям-мусульманам организацией «Адолат» в Узбекистане, тюрко-фундаменталистской партией «Алаш» в Казахстане, Исламским центром С. Камалова в Киргизии), к концу 1992 г. практически везде перешли к их подавлению по примеру Таджикистана.

Однако стабильность достигалась не только путем репрессий против оппозиции и укрепления новых госаппаратов (во многом – старой выучки), но и путем систематического противопос-

тавления радикальному исламу ислама умеренного, фундаментализму – национализму, а национализму (если его использовала оппозиция) – регионализма, «просвещенного авторитаризма» и харизматизма национального лидера, способного предложить выход из хаоса, обрушившегося на все республики бывшего СССР в начале 90-х годов. События того времени не доказали возможность ни солидарности всех мусульман СНГ, ни даже только исламских фундаменталистов в условиях, когда сугубо националистические настроения брали верх практически во всех мусульманских республиках бывшего Союза, а внутри некоторых из них регионализм оказывался даже сильнее национализма. Это, в частности, подтверждалось высказыванием в 1992 г. лидера демократов Таджикистана Ш. Юсуфа о том, что «племенное сознание признает право на выживание только для представителей данного племени». Об этом же свидетельствовали сохранившиеся до наших дней проблемы «засилья северян» и «мятежности южан» в Киргизии, где самое обычное дело – тщательный подсчет доли представителей разных регионов в органах власти снизу доверху.

Регионализм, клановость и традиции (как дореволюционного, так и советского периодов) практически везде играли и до сих пор играют роль не менее значительную, чем ислам и даже национализм. Надо учесть также усиление авторитарных тенденций практически во всех мусульманских республиках СНГ, сделавших выводы из событий в Таджикистане и Афганистане, а также – из тех взрывов народного недовольства, которые имели место в Казахстане, Узбекистане и Азербайджане в последние годы советского периода. Произошло сплочение старой элиты госпартноменклатуры со служащими госаппарата и интеллигенцией, а также, что особенно важно, с большинством служителей ислама, военными и прочими силовыми структурами. Все они хотели предотвратить беспорядки, провоцируемые ухудшением экономики и экологии, обуздать социальный и политический кризис, избежать этнополитического хаоса «по-афгански» и засилья фанатиков-клерикалов «по-ирански».

Фундаменталисты Средней Азии к началу 1993 г. фактически всюду потерпели поражение. Тем не менее их организации, действуя подпольно, а иногда и полуполюгально, росли и укреплялись вопреки воле официального духовенства и новой национальной бюрократии. Тогда же стали возникать и другие местные партии исламского направления (например, Исламская партия Туркестана, не чуждая, впрочем, и пантюркистской ориентации) и

начались поиски ими контактов с внешними силами, весьма активизировавшимися после падения в Афганистане режима Наджибуллы в 1992 г. и замены его властью исламистов. Попытки вмешательства извне (особенно в дела Таджикистана, но также Узбекистана и Киргизии) имели место и раньше. Однако с 1993 г. они стали все более настойчивыми.

Это облегчалось дезинтеграцией СССР и тем, что тогда происходило на всем постсоветском пространстве: резким ухудшением экономического положения вследствие разрыва межреспубликанских связей и бегства некоренного (не только русского) населения; чудовищным ростом преступности, неконтролируемым распространением и применением оружия; разгулом самоуправства и террористического произвола прямо на улицах, в учреждениях, на производстве. Народ устал от непрерывных боев, схваток, насилий, грабежей, заказных убийств, претензий бесчисленных властолюбцев и межэтнических разборок. Виновны в этом были, пожалуй, все стороны. Однако большинство винило во всем происходящем главным образом исламистов и демократов. Против них были, прежде всего, бывшие служащие силовых структур и наиболее неимущие слои населения, видевшие спасение в возврате к прежним порядкам и вообще к прекращению хаоса любой ценой, а также, как это ни парадоксально, наиболее имущие группы, связанные главным образом с теми, кто правил до 1991 г. Кроме того, очевидно, играл свою роль, причем для всех слоев населения Центральной Азии, страх перед все выше поднимавшейся волной исламо-экстремизма в соседних государствах.

Постепенно новая элита мусульманских республик СНГ, пришедшая к власти во главе движений этноцентристского и национал-сепаратистского характера, осознала, что чем дольше многообразные противоречия, вызванные к жизни глубоким кризисом советского общества на рубеже 80–90-х годов, будут сплетаться в тугий узел, тем больше будет опасность дальнейшей исламизации разнородных сил оппозиции. А это означало одновременно их все более четкую ориентацию на внешний исламизм как Ирана, так и особенно более воинственного в то время Афганистана и стоявших за его спиной Пакистана и Саудовской Аравии, не говоря уже об их покровителях на Западе. Поэтому как новые властители центральноазиатских государств, так и наиболее модернизированные группы их населения – интеллигенция, предприниматели, служащие и квалифицированные работники современных предприятий – сделали все, что было можно в непростых условиях начала 90-х

годов, для урегулирования всех конфликтов (политических, военных, межэтнических) и смягчения стимулировавших их идеологических, региональных и персональных противоречий.

Для всех современных сил этих государств, рожденных в советское время и в основном благодаря успехам СССР, победа исламистов (не важно – внутренних или внешних, тем более что они были тесно связаны) могла означать лишь утрату культурных, духовных, технологических и интеллектуальных связей с Россией, русского языка и полученного на этом языке образования, возможностей применить свою квалификацию при сохранении производственно-экономической, технологической, военной, финансово-кредитной, торговой и иной кооперации с Россией.

Самое удивительное, что и для немалой по численности умеренной фракции исламистов, к какой бы республике, к какому бы клану и региону они ни принадлежали, компромисс со своими противниками и соглашение с Россией оказались выгоднее, чем абсолютная (и весьма сомнительная) победа радикального исламизма. Ведь последний вариант означал бы неминуемую социальную и экономическую деградацию согласившейся на такой вариант страны, отбрасывание ее на 60–70 лет назад, превращение во второстепенный вариант афганского гнезда наркобизнеса и исламо-экстремизма с различными узами зависимости от южных соседей и весьма жесткими формами враждебности с теми, кто в таком случае неизбежно удвоит сопротивление агрессивному терроризму, прикрываемому религиозными знаменами.

То, что происходило в мусульманских регионах «ближнего зарубежья» в конце XX в., дает возможность оттенить положение ислама в постсоветской России. Разумеется, в первые годы существования суверенной Российской Федерации у нее было множество других проблем. Но заметное место среди них занимали связанные с положением ислама и ролью мусульман в российском обществе. Кроме того, политический, идеологический и социально-экономический кризис, который привел к распаду СССР, в России переживался особенно тяжело, что и обусловило особое внимание россиян к происходящему в отделившихся от России республиках СНГ, в том числе – мусульманских. Не стоит забывать и о бедственном положении русского и русскоязычного населения за пределами Российской Федерации, внезапно оказавшегося в положении национального меньшинства, нередко ущемляемого или, по крайней мере, ограничивавшегося в правах. Тогда, на рубеже 80–90-х годов, это население составляло почти полови-

ну жителей Казахстана, около трети – Киргизии, 13% – Туркмени, 11% – Узбекистана, 10% – Таджикистана.

В дальнейшем доля этого населения неуклонно снижалась, а положение его все более осложнялось, так как новые правящие элиты постсоветских государств на первых порах считали его всего лишь нежелательным «наследием советского периода», от которого лучше всего поскорее избавиться. Выступавшие от имени этих элит представители (иногда из среды интеллигенции) отказывали россиянам даже в праве иметь свою точку зрения на историю взаимоотношений России и мусульман, заявляя, что «нашу историю может написать только наша интеллигенция», что русские, в том числе живущие в республиках СНГ, «навязывают свои имперские амбиции». Когда речь заходила о трактовке тех или иных событий, особенно трагических, в истории народов СССР, очень редко можно было услышать, что «исторические факты должны трактоваться так, чтобы они не разделяли народы, а наоборот, служили укреплению дружбы народов».

Все это не просто стимулировало полемику, формально – научную, а по сути – политизированную, в которой все ее участники проявляли обычно субъективность, нетерпимость и неприемимость, объясняемые волной националистических страстей, прокатившейся, начиная с 1991 г., а то и раньше, по всему постсоветскому пространству. Споры кипели по широкому кругу вопросов – от цифр потерь, понесенных теми или иными народами в советское время, до характера элит, готовых войти в «колониальную периферию империалистической империи». Жаркие дискуссии по проблемам истории, этнологии и культурологии обычно кончались ничем, так как имели своей целью не решение тех или иных научных вопросов, а исключительно доказательство политической правоты диспутантов. Обычно политизированность такого рода дискуссий возрастала, если в них участвовали представители иностранных держав, стремившиеся в большинстве случаев подогреть националистические настроения антироссийской направленности:

Должно было пройти не менее шести-семи лет после распада СССР, в течение которых четко обозначились его негативные последствия, чтобы в менталитете и научных разработках мусульман постсоветского пространства снова появились, наряду с ослаблением прежде доминировавших партикуляристско-сепаратистских тенденций, тяга к единению с Россией и понимание особенностей сложившегося за века, но прежде всего в советское вре-

мя «социума общей судьбы», в ходе развития которого «имело место многоплановое взаимодействие двух религиозных общностей, а не только их параллельное сосуществование».

Продолжая эту свою мысль, Ф.М. Мухаметшин отмечал в 1998 г., что «уже в XIX в. на территории Российской империи сформировалась евразийская цивилизация, “особая культурно-историческая система”, что нашло определенное отражение как в особой ментальности народов России, так и в политической культуре российской элиты, в основных политических институтах». За рубежом также писали о «тесных отношениях» предков мусульман и русских, «повлиявших на их историческую эволюцию», одновременно отмечая, что на «асимметричные» отношения между Москвой и, например, Казанью повлияли полученные последней после 1991 г. экономические и политические преимущества, в частности – гораздо большие отчисления из федерального бюджета в бюджет Татарстана и предоставление последнему возможности установить прямые торговые связи с внешним миром. В Центральной Азии, поддерживающей с единоверцами Поволжья регулярные, особенно культурно-религиозные связи, это обстоятельство не осталось без внимания.

Вместе с тем при всей влиятельности и организованности социополитических, исторических и традиционных местных сил, противостоящих в Центральной Азии всякому исламизму, особенно радикальному, опасность с его стороны сохраняется. Только в Ферганской долине в 90-е годы не менее 10 экстремистских организаций оказывали давление на прихожан не менее 800 мечетей. До последнего времени в различных районах Центральной Азии продолжали периодически заявлять о себе группы боевиков, связанные с базирующимися в Афганистане, Пакистане и Кашмире филиалами международной Партии исламского освобождения, созданной еще в 1950 г. в Иордании, а также – Исламского движения Узбекистана (ИДУ), недавно изменившего свое название на Исламское движение Туркестана (ИДТ). Все они питаются поддержкой бежавших из государств Центральной Азии исламистов, а также – помощью многочисленных в зарубежных странах ислама благотворительных фондов, культурных центров, различных учебных заведений и прочих организаций, ведущих пропаганду исламизма и часто служащих прибежищем для временно свернувших свою деятельность боевиков.

Сложность современной жизни иногда ломает социополитическую логику, о чем говорят проявления активности исламистов

даже там, где у них нет устойчивого и заметного влияния. Чаще всего это происходит под влиянием извне и связано либо с усилением потоков наркоторговли из Афганистана через Центральную Азию, либо с контактами части афганских исламистов с родственными этническими общинами за северными границами страны, либо с элементарной коррупцией, в том числе – части населения, равнодушной к идеям исламистов, но вовлеченной в их операции по контрабанде и получающей щедрую плату в валюте за предоставление боевикам убежища и продовольствия. Некоторую роль играют и ошибки властей, либо проявляющих благодушие («ваххабизма у нас нет»), либо перебарщивающих в преследовании этого «ваххабизма», в котором нередко безосновательно подозревают тысячи простых верующих. И в том, и в другом случае исламисты получают шанс использовать ситуацию в своих интересах.

«Восток: Вызовы XXI века», М., 2010, с. 9–22.

М. Савушкина,

политолог

РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР:

СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Ближний Восток, арабский мир были и всегда будут оставаться зонами жизненных российских интересов. Иными словами, наша страна заинтересована в отсутствии в этом регионе вооруженных сил третьих стран, а также в отсутствии там ядерного оружия и средств его доставки. Во время существования Советского Союза большинство стран Магриба и Машрика, включая Египет, получали от СССР финансовую помощь, поставки военного и технического назначения. Советские специалисты принимали активное участие в строительстве промышленной инфраструктуры арабских стран, а в ряде боевых действий на стороне арабских союзнических режимов участвовали советские военнослужащие.

Советско-арабские отношения развивались на почве идеологических связей между СССР и симпатизирующими ему организациями в Арабском регионе, особенно в Южном Йемене, Египте, Ираке, Алжире, Ливии, Сирии и других странах. Необходимо также помнить и о культурном и научном сотрудничестве. СССР активно поддерживал борьбу арабских стран за независимость. Советское правительство отказалось признать мандаты Англии на Ирак, Палестину и Трансиорданию, а Франции – на Сирию и Ли-

ван. Советский Союз первым заявил о признании Саудовской Аравии, отметив, что считает себя находящимся с ней в состоянии нормальных дипломатических отношений. Кроме политических, СССР и арабский мир связывал обширный спектр экономических вопросов. Так, гордостью Сирии называют построенный при помощи и содействии Советского Союза мощный гидроэнергетический комплекс Ас-Саура на Евфрате.

После распада СССР наступил период ухудшения отношений с данным регионом. Внешнеполитический курс руководства России, направленный на гипертрофированное развитие сотрудничества с Западом, способствовал образованию новых барьеров на пути российско-арабского сотрудничества. Взаимодействие нашего государства с арабскими странами было ослаблено, в развитии этих стран произошли значительные изменения, что привело к отсутствию знаний налоговых, таможенных, юридических и иных аспектов арабского законодательства. Как следствие – на сегодняшний день наибольший удельный вес во внешней торговле арабских стран имеют западные государства. Основными странами – экспортёрами продукции промышленных предприятий являются США, европейские страны, а также страны Азиатского региона. Учитывая практическое отсутствие России в данном регионе, сегодня можно говорить лишь об ограниченном взаимодействии российских компаний с арабскими странами.

Кроме экономических противоречий, следует отметить и политические. Особый случай представляет собой Саудовская Аравия. Россию разделял с этим королевством барьер полувековой неприязни, и по ряду причин в Москве изначально почти не питали надежд на то, чтобы основательно там закрепиться.

Во-первых, вся новейшая история России характеризовалась отсутствием политических позиций в Саудовской Аравии. Местные правящие круги не забыли о враждебном отношении Советского Союза к их стране. Да и в России Саудовская Аравия ассоциируется, скорее, с радикальным исламом – тем самым, проявлениям которого российская сторона противостоит на Северном Кавказе. Саудовское общественное мнение, в свою очередь, крайне отрицательно оценивает действия российских властей в этом регионе РФ.

Во-вторых, саудовские элита и общество в целом, традиционно ориентирующиеся на Запад, просто не привыкли к работе с другими партнерами.

Сегодня Россия поддерживает отношения со всеми арабскими странами, в том числе и через арабские внутрирегиональные межправительственные организации. Россию и страны Арабского региона объединяют экономические, политические, научные и культурные сферы сотрудничества. Огромное значение придается также взаимодействию в военно-технической сфере и высокотехнологичных отраслях, таких как телекоммуникации, авиационная и космическая промышленность, ядерная энергетика, био- и нанотехнологии и др.

Если же перейти от самых насущных вопросов экономического сотрудничества к глобальным проблемам, стоящим перед человечеством, то здесь речь идет: об экологических проблемах; об экономических проблемах сохранения окружающей среды; о таких вопросах, как демографический взрыв и его регулирование; о проблеме обеспечения человечества природными ресурсами, в том числе невозполнимыми, такими как нефть и газ; о проблеме сохранения и наиболее рационального использования воды, что очень важно для этого региона; о проблемах международного терроризма, нераспространения оружия массового уничтожения, эпидемий, и о многом другом, что заботит в равной степени и Россию, и арабский мир. Весьма эффективной может оказаться также координация действий России и арабских стран – экспортеров нефти. Арабские экономисты понимают, что движение цен на мировом рынке в значительной степени зависит сегодня от нефтяной политики России.

Арабские страны поддержали стремление России вступить в Организацию Исламская конференция в качестве наблюдателя. Благодаря этому Россия и арабский мир получили возможность не только обозначить свои позиции относительно происходящих в мире процессов, но и сообща работать над формированием единого подхода к ведению межцивилизационного и межконфессионального диалога. С 14 июля 2008 г. постоянным представителем Российской Федерации при Организации Исламская конференция» является бывший мэр города Казани К. Исхаков. Дело в том, что не только Россия в целом, но и различные ее регионы сотрудничают с арабскими странами, и особую роль здесь играет Татарстан – в силу этнической, религиозной и культурной близости и в силу традиций, а также в силу того, что Татарстан является одной из нефтеносных областей России. Татарстан имеет замечательные кадры нефтяников, организаторов нефтяного бизнеса, которые могут найти применение своим силам в арабском мире.

Представители «Татнефти» стараются активно работать с арабскими коллегами.

Кроме того, в Казани открыта дорога для развития исламской банковской системы, которая имеет хорошие перспективы в Российской Федерации. Тот факт, что в России еще нет исламских банков, делает данный рынок привлекательным для ислама. В подтверждение этому уже второй год в Казани проходит саммит, посвященный исламским финансам, участниками которого являются представители финансовых организаций, инвесторы, бизнесмены, представители органов государственной власти, ученые из России, стран СНГ, Европы, стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

Именно в Казани был открыт Российский исламский университет, где будут готовить специалистов в области исламских финансов. С 2010 г. будет открыто отделение мировой экономики, где уже готовится определенная интеллектуальная и кадровая почва, для того чтобы у будущих студентов было понимание об исламской экономической модели.

Москва позиционирует себя как главного посредника в «диалоге цивилизаций», а Татарстан – как республику мусульман. Кроме того, г. Казань выбран не случайно. 1000-летний город известен арабскому миру своими учеными – Аль-Марджани, Мусой Бигиевым, Ризой Фахретдиновым и многими другими, арабоязычными книгами, университетским востоковедением и как самый северный форпост ислама. Казань стоит на перекрестке восточной и западной цивилизаций.

Исторический опыт России и арабских народов наглядно доказывает возможность мирного цивилизационного сосуществования и общения людей с различной национальной и религиозной принадлежностью. К моменту распада СССР арабские страны были главными экономическими партнерами Советского Союза в развивающемся мире.

В настоящее время, когда государство отошло от прежних идеологических установок во внешней политике и смогло справиться с основными кризисными ситуациями в сфере внутренней политики, Россия имеет шанс вновь возвратиться в данный регион уже в новом качестве. Существуют хорошие предпосылки как для продолжения развития взаимовыгодных отношений со странами – давними союзниками, так и для углубления этих отношений с новыми партнерами в регионе. Происходящая сейчас корректировка внешнеполитического курса России, «потепление» российско-

арабских отношений откроют весьма впечатляющие перспективы сотрудничества в различных сферах.

Значение Арабского региона для России в качестве важного рынка сохраняется и в настоящее время. В рамках работы российских предприятий на арабских рынках существует множество потенциальных проектов как в сфере прямого экспорта российской продукции, так и для таких более гибких форм кооперации, как организация совместных предприятий и развитие инвестиционно-го сотрудничества. Россия и арабский мир – это важные экономические и политические центры в современном мире, который должен быть многополярным и открытым самому широкому сотрудничеству.

«Вестник ТИСБИ», Казань, 2010 г., № 3, с. 151–159.

Николай Киреев,

доктор исторических наук (ИБ РАН)

**ТУРЦИЯ: НЕУДАЧИ РАДИКАЛЬНОГО
ИСЛАМИЗМА И УСПЕХИ УМЕРЕННОГО**

В ноябре 2009 г. турецкая газета «Миллиет» опубликовала итоги отбора 500 наиболее выдающихся мусульман современности, проведенного совместно с Джорджтаунским университетом США и Королевским центром исламских исследований Иордании. Внимание турецкой газеты к «списку 500» объясняется просто: в нем фигурирует 20 турецких граждан, причем некоторые из них помещены в первый десяток. Примечательно, что в ряде случаев речь идет не о религиозных критериях отбора, а об успешной политической деятельности турок-мусульман. Так, на пятом месте в списке представлен такой влиятельный и успешный политик светской Турции, как нынешний ее премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, на 28-м – президент страны Абдуллах Гюль, еще дальше – государственный министр Мехмед Айдын, министр иностранных дел Ахмед Давутоглу, руководитель Управления по делам религии Али Бардакоглу.

По сведению «Миллиет», в комментариях к списку Эрдоган охарактеризован как «премьер одной из самых крупных по населению и по размерам экономики мусульманских стран»; о возглавляемой им правящей Партии справедливости и развития (ПСР) сказано, что «это консервативно-демократическая партия, в которой действует агрессивная модель светскости». Также в коммента-

рии подчеркивается, что «Эрдоган ориентирован на ценности ЕС и верит в принцип “не должно быть проблем с соседями”, он стремился отменить запрет на ношение платка в университетах, однако не преуспел в этом». Комментарий сопровождается фотографией Эрдогана на фоне мавзолея первого президента страны Ататюрка, по инициативе которого, как известно, институт ислама был законодательно отделен в Турции от государства, за что его, мягко говоря, недолголюбивают некоторые исламисты в современной Турции.

В комментируемом списке также отмечена «ключевая роль» Абдуллаха Гюля, он является «первым президентом Турции с религиозным («исламским») прошлым», «работал вместе с премьером Эрдоганом над развитием демократии в Турции, играет важную роль в решении курдской проблемы, своим визитом в Армению способствовал началу переговорного процесса с этим государством». «Миллиет» пишет далее, что в упомянутых комментариях в разделе «Женщины» упомянута жена А. Гюля Хайрунниса Гюль как первая в Турции жена президента страны, покрывающая голову платком. Она обращалась в Европейский суд по правам человека по поводу запрета на ношение платка во время своей учебы.

Как видим, в мусульманском мире высоко оценены главные события во внутривнутриполитической жизни Турции первого десятилетия XXI в. – успех на парламентских выборах и приход в ноябре 2002 г. к власти происламской Партии справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом, затем повторная ее победа на выборах 22 июля 2007 г. и, наконец, избрание в конце августа 2007 г. второго человека в партии – А. Гюля президентом Турции.

Нет сомнения, что поразительный успех Партии справедливости и развития – приход во власть в 2002 г. подавляющим большинством голосов – во многом был достигнут благодаря политической активности и популярности двух упомянутых в списке турецких лидеров, и прежде всего Р.Т. Эрдогана. Как известно, ПСР возникла в середине августа 2001 г., а уже немногим более как через год получила исполнительную власть, сформировав затем однопартийное правительство. До этих выборов действовала расколовшаяся впоследствии и к тому же запрещенная турецким судом исламистская партия Фазилет, руководителем которой (как и ее предшественницы, партии Рефах) долгое время был Неджметтин Эрбакан – исламист весьма радикальных взглядов, один из основателей движения Милли гёрюш (МГ), развернувший свою

деятельность по причине своего радикализма в многочисленной турецкой среде в Германии – вдали от турецкого правосудия тех времен.

В отличие от своей нынешней умеренной ориентации тогда, в 90-е годы, Р.Т. Эрдоган, при всех расхождениях с Эрбаканом, не отличался умеренностью и также преследовался судом за радикализм на ниве защиты шариата. Что же касается внутрипартийных дел, сторонники Эрдогана, сначала в Рефах, затем в Фазилет, говорили о необходимости обновления партии, расширения внепартийных связей, усиления сотрудничества с теми, кто близок к партии, но не разделяет полностью ее программу. Традиционалисты же во главе с Эрбаканом и его давним сподвижником Р. Кутаном были убеждены, что обновление означает раскол, традиционалисты побеждали, и Тайип Эрдоган заявлял, что не хочет раскола. Однако со времен деятельности Рефах было очевидно: депутаты – сторонники Эрдогана, председателя муниципалитета Большого Стамбула, продолжают свою борьбу против консервативного руководства Милли гёрюш и его очередной действующей партии, обвинив его в беспомощности перед атаками светских властей на демократию, на права человека, на «реакционеров».

Рефах первоначально сумела добиться успеха на выборах 1995 г. и стать в парламенте ведущей по числу мест, причем избирателей не остановили ее радикальные предвыборные лозунги. В одной из предвыборных брошюр Рефах, озаглавленной «Диагноз», утверждалось: «В то время, как миллионы людей все более погрязают в дороговизне, нищете, голодают и теряют работу, другие путешествуют на личных самолетах, прогуливаются на яхтах по Средиземному морю, пьют шампанское в отелях, расходуют, словно это вода, сотни тысяч лир». С помощью «режима соглашателей, подражателей и имитаторов» Турцию грабят Израиль, «коллаборационистские холдинги», «дармоеды» и верховная власть.

Несмотря на первый такой успех исламистской партии, из-за противодействия военной верхушки Эрбакан долго не мог сформировать коалиционное правительство. Затем, создав и возглавив все же такое правительство, в течение многих месяцев 1996–1997 гг. Эрбакан и его соратники начали все более открыто и настойчиво обращаться к исламистской риторике, призывать к шариату, распространять свое влияние в государственных и общественных структурах. Военные же настойчиво требовали от судебных органов запрета партии Рефах и лишения Эрбакана и его ближайших сподвижников прав на политическую деятельность.

Военная верхушка использовала в те времена свое весомое, даже решающее, представительство в Совете национальной безопасности страны и попыталась на заседании этого органа 28 февраля 1997 г. остановить «победное шествие» исламистов. Собравшимся на заседание членам СНБ генералы представили свидетельства реакционной деятельности исламистов, в частности, был даже показан видеofilm об одном из занятий на частных курсах по изучению Корана. Учащиеся курсов якобы по очереди подходили к бюсту Ататюрка и плевали на него.

Одним из ответов исламистов было массовое выступление сторонников шариата. 11 мая 1997 г. в Стамбуле на площади Султанахмет по инициативе 142 исламских организаций, прежде всего Рефах, и при активном участии некоторых ее лидеров, депутатов, учащихся и преподавателей школ имамов-хатибов состоялся 30-тысячный митинг сторонников исламистского пути Турции. Журналисты отмечали раздельное присутствие на митинге множества женщин в черных одеяниях, бородатых мужчин, мальчиков 5–6 лет с чалмой или тюбетейкой на голове. Приводилось содержание некоторых лозунгов на плакатах: «Прочь руки от школ имамов-хатибов!», «Шариат или смерть», «Долой диктатуру!», «Кемалистская диктатура – израильская марионетка». На некоторых зеленых знаменах по-арабски было написано: «Здесь Турция, а не Израиль», «Руки прочь от имама!». Как сообщалось в «Джумхуриет», при упоминании выступающими имени Ататюрка слышен был гул недовольных голосов. Один из депутатов от Рефах, Хатипоглу, в своем выступлении потребовавший призвать к ответу генерала Чевика Бира, в тот период главного участника переговоров с Израилем о военном сотрудничестве, кричал: «Турция не будет Израилем, да здравствует шариат, если потребуется, ударим и кулаком». Вместе с тем по инициативе военных и гражданских защитников секуляризма предпринимались меры, названные вскоре в СМИ «процессом 28 февраля». Властям рекомендовалось исполнить положения Закона 1924 г. о единой системе образования в стране под контролем Министерства просвещения, передать под этот контроль принадлежащие орденам частные интернаты, фонды и школы, усовершенствовать законодательно систему контроля Министерства просвещения над курсами Корана. Подчеркивалась необходимость готовить такие кадры служителей ислама, которые были бы «преданы принципам кемализма» и служили единению общества, а не его «поляризации». Серьезным было требование, ставившее вне закона большинство стихийно легализованных

религиозных орденов и других учреждений, запрещенных по Закону 677 (кемалистский Закон 1925 г. о запрете орденов и других культовых учреждений). Высказывались предложения о контроле над теми СМИ, которые сеют среди верующих враждебность к армии, о недопущении льготного приема на работу изгнанного из силовых органов персонала в связи с его происламской деятельностью. Особо подчеркивалась необходимость преследования, согласно существующему закону, за действия, оскорбляющие Ата-тюрка.

Вскоре после упомянутого исламистского митинга, 21 мая 1997 г., главный прокурор Кассационного суда Турции Вурал Саваш обратился с иском в Конституционный суд с требованием закрыть главного участника правительственной коалиции – партию Рефах. В этом пространном документе излагались факты многочисленных нарушений Эрбаканом и другими лидерами партии законодательства страны по вопросам светскости во время их пребывания в правительстве, работы в парламенте. В одном из пунктов этого обвинительного документа отмечалось: «Согласно шариату, высшим законом является закон шариата. Согласно Конституции Турецкой Республики, высшим законом являются положения Конституции..., согласно требованиям светскости, священные религиозные чувства категорически не должны смешиваться с государственными делами и политикой». В заключении подчеркивалось, что «ни разу за всю историю Турецкой Республики она не сталкивалась с такой опасностью реакции («иртиджа»), как теперь».

Что касается турецких исламистов в Европе и прежде всего в Германии, вплоть до событий 11 сентября 2001 г. в США власти европейских стран не решались начать преследование турецких радикалов от религии. Демократические режимы в этих странах позволили тогда активистам МГ, гонимым в собственной стране, укорениться в европейской среде, стать в ней самой многочисленной, самой влиятельной и самой богатой исламистской общиной. Информацию о размахе деятельности Милли гёрюш в Европе приводила «Джумхуриет»: лагеря и школы в 252 городах Европы, главным образом в Германии, в них 14 тысячам учащихся «преподается шариат». Газета печатала протесты некоторых недовольных верующих: «С того момента, как возникло течение МГ, проповедуемый им ислам подлинным исламом не является. Они эксплуатируют чувства людей, гребут деньги из их карманов, манипулируют детскими мозгами, говорят о религии, а сеют неверие;

молятся на Эрбакана, говорят о мире, а готовят детей воевать». Турецкий автор С. Ялчин приводил в своей книге длинный список фирм, контролируемых руководством МГ и действующих в Европе в издательском деле, производстве кассет и дисков, пищевых товаров, строительстве, организации хаджа, называл их миллиардные (в марках) обороты, перечислял многочисленные религиозные курсы при мечетях.

В феврале 1998 г. Конституционным судом было принято решение о закрытии Рефах, о фактическом лишении Эрбакана, призывавшего «к режиму, основанному на религии», и его ближайших сподвижников прав на политическую деятельность. После этого последовало немедленное создание на месте партии Рефах ее замены – партии Фазилет, которую возглавил давний сподвижник Эрбакана Реджаи Кутан, заявив при этом, что духовное руководство партией остается у Эрбакана. Нажим военных на исламистов-политиков продолжился и при новом, светском правительстве Йылмаза, он сопровождался многочисленными комментариями светских СМИ по поводу того, что решения 28 февраля «не выполняются», что сторонники шариата создали и сохраняют собственные партии, вакфы, школы, холдинги и убеждены, что смогут разрушить республику, ориентированную на светскость и демократию. Известный в стране ученый-экономист Якуб Кепенек писал, например, что политический ислам все более множится, дробится внутри себя – от мягких вариантов до крайней жесткости, «с каждым днем все стремительнее берет в свои руки управление обществом. При открытой поддержке правительственных чиновников государственные структуры передаются шариатским кадрам. ... Это происходит повсюду – от образования до безопасности, от здравоохранения до постов вали и каймакамов».

Преемница Рефах, партия Фазилет не порвала связи с Эрбаканом, считая его своим духовным лидером. Светские власти, сосредоточившись на мерах судебного преследования уже кадров Фазилет, среди различных превентивных мер в конце сентября 1998 г. добились, например, осуждения на 10 месяцев тюремного заключения одного из наиболее активных деятелей новой партии, члена запрещенной Рефах Реджепа Тайипа Эрдогана. По итогам парламентских выборов 1999 г. Фазилет оказалась на третьем месте в меджлисе.

Причины заметного меньшего успеха Фазилет на этих выборах (после победы Рефах в 1995 г.) некоторые исламисты видели в том, что оставшиеся в руководстве этой партии лидеры бывшей

Рефах использовали поддержку верующих не для того, чтобы бороться за решение их социальных нужд, а чтобы «еще более упрочить свое материальное благополучие».

Фазилет оказалась последней партией, представлявшей на исходе XX в. «монополю» и легально политический ислам в стране. 23 июня 2001 г. было оглашено принятое днем ранее постановление Конституционного суда о запрете в стране очередной происламской партии – Фазилет. Утверждалось, что ее деятельность противоречит принципу светской республики и не соответствует положениям ст. 68 и 69 Конституции, которые регулируют деятельность политических партий, а также ст. 101 и 103 Закона о политических партиях. В документе были приведены имена тех депутатов от Фазилет, которые из-за своей радикальной активности лишались, согласно одному из пунктов ст. 84 Конституции, звания депутатов парламента.

Между тем руководство этой партии давно уже фактически разделилось в парламенте на две партийные группы – «традиционалистов» и «обновителей», и теперь, после запрета, и те, и другие создали и официально зарегистрировали свои независимые происламские партии. Первые учредили партию Саадет («Счастье»), активно поддержанную Эрбаканом, которого весьма чтит его старый соратник Реджаи Кутан, ставший лидером этой партии. Вторые, «обновители», проанонсировали себя как сторонники «умеренного ислама». 14 августа 2001 г. они создали Партию справедливости и развития («Адалет ве калкынма»), избрав своим лидером давнего оппонента Эрбакана, энергичного Р.Т. Эрдогана, будущего премьер-министра Турции. С появлением вместо одной двух исламистских партий в парламенте перед приближающимися выборами 2002 г. оба наследника Фазилет имели в сумме 100 мест (ПСР – 52 места, Саадет – 48).

Было очевидно, что платформа партии Саадет, основанная на идеологии Милли гёрюш, будет поддерживаться в исламских кругах сторонниками традиционных, консервативных взглядов. О стратегической линии партии можно судить по одному из первых заявлений Кутана от ее имени: страна нуждается в правительстве, подобном правительству Эрбакана (периода 1996/1997). «Если будут досрочные выборы, народ изберет именно такую альтернативу. Нынешняя власть не выполнила своих обещаний. Чтобы не повышались налоги и смогли свободно вздохнуть низкооплачиваемые граждане, чтобы возросло уважение к Турции, требуется именно такого рода правительство».

Лидер ПСР, молодой и энергичный Р.Т. Эрдоган, выпускник школы имамов-хатибов, затем Мраморноморского университета, не был новичком в исламистском движении Турции, заслужил в этом движении репутацию перспективного оппонента Эрбакана, но эта позиция не распространялась на вопросы защиты шариата. Он упомянут, например, как один из активистов партии Рефах, участвовавших во главе с Эрбаканом в работе 6-го конгресса Милли гёрюш в Кёльне (Германия) в мае 1990 г., где участников призвали произнести клятву шариату. Среди гостей были гости из Ливии, Саудовской Аравии, представители Хизб и-Ислам в ряде стран и др. Тогда ни у кого не было сомнений в необходимости проведения радикальной линии. Выступавшие на конгрессе говорили о нем как о моджахеде, о «командующем» движения. Сам же Эрбакан разъяснял: «Европа – это перекресток путей... Здесь место, где легче всего собраться мусульманам всего мира». Завершил Эрбакан свою речь клятвой: «Чтобы как можно скорее разрушить нынешний режим рабства и создать режим справедливости – во имя счастья и блага нашего народа и всего человечества, обещаем трудиться, не щадя всех наших сил. Да будет благословенен наш газават, доверимся Аллаху, эссалами алейкум!»

Эрдоган после избрания в 1994 г. мэром Стамбула получил славу хорошего хозяйственника, борца с коррупцией, защитника исламских ценностей. В конце 1997 г. на уличном митинге сторонников он зачитал стихи, в которых были такие строки: «Мечети – наши казармы, их купола – наши каски, минареты – наши штыки, и вера – наши солдаты». Автором стихов, написанных во время Балканской войны 1912 г., был Зия Гёкальп (1876–1924). Как уже сказано, это привело к судебному преследованию; в зачитанном 4 сентября 1998 г. обвинении указывалось, что в своем выступлении 6 декабря 1997 г. он нарушил ст. 312 УК, которая запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и враждебности. В результате судебного разбирательства в конце сентября 1998 г. он был осужден на 10 месяцев тюрьмы за разжигание религиозной ненависти, причем четыре месяца он провел в тюрьме. После открытого раскола Фазилет, по мнению многих обозревателей и в Турции, и в Европе, 47-летний Реджеп Тайип Эрдоган представлялся наиболее реальным претендентом на будущее лидерство в политическом, исламистском движении в Турции начала XXI в. Журналист Омер Лютфи Мете позже, в 2007 г., напоминал, что еще десять лет назад кандидатура Эрдогана вырисовывалась в качестве наследника Эрбакана. В тогдашней борьбе

ходжа (Эрбакан) с помощью всяческих маневров отложил решение этого вопроса. «Процесс 28 февраля» помог Эрдогану выйти в лидеры движения, и его команда «совершила революцию». Этот автор в своей книге о процессе 28 февраля без обиняков пишет, что тогда руками военных был убран из власти вовсе не политический ислам как таковой, а его «неумеренная» модель, в конечном счете «была подготовлена база для формирования ПСР», т.е. «умеренной» модели политического ислама. Такие предположения могут иметь право на существование, если должным образом оценить масштабы подготовительных мер «новаторов» и перед формальным учреждением ПСР, и затем уже во время предвыборной кампании этой партии в 2002 г.

Действительно, по мере приближения досрочных парламентских выборов 3 ноября 2002 г., как все явственнее замечали западные СМИ, лидер АКП стремился дезавуировать свои прошлые жесткие исламистские высказывания и перестроиться в прозападного консерватора: не настаивал на выходе Турции из НАТО, говорил о пользе и даже необходимости членства Турции в ЕС. Он не стремится превратить в проблему исламскую одежду у женщин и не берет свою жену – она носит головной платок – на официальные мероприятия. Намерение сторонников Эрдогана все чаще заявлять о себе перед выборами как о приверженцах умеренного ислама, несомненно, было упрочено трагическими событиями в мире, организованными от имени ислама. Террористические акты в США 11 сентября 2001 г. вызвали бурную реакцию в Турции, власти страны, многие политики, религиозные деятели резко осудили эти акты, высказали соболезнования родным погибших, властям США. Турецкий автор Я. Байер писал после 11 сентября, что центром скопления религиозных террористов стала Германия. Проживший в Германии 25 лет турок Р.Д. писал в газету из Кёльна: «Самая крупная в Германии религиозная организация турецкого происхождения – Милли гёрюш. Они по три-четыре раза в год собирают с турок деньги на закят, курбан и даже на джихад. Тех, кто не дает, заносят в черные списки. ...Ежегодно многих приверженцев Милли гёрюш отправляют в Пакистан, С. Аравию, Чечню и в Афганистан».

Однако были и такие, кто не верил в победу ПСР из-за ее недавнего радикального наследия – МГ, Рефах, Фазилет. Гюнгер Менги утверждал в «Сабах»: «Т. Эрдоган не тот лидер, под руководством которого Турция станет членом ЕС и будет играть роль регионального лидера. И его прошлые дела, и личность не смогут

обеспечить исполнение этой миссии... Убеждая всех в намерении изменить партию, он прежде всего стремится уверить электорат в том, что он – за светский режим и покончил с прошлым... Но даже близкие ему люди считают, что “обновители” – это новая версия Фазилет». В другом номере этой же газеты отмечалось, что Эрдоган «продолжает поддерживать Милли гёрюш, однако открыто заявить об этом – значит, повредить делу».

На предвыборных митингах лидер ПСР часто напоминал, что он выходец из бедной семьи, начал свой путь к нынешнему положению с улиц Стамбула, где продавал бублики, воду и лимонны. «Другие же партийные лидеры спустились с неба с готовой кошелкой, они – люди салонов, высшего общества». Он часто повторял тезис: нищета будет ликвидирована, если будет ликвидирована коррупция. Вторил лидеру и второй человек в партии – Абдуллах Гюль. Он утверждал, что «за три с половиною года пребывания у власти правительства Эджевита и рабочие, и крестьяне, и промышленники оказались в бедственном положении, закрылись тысячи фабрик, миллионы людей остались без работы».

Любопытные подробности о ранее несвойственных для лидеров Милли гёрюш контактах, которые устанавливали лидеры будущей ПСР, и прежде всего Эрдоган, сообщает турецкий автор Насухи Гюнгер в своей книге «Движение обновителей», в 5-м ее издании, вышедшем в 2006 г. Среди организаций и лиц, поддержавших обновителей, упомянутый автор чаще всего называет американских, израильских доброжелателей – они еще в середине 90-х годов не выражали особого восторга по поводу деятельности Неджметтина Эрбакана на посту премьера коалиционного правительства Рефахйол в 1996–1997 гг. Гюнгер пишет, что это отколовшееся от МГ движение уже на стадии создания партии в своих программных заявлениях провозгласило в полном смысле слова «манифест об экономике свободного рынка». В одном из проектов программы было записано: «Очевидно, что Турция в перспективе станет на Среднем Востоке страной, наиболее отвечающей интересам США. Турция должна быть в этом регионе “имперской” силой». США возлагали здесь свои надежды на арабские династии, но перед постепенно растущими у местного населения требованиями демократии эти династии могут разрушиться. Перед такой опасностью для США самым лучшим союзником может стать лишь Турция. Как пишет далее Н. Гюнгер, «имена, названные в качестве лидеров движения обновителей (ениликчи), были с огромным вниманием восприняты многими центрами в мире, стра-

тегическими подразделениями, иностранными дипломатами, работавшими в Турции». Различные политики из США и других стран, приезжая в Турцию, провели важные встречи с представителями Движения обновителей.

Насухи Гюнгер пишет о частых визитах Эрдогана в США и состоявшихся там встречах. Особо выделена в книге поездка Эрдогана в США в мае 2000 г., т.е. за год до запрета Фазилет; тогда произошла важная беседа с таким авторитетным, по мнению автора, сторонником нурджизма, как Фетхуллах Гюлен, проживающий в США уже долгое время. (Авторитет Ф. Гюлена в мусульманском мире подтвержден и в упомянутом нами списке 500 выдающихся мусульман.) Встреча Эрдогана с Гюленом важна не только своим содержанием, но и потому, что «встретились две различные школы, долгое время соблюдавшие между собой достаточную дистанцию.» «Ф. Гюлен, оценив сложившуюся по итогам 28 февраля обстановку, указал на необходимость более тщательной ее оценки..., он очень и очень долго беседовал с Эрдоганом, обращаясь при этом к примеру Озала. Это был не первый и не последний контакт Движения обновителей с джемаатом Гюлена. Возглавленное Эрдоганом Движение обновителей стало новым бесспорным фаворитом для движения Гюлена, отдававшего политическое предпочтение правоцентристским партиям. В короткое время эта поддержка проявилась в широких масштабах, как через деятельность издательских групп, близких к джемаату, так и благодаря другим видам социального содействия». Автор книги убежден, что с появлением Движения обновителей те приверженцы нурджизма, которые первоначально поддерживали «дружеские связи» с Эрбаканом и его последователями (а некоторые сотрудничали с ним и во власти, например А. Гюль – министр иностранных дел в правительстве Эрбакана), «в короткое время поняли имеющуюся разницу в мышлении и в характере руководства и отошли от него; создание долгосрочного союза между этими двумя направлениями оказалось невозможным».

Отдельного внимания заслуживает также, по мнению; Н. Гюнгера, история с осуждением Эрдогана в конце 1998 г. за прочитанные им годом ранее стихи (см. выше). Дело в том, что «в числе лиц, проявивших пристальное внимание» к указанному случаю с Эрдоганом была генконсул США в Стамбуле Каролин Хьюггинс. Ранее она часто посещала Эрдогана, а вызвавшая внимание политиков и СМИ встреча 28 сентября 1998 г. произошла, как можно предполагать, когда Эрдоган уже был под арестом.

Консул США так оценила осуждение Эрдогана: «Такого рода события ослабляют доверие к турецкой демократии», и добавила: «Я два года выполняю свою работу в Стамбуле и весьма счастлива, что время от времени посещаю уважаемого председателя (муниципалитета Стамбула). Мне нравится беседовать с ним в общественном месте».

«Это заявление было жестко воспринято в Анкаре, в то же время власти США не замедлили поддержать своего дипломата. Их позиция – полная поддержка Хьюггинс. Газета «Хьюриет» 1 октября 1998 г. сообщала, о какой поддержке идет речь: заявление Хьюггинс относительно посещения ею Эрдогана сделано по инструкции Вашингтона, уместно его повторить: «Наказание избранных демократическим путем политических деятелей за их выступления уменьшают доверие к турецкой демократии. Так было сказано, и мы полностью с этим согласны». По мнению автора книги, «это было оценено как важное отражение политики США, позднее генпрокурор Вурал Саваш заявит, что США пожелали Тайипа Эрдогана и поддержали его».

Далее в своей книге Гюнгер напоминает: «Будучи на посту председателя муниципалитета Большого Стамбула, Эрдоган, согласно протоколу, периодически встречался с командующим 1-й первой армией Чевиком Биром, который играл активную роль в процессе 28 февраля и отправил в отставку правительство с участием Рефах, его прочили на пост начальника генштаба, но неожиданно он подал в отставку. Подлинный ход переговоров обозначился после этой отставки. Влиятельная в США еврейская организация JNSA в связи с участием Бира в турецко-израильских контактах вручила ему премию. Он посещал США, о нем заговорили как о будущем президенте, но этот успех продержался недолго... Бир встретился с вышедшим из тюрьмы Эрдоганом и провел с ним весьма теплую встречу. Утверждается, что оба они стали в США гостями Еврейского комитета. Эрдоган поведал Виру свои идеи о новой обстановке и спросил, как на это смотрят военные. Ответ был положительным: они смотрят не на ваше прошлое, а на то, что будете делать в будущем. 16 июля 2000 г. Эрдоган отправился в США по приглашению Американского Еврейского комитета. Он имел также встречи с JNSA (Еврейский институт национальной безопасности)».

Судя по датам посещения Эрдоганом США, приводимым Гюнгером, он бывал там с 1995 г. до учреждения в 2001 г. ПСР ежегодно, иногда не по одному разу. Цель визитов он, как прави-

ло, объяснял намерением изучать язык, проводить каникулы вместе с детьми... Однако при каждом визите он вел переговоры с важными лоббистами, чаще всего – с представителями еврейского лобби. С ускорением партработы встречи стали чаще, но проходили уже в Турции. Например, за несколько дней до создания ПСР, 18 июля 2001 г., произошла встреча с израильским послом. Немного ранее, 4 июля, Эрдоган участвовал в праздновании Дня независимости США в американском посольстве, и «внимание к нему было поистине очень большим».

Не обойден вниманием в книге Гюнгёра и Абдуллах Гюль, нынешний президент Турции. Гюнгёр посвятил ему в своей книге целый раздел под названием «Член Рефах, не антисемит Абдуллах Гюль». Приводится мнение известного английского ученого-востоковеда Эндрю Манго о том, что А. Гюль является лидером умеренного ислама. «Его звезда засияла в Рефах, где он занимал важные посты, начиная от министерских и включая пост заместителя председателя партии». После отставки правительства Рефахйол он выступил 13 августа 1997 г. по радио «Голос Америки» и осудил закрытие Рефах, утверждая, что после этого «исламское движение радикализируется, уйдет в подполье. Не следует бояться Рефах, она осознает значимость США»... Как и с другими руководителями партий, с ним беседовал в августе 1995 г. руководитель ЦРУ Джон Дойч, «это были закрытые беседы». Визиты Гюля в США завершались посещением Совета по иностранным делам (Council of Foreign Relations, CFR). В газете «Заман», пишет автор, эта организация названа «мозговым центром», «местом продуцирования самых эффективных идей в мире. Проект расширения НАТО подготовил CFR. От Эврена до Демиреля, от Озала до Чиллер – все они в США посетили CFR... Таким же образом там состоялось и выступление одного из лидеров Движения обновителей. Гюль оказался членом Рефах, более всего знакомым для США». Завершает Насихи Гюнгёр «свою» историю появления ПСР сенсацией. Ссылаясь на «местную газету» «Эль-Азиз», он пишет: «В начале 1997 г. сначала Реджеп Тайип Эрдоган осуществил свою мечту и получил гражданство США, затем за ним последовал Абдуллах Гюль...».

Как уже сказано, на выборах ПСР добилась небывалого для исламистской партии успеха: она получила в меджлисе абсолютное большинство – 363 места из 550 и сформировала однопартийное (редчайший случай после учреждения многопартийной системы) правительство. После следующих выборов (22.07.2007) ПСР

имела в межджисе 340 мест; на этот раз уже два ее главных оппонента в межджисе имели: Народно-республиканская партия 98 мест и Партия националистического движения – 70 мест. Более того, в конце августа 2007 г. второй человек в правящей партии, Абдуллах Гюль, был избран (через парламент) президентом страны. Таким образом, и исполнительная, и законодательная власть в стране оказалась в руках партии умеренных исламистов, им осталось прибрать к рукам и судебную власть.

Заканчивая в целом описание оценок турецкими авторами Движения обновителей, ПСР и их лидеров, оказавшихся в списке выдающихся мусульман современности, легко можно отметить принципиальные отличия в «тональности» лозунгов и политических заявлений, а главное – в планах новой власти, власти ПСР, и программных положениях и декларациях партий – предшественниц ПСР, в том числе самой учредительницы движения – Партии национального порядка (январь 1970 г.), затем партий Рефах и Фазилет времен 80–90-х годов. Прежде всего очевидно – и это главное, – что снята тема третьего пути, она потеряла смысл как лозунг отдельного, независимого развития страны. О таком «особом» социально-экономическом пути в условиях глобализации в партийной программе нет ни слова. Нынешняя Турция во главе с ПСР намерена (в отличие от предшественников) продолжить свой путь явно по капиталистическому пути и в тесном сотрудничестве с миром Запада, она очень надеется на то, что станет членом ЕС, против чего категорически выступал Неджметтин Эрбакан.

В то же время – и это выглядит противоречиво – новые руководители Турции признают, что их страна, общество представляют отнюдь не западную цивилизацию. Но при этом Эрдоган подчеркивает глобальную толерантность Турции; на конференции по сотрудничеству цивилизаций в Мадриде (январь 2008 г.) он говорил о Турции как о единственной стране, которая одновременно является и членом Организации Исламская конференция, и членом НАТО, а также пребывает в процессе вступления в ЕС. Эти особенности, по его мнению, полностью противоположны тезису о конфликте цивилизаций. Можно ли утверждать, что при таком процессе интеграции турецкое общество под властью ПСР сохранит свою самобытность на цивилизационном уровне? Ведь в программе ПСР записано и такое положение: «ПСР, опираясь на нашу собственную традиционную мысль, ставит задачу заново создать систему собственных коренных ценностей, придерживаясь консервативной политической линии, которая будет соответствовать

уровню мировых стандартов». Как это будет сочетаться с западными «коренными ценностями»?

Предполагается, очевидно, что на это должна дать ответ новая Конституция, о необходимости принятия которой сказано и в программе ПСР, и в последующих заявлениях лидеров страны, особенно после перевыборов 2007 г. Как известно, новая власть в течение прошедших семи лет внесла в Конституцию 1982 г. (не без консультаций с западными партнерами) серьезные поправки, в том числе такие, которые ограничили вмешательство военной верхушки в исполнительную власть. Это дает повод некоторым оппонентам ПСР в парламенте говорить о сохранении действующей Конституции при условии ее дополнительной коррекции с учетом требований ЕС. Появились даже предложения о восстановлении (с соответствующими поправками) Конституции 1961 г., которая считается самой демократической в истории республики.

Как представляется, в условиях сохраняющейся в обществе «турбулентности» окончательное уточнение и утверждение новой государственной идеологии Турции займет немало времени. Пока же ПСР может говорить об уже достигнутых, по мнению ее лидера Эрдогана, переменах, которые он считает бесспорными успехами, что позволяет рассчитывать на дальнейшую поддержку ПСР большинством общества. О таких успехах правящей партии ее лидер подробно рассказал 3 ноября 2009 г. на заседании парламентской группы ПСР, посвященном ее семилетнему пребыванию у власти в стране. Он начал с того, что эти выборы стали для Турции «поворотным моментом, днем рождения в демократической истории страны. Было покончено с политической формой власти, которая не могла ничего решить. Отвергнут политический профиль, отставший от века, от мировых реалий, от реалий Турции, он изъят из обращения, оставлен вне парламента. Семь лет назад на выборах 3 ноября наша нация вычеркнула политиков, которые не замечали потенциала Турции, не могли видеть стремления и потребности нации, не следовали изменениям в мире, политиков преклонного возраста, утративших энтузиазм, видение горизонта...». Эти выборы, помимо всего другого, «принесли революционное мышление, поворот во внутренней политике, внешней политике, экономике и социальной жизни».

По мнению премьера, за время пребывания ПСР у власти «убрано множество препятствий, закрывавших прогресс политике, праву, демократии. Вместо страны напряженности Турция становится страной стабильности, страной свобод... Благодаря своей

прочной демократии и прочной экономике Турция достигла уровня, на который имела право, к которому стремилась, о котором мечтала, которого жаждала». О том, что после 3 ноября 2002 г. руководство партии действовало правильно, свидетельствуют, по словам Эрдогана, итоги трех состоявшихся выборов, включая муниципальные. «Пока существует ПСР, никакая неправовая сила или организация, никакая бандитская или мафиозная группа не сможет протянуть руки к правомочию нации, а если это сделает, столкнется с ПСР...».

Что касается экономики, то «в период 2003–2008 гг. рост в Турции составил ежегодно в среднем 6%, в 2002 г. экономика Турции среди стран мира была на 26-м месте, сейчас она на 17-м месте. Когда мы пришли, ВВП страны составлял 230 млрд. долл., на конец 2008 г. – 742 млрд. Экспорт Турции за отмеченный период возрос с 36 млрд. долл. до 132 млрд. Инфляция была 30%, сейчас – 5,3%». Эрдоган напомнил о соглашении с Ираном по природному газу – оно предусматривает, что 50% добываемого там природного газа остается в Иране, другая половина будет использована в Турции и по «Набукко» пойдет в Европу. Предполагается, что добыча газа составит 35 млрд. м³, сейчас из Ирана поступает Турции 7–10 млрд. м³, на это предусматриваются инвестиции в размере около 4 млрд. долл. Планируется перевод торговли с Ираном на национальные валюты двух стран, то же самое произойдет в торговле с Россией.

Глава правительства подчеркнул, что Турция в своей внешней политике ориентиры не меняет, она «нормализует свою внешнюю политику и давно считает, что не Турция является грузом для Европы, а Европа создает трудности Турции. После заключения между Турцией и Испанией Межцивилизационного пакта Турция стала страной, которая обеспечит ЕС шанс стать местом сосуществования цивилизаций. Поэтому вы должны хорошо понять Турцию, в случае неудачи Турция ничего не теряет». «Наша ориентация на Запад не означает, что мы повернулись спиной к Востоку, Югу и Северу. Как может Турция повернуться спиной к Кавказу, Центральной Азии, тюркским (Türk Cumhuriyetleri) республикам? Может ли Турция повернуться спиной к Ближнему Востоку, Северной Африке? Она является самым важным актором в такой организации, как НАТО. Значимость Турции повышает ее система многосторонних связей. Ни одна из них не является альтернативой, заменой, конкурентом для другой. Тот, кто намерен считать

Турцию обреченной на западный вариант, в действительности не отличается от тех, кто хочет, чтобы она замкнулась в себе».

Эрдоган напоминает: «Смысл нашей религии – мир, поэтому религию, жаждущую мира, вы не можете совмещать с террором. Может ли в среде мусульман появиться террорист? Может. Может ли в среде иудеев появиться террорист? Может. Он может появиться и из атеистов, и из христиан. Он появляется из любого общества, из любой религии. Но мы не можем утверждать, что какая-либо мировая религия одобряет террор». В заключение, обращаясь к своим соратникам, Эрдоган сказал: «Прежде всего мы должны верить в себя. Турция со своей историей, культурой, цивилизацией, потенциалом – великая страна... Турция – не та страна, курс для которой готовят другие, свой курс она прокладывает сама». Он назвал три «горячие» проблемы, которые предстоит решать ПСР: «Мы против этнического национализма, против регионального национализма, против религиозного национализма, но самая проблемная тема – меньшинства. Также проблемными остаются фундаментальные права и свободы. Ко всему этому добавляется экономика».

* * *

Возвращаясь к началу нашей статьи, т.е. к «списку 500», мы находим в нем два лица, которые, на первый взгляд, к политической деятельности в стране и тем более к партийной отношения не имеют, демонстрируют свое невмешательство в политику. В список они включены как мусульманские духовные лидеры – за активную религиозно-просветительскую деятельность на ниве «умеренного ислама». 13-е место занимает Фетхуллах Гюлен, руководитель очень влиятельной религиозной общины под тем же именем. Изначально эта община сформировалась в Турции как одно из течений нурджизма.

Отношение к общине Фетхуллага Гюлена в Турции было и остается явно неоднозначным, хотя сам Гюлен, как засвидетельствовано в печати, стал неким консультантом Эрдогана на этапе формирования им ПСР. Несмотря на широкую рекламу (и саморекламу) религиозной и культуртрегерской деятельности этой общины, на сообщения о встречах Гюлена с папой Римским, патриархом Константинопольским, известными зарубежными и турецкими политическими деятелями, публикуется немало материалов критического характера – в книгах, статьях, в Интернете. Еще в конце 1994 г. левоцентристские круги, представители светской интеллигенции выступили против первых публичных контак-

тов власти (тогдашнего премьера Т. Чиллер) с этим исламистом, ранее действовавшим фактически нелегально. Многие газеты написали о беспрецедентном приеме Ф. Гюлена премьер-министром в официальной резиденции правительства; по их мнению, такой шаг властей означал легализацию тарикатов и различных общин, запрещенных кемалистами. В знак протеста у резиденции премьер-министра были даже возложены черные венки.

В настоящее время эта связь руководством джемаата не слишком афишируется, хотя благосклонность к учению Сайда Нурси признается открыто. О советах, высказанных Ф. Гюленом Эрдогану, мы уже писали со ссылками на Н. Гюнґера, и, как очевидно, эти советы оказались полезными для его политической карьеры. Невозможно переоценить их при обновлении идеологии исламизма, переходе от радикализма к умеренности. Невозможно также отрицать, что эти советы носили не религиозный, а политический характер и напрямую относились и политической борьбе в стране за власть. И что особенно важно – они сопровождались материальной, финансовой помощью, о размерах которой можно только догадываться, исходя из оценок финансовой мощи общины. Яростный критик этого джемаата Неджип Хаблемитоглу писал в своей книге «Крот», посвященной тайной подрывной работе джемаата в некоторых государственных органах, прежде всего органах госбезопасности: «Этот джемаат не стремится поддерживать в Турции только лишь религиозные чувства верующих...Ему нет равных в стране по своей организованности, которая сравнима с созданными под контролем ЦРУ такими сектами, как Мун, Фалун-Гонг, синтоисты. Поскольку приверженцы джемаата Гюлена имеющиеся у них финансовые источники инвестируют в самые “умные”, самые “ценные” сферы, в образование, то в сравнении с другими шариатскими структурами они представляют угрозу не только нынешнему положению нашей страны, но и ее будущему». «Фетхуллисты превратились в громадную организацию, которая благодаря своему капиталу как минимум в 25 млрд. долл. и ежегодным оборотам на миллиарды долларов, поступлениям в виде благотворительности на сотни миллионов долларов способна купить почти каждого и почти все».

Нет сомнения, что упомянутые миллиарды долларов так или иначе прокладывают общине Гюлена дорогу к влиянию не только в Турции, но и в тех десятках стран, где на средства общины действуют учебные заведения. Проложили они дорогу и на территорию стран СНГ, в том числе в Российскую Федерацию. Один из

апологетов Гюлена, Хулуси Тургут, описывая историю появления его последователей на территории распадающегося СССР, сообщал, что как только Ф. Гюлен узнал о падении Берлинской стены, он отправился в одну из известных в Стамбуле мечетей – Сулеймание, и обратился к прихожанам с призывом «проникнуться проблемами приобретения независимости», возникшими перед населением распадающегося СССР. «Просветительская» деятельность этого джемаата длилась в Российской Федерации до тех пор, пока само движение в апреле 2008 г. не было запрещено на территории РФ по нескольким причинам, и прежде всего потому, что оно угрожало межнациональной и межконфессиональной стабильности в обществе, территориальной целостности Российского государства.

Газета «Джумхуриет», обращаясь к прошлому Гюлена, напоминала, что в 1971 г. проповедник Фетхуллах Гюлен был осужден на три года судом национальной безопасности Измира за деятельность, направленную на создание в Турции государства на религиозных принципах. По данным службы безопасности, в апреле 1980 г. он выступил в Измире на собрании местной общины нурджистов и сообщил, что вскоре будут предприняты активные действия, почти во всех провинциях определены для этого руководители, произойдет то же, что в Иране. 13 сентября 1980 г. армейское командование безуспешно попыталось задержать его вновь, но он остался в списке разыскиваемых. В 1986 г. силы безопасности все же задержали Гюлена, однако по инициативе высших должностных лиц он был освобожден. Предполагается, что в этой инициативе участвовал Т. Озал.

Та же газета сообщала, что по инициативе военного руководства подготовлен доклад о деятельности Гюлена, в котором он и его сторонники характеризуются как лица, «продолжающие под личиной мягкости эксплуатировать религию, скрывая свое неприятие республики». Община оценивалась в докладе как «опасная» для светской республики, подчеркивались осторожность и самообладание ее руководителей. Основные выводы доклада сводились к тому, что Гюлен «в завуалированном виде выступает против республики»; долговременная задача этого религиозного общества – «создание религиозного государства»; приверженцы Ф. Гюлена «стали влиятельной силой в структурах безопасности... за всем этим четко просматривается план превращения полиции в силу, противостоящую армии; Фетхуллах Гюлен, используя демократические возможности, внедряя свои кадры на всех

уровнях государственного механизма, ликвидирует принципы и реформы Ататюрка; его цель – создать государство на принципах шариата, а после этого – Всемирный тюрко-исламский союз».

Любопытно, как удавалось имаму Гюлену в религиозных беседах со своими слушателями сочетать сакральную тему веры, ислама с призывами к движению турецких предпринимателей и «культуртрегеров» в «степи Средней Азии», движению, которое он именуется «священным потоком во имя ислама». Этот поток «предопределен судьбой», «пришла наша очередь выполнить свой долг», «вернуться на родину наших предков. Свои патетические призывы Гюлен сопровождает и прагматическими планами. «Наши предприниматели, наши промышленники, благодаря интеграции с Западом хорошо знакомые с внешним миром, наши коммерсанты, даже наши ремесленники, наши рабочие в пределах своих возможностей должны обязательно отправиться в Азию... В наши дни, когда насыщение нашего внутреннего рынка достигло высшей точки, сейчас более чем когда-либо мы нуждаемся во внешних рынках, где мы найдем новые выходы и сможем конкурировать за рубежом. И вот теперь на этом этапе представляется редкий случай – Средняя Азия».

Но религиозный проповедник Гюлен не ограничивается лишь экономическими расчетами. Он прибегает к духовным, идеологическим аргументам. «Если наши инвесторы будут действовать с умом и оценят такие темы сотрудничества между нами, как религия, язык, культура, историческое единство, и смогут использовать этот шанс, мы можем спастись от экономического тупика, в котором мы пребываем, и не исключено, что войдем в ряд богатых стран мира. Эти и похожие моменты я начал разъяснять с кафедр мечетей с 1989 г., с момента таяния России».

Чаще всего он говорит о необходимости просветительства для Средней Азии, для этого «требуются армии и всадники просвещения. Например, если идет речь о покорении заново Азии, о ее возрождении, там сначала надо расстелить коврик для спасительной молитвы. Если имеется в виду приход туда Исафила, предварительно требуется ощущение его дыхания. Все это, реализуя просветительно-культурную деятельность от начальной школы и до университета, может помочь народу раскрыться... Станьте ключом к счастью Азии. В этих будущих переменах самый громкий и звонкий голос будет голос ислама».

Критический голос в адрес проповедника «умеренности» прозвучал не столь давно и в США, где Гюлен проживает и, как

выше сказано, консультирует турецких политиков по поводу преимуществ умеренного ислама перед радикальным. В журнале, издаваемом организацией «Ближневосточный форум», публикуется исследование Р. Шарон Креспин под заголовком «Великое вождение Фетхуллага Гюлена, исламистская угроза Турции». В нем, по сообщению «Миллиет», жестко критикуется община Гюлена и ПСР. В анализе утверждается, что джемаат Гюлена стремится не просто влиять на государство, а управлять им. Отмечается также, что в Турции на одну мечеть приходится 350 человек, в то время как на одну больницу приходится 60 тыс. пациентов. Кадры имамов насчитывают 90 тыс., что превышает число преподавателей и докторов. Подчеркивается, что сторонники Ф. Гюлена в ПСР политически управляют этой партией посредством своей медиаимперии, банков и школ, именуемых «домами света».

Завершая статью, мы не можем обойти вниманием последнюю фигуру, упомянутую в «списке 500» в качестве выдающегося мусульманина в современной Турции, – Аднана Окта, часто выступающего в турецких СМИ, в Интернете под псевдонимом Харун Яхья (Harun Yahya). Он возглавляет еще одно течение нурджизма, которое особенно активно пропагандирует концепцию тюрко-исламского союза как вариант умеренного ислама. Иногда эта концепция представлена и как Союз Тюрков (Turk Birliği).

Религиозная община Харун Яхья в масштабах Турции особенно заметна по обилию, даже изобилию материалов в Интернете, подчас красочно оформленных, портретов самого Аднана Окта, цветных иллюстраций и т.п. Правда, значительная часть этих материалов не датирована, устарела. Например, в очерке о Туркмении представлен портрет прежнего главы государства Туркменбаши, который умер несколько лет назад. Тексты представлены на нескольких языках, включая русский, они неравнозначны по объему и степени откровенности, радикальности, что, собственно, характерно для всех концептуалов умеренного ислама в отличие от прямолинейных исламистов-радикалов. Самый полный набор материалов представлен на турецком языке, и по причине «неприглаженности» содержание его весьма противоречиво – от «политической корректности» в отношении всех религий и стран до настойчивого призыва к тюркам Балкан, СНГ и Российской Федерации объединиться под крылом тюрко-исламского союза, доверившись лидеру этого союза – Турции.

Аднан Октар на своих сайтах напоминает, что Тюркский мир – это не только тюркские государства в Средней Азии, соз-

данные на территории распавшегося СССР; «территория тюркского мира раскинулась намного шире – от Адриатики до Китайской стены, проживающие здесь общества имеют различные этнические корни, но исторически они были собраны под крылом тюрко-исламских нравственных устоев. Это сообщества узбеков, казахов, уйгуров, татар, черкесов, абхазов, босняков, чеченцев, собранные под единым идеалом – наследием тюрко-исламской цивилизации, которая и поныне сохраняется на данной территории». Распространившийся по трем континентам османский порядок «из-за разного рода вмешательства был ликвидирован политически, но возникшая пустота даже спустя более века так и не смогла быть заполнена какой-либо могучей силой». Франция, Англия, Америка, Россия и другие внешние силы «пытались вторгаться на османские исторические земли, стереть османские следы, установить свою власть», однако эти чуждые силы «так и не сумели обеспечить мир и спокойствие прежним османским территориям...».

В таком же контексте комментируется ситуация на Кавказе и в Средней Азии. «В этом регионе существует для Турции большой потенциал влияния. Кавказцы, бежавшие на протяжении истории от русского гнета и укрывавшиеся в Османской империи, являются народами мусульманской веры. Что касается Средней Азии, она не была османской территорией, но Турции предана (*bagli*) по причине своих тюркских корней. Поэтому, когда проявятся контуры перспектив, которые ожидают тюркскую нацию прежде всего в свете турецко-российских отношений, будет в высшей степени полезным исследовать исторический фон этого региона».

Считая Кавказ и Среднюю Азию «стратегическим наследием» Турции, Аднан Октап пишет на своих сайтах: «Если Турция должным образом оценит то цивилизационное наследие, которым она владеет, то смотря всегда вперед и в то же время сохраняя в себе все прошлое, она найдет перед собой очень светлое будущее. Турция – наследница одной из самых давних цивилизаций в истории. Если это великое наследие по-настоящему оценить и постичь, наша страна на мировой арене станет одним из лидирующих государств XXI в. Политическая история свидетельствует, что сила, которая стремится владеть миром, прежде всего должна овладеть регионами, известными как “османское наследие”, Это потому, что основные направления политики формируются вокруг этих территорий».

Высказывая на одних страницах эти прозрачные намеки на необходимость как бы мирного возвращения Турции неоднократно упоминаемого «османского наследства», обозначаемого как «тюрко-исламское», Аднан Окта на других страницах успокаивает всех и вся: «С учреждением Тюрко-Исламского Союза Америка, Европа, Китай, Россия, Израиль, короче говоря, весь мир, обретут спокойствие. Будет решена проблема террора, транспортные пути к источникам сырья окажутся под защитой, сохранится экономический и социальный порядок, полностью исчезнут конфликты между культурами. Для США уже не будет необходимости отправлять свои войска за тысячи километров, Израилю не понадобится жить в окружении четырех стен, странам Евросоюза не придется сталкиваться с какими-либо экономическими проблемами, Россия перестанет испытывать страх за свою безопасность, Китай не будет ощущать нехватку сырья».

В рассуждениях Аднана Окта о форме тюрко-исламского единения больше всего места отведено многонациональной и многоконфессиональной Российской Федерации, по его убеждению, «после завершения “холодной войны” Турция в системе нового мира получила серьезный шанс на осуществление в последнем столетии “Красного Яблока” – мечты Тюркского мира». Автор упрекает РФ за ее якобы «традиционную идеологию расширения», за «гегемонию», за «русский национализм», «Москва стремится установить для себя жизненное пространство на прежней советской территории, а такое пространство не мыслится без Средней Азии и Кавказа». Сумев за короткий срок оправиться после развала СССР, «Москва начала политический процесс с целью вновь обеспечить себе прежние “колонии”. С этой целью создан СНГ, прежние колонии... втянуты под эту вынужденную крышу». «Важен для России и Кавказ. Географически это дверь в Среднюю Азию. Кроме того, это место пересечения интересов двух крупных для России конкурентов – Турции и Ирана. Поэтому Сталин разместил в кавказских республиках русское население. И сегодня оно используется как опора для новой политики и целей Москвы. Еще одна важная особенность Кавказа – он является дорогой на Ближний Восток».

Автор не может согласиться с тем, что даже «спустя десятилетие после обретения тюркским миром независимости Россия сохраняет свое влияние в регионе. Тюркский союз, который будет создан под руководством Турции, основательно подорвет влияние России в регионе и откроет путь тюркскому миру к мировому ли-

дерству – на идеалах “Красного Яблока”». Об этом идеале автор напоминает вновь и вновь, «это была великая цель турок», она помогла им захватить Константинополь и превратить его в Стамбул, поэтому «идея кызылэлма (красного яблока), означающая обеспечение тюркского союза, подлежит реализации в наши дни». На первом этапе такого процесса подразумевается независимость всех тюрков, на втором – союз всех тюрков, на третьем – этап завоеваний (*fetihler donemidir*)... «Идея тюркского союза в наши дни вновь обрела жизнь». После распада Советского Союза Турция получила важный шанс претворить в жизнь вековую мечту Тюркского мира – Красное Яблоко. Не только ставшие независимыми тюркские республики, но и весь Тюркский мир от Балкан до Восточного Казахстана с томлением ожидает создания под водительством Турции Союза Тюрков». Подобно Европейскому союзу, «другой Союз, в составе которого будут Балканы, Ближний Восток, Кавказ и Средняя Азия, станет достижением для всех стран... Благодаря ему будет положен конец играм, бесправию и несправедливости, которые творят в этом регионе известные силы».

Таковы сегодня представления политических лидеров и идеологов умеренного ислама Турции, включенных в список выдающихся мусульман современности, о будущем тюркских народов и прежде всего народов Российской Федерации.

«Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий», М., 2010 г., с. 7–31.

Владимир Овчинский,

публицист

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» ВОЙНЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

В кибернетике используется такое фундаментальное понятие, как «черный ящик». Обычно оно применяется для обозначения системы, механизмы которой сверхсложны либо неизвестны. Таким глобальным «черным ящиком» для мировой политики стал с начала XXI в. Афганистан. Именно здесь запускаются механизмы противоборства и взаимопомощи самых разных международных и национальных, легальных и нелегальных, реальных и виртуальных субъектов. Результаты этих взаимодействий совершенно непредсказуемы. Но именно от них зависят развитие новых войн, соотношение сил в мире, тенденции развития и деградации. Все новые атаки талибов говорят о том, что «черный ящик» перегрет

запредельно. Уже никто не может строить реальные прогнозы развития ситуации. Попытки администрации США заверить мировую общественность в том, что ситуация контролируется, рассыпались как карточный домик.

В Афганистане с начала XXI в. проходят две военные операции. Первая – это операция «Надежная свобода», которая почти полностью проводится США. Вторую операцию проводят Международные силы содействия безопасности (ISAF). Этой операцией командует НАТО, но сами силы подчиняются главнокомандующему США в Афганистане. К началу 2010 г. в ISAF – около 68 тыс. военнослужащих из 43-х стран. Если добавить к этому 30 тыс. военнослужащих, объявленных Обамой в начале декабря, 7 тыс. солдат, обещанных союзниками, в ISAF окажется почти 100 тыс. военнослужащих плюс более 30 тыс. американцев, проводящих операцию «Надежная свобода».

Когда говорят «война в Афганистане», то подразумевают сразу две войны – и в Афганистане, и в Пакистане. Также никто не снимал с повестки дня Ирак, где в течение 2009–2010 гг. продолжали погибать сотни людей в результате террористических нападений (при заявленных США «больших успехах» и выводе войск из городов). Усиление официальной группировки войск США и ISAF в Афганистане (и неофициальной в виде французского Иностранного легиона наемников и различного рода «охранных» структур, таких, например, как «Blackwater», недавно переименованная в «ХЕ») логически приводит к вопросу о целях этого наращивания и афганской «войны с терроризмом» начала XXI в. как таковой.

1. Закулиса афганской «войны с терроризмом». Для объяснения необходимости афганской «войны с терроризмом» есть официальная версия. Она изложена президентом США Обамой в выступлении 1 декабря 2009 г. в Военной академии США в Вест-Пойнте. Согласно этой официальной версии «в Афганистане и Пакистане на карту поставлена наша (США) безопасность. Именно там находится центр кровавого экстремизма «Аль-Каиды», именно отсюда нас атаковали 11 сентября 2001 г. и именно там замышляются новые нападения... Наша главная цель неизменна: вывести из строя, демонтировать и, в конечном счете, разгромить «Аль-Каиду» в Афганистане и Пакистане, лишив ее возможности в будущем угрожать Америке и нашим союзникам». В другой своей речи – 10 декабря 2009 г. на церемонии вручения Нобелевской премии мира в Осло центральным аргументом Обамы было то, что

национальные, религиозные и «племенные» культуры, не придерживающиеся ценностей американцев (и некоторых европейцев), не только хуже, чем западная культура, но и должны быть переделаны – любыми способами. Война в Афганистане названа «оборонительной».

Примерно той же концепции войны придерживается и Генеральный секретарь НАТО Расмуссен. В интервью «Der Spiegel» 21.12.2009 он заявил: «Мы с нашими войсками должны не допустить превращения Афганистана в убежище и укрытие для террористов. В противном случае они смогут пользоваться им в качестве базы для наступления на Центральную Азию и дальше. Кроме того, они будут дестабилизировать обстановку в соседнем Пакистане, являющемся ядерной державой. Все это очень и очень опасно – как для нас, так и для остальных».

Казалось бы, такое пафосное обоснование войны обязывает весь «цивилизованный мир» в едином порыве броситься помогать США и НАТО осуществлять эти «великие и гуманные» цели. Но почему-то этого не происходит. Более того, аналитики из разных стран мира с совершенно разной политической ориентацией видят за официально объявленными целями афганской войны некие совершенно иные, закрытые цели и задачи. В наиболее простом и прямолинейном виде закулисное объяснение причин афганской «войны с терроризмом» изложено в левом испанском издании «Publico.es» от 03.01.2010 в статье «Тайный агент революции», где говорится, что Обама был завербован Бжезинским, когда обучался в Колумбийском университете. Там он вошел в контакт с Трехсторонней комиссией и Бильдербергским клубом. По мнению издания, Бжезинский и его единомышленники уже давно рассматривают Россию и Китай в качестве своих главных врагов и всюду стараются использовать против них экстремистские силы. Разведслужбы США оказывали поддержку «Аль-Каиде» и талибам с тем, чтобы стимулировать выступления уйгуров-мусульман против китайского правительства. Они также использовали движение Талибан для нанесения ущерба союзникам России в Средней Азии. «Цель присутствия американцев в Афганистане, – говорится в статье, – заключается не в уничтожении «Аль-Каиды» или талибов, с которыми они при необходимости быстро договорятся, а в занятии стратегических позиций, позволяющих нанести удар по России и Китаю».

В самих США оппозиционному правительству издание «Pacific Free Press» пишет: «Идя по следам боевиков-террористов,

американские войска и американские деловые круги просочились глубоко в Центральную Азию, где нефтяным компаниям плохо удается самостоятельно завоевывать плацдармы. Тем, кто следит за внешней политикой США в Афганистане и во всем мире, хорошо известно, что американские военные и Центральное разведывательное управление часто действуют в манере, противоречащей заявлениям руководителей этой страны. Тем, кто удосужится заглянуть за занавес американского двуличия, придающего видимость благопристойности их действиям, сразу становится ясно, что «исламские боевики» имеют обыкновение появляться там, где начинают проявлять свой интерес нефтяные компании США.

Америка использовала эти самые группировки боевиков в прошлом. И вот они появляются на свет снова, причем всегда на пути предполагаемых маршрутов прокладки трубопроводов. Это не просто какая-то случайность, что боевики в качестве целей для своих нападений обычно выбирают врагов США, таких как Китай, Россия и Иран. Кроме того, «исламисты» также нацеливают свои удары на непослушных союзников США, таких как Пакистан, когда те выходят из общего строя или иным образом не оправдывают американские ожидания.

...То, что американцы используют исламских боевиков в качестве инструмента своей тайной внешней политики, это факт. Об этом знают государства и их шпионские ведомства во всем мире. Единственный, кто понятия не имел о том, что американское правительство само создает тех самых боевиков, с которыми оно якобы воюет, это народ Америки, а также западная аудитория. Это знают все на Ближнем Востоке. На самом деле почти все страны, причастные к хаосу «АфПака», используют «исламистов», полевых командиров и криминальных авторитетов для достижения собственных целей...».

«Der Spiegel» (19.05.2010) пишет, что сегодня в Афганистане разворачивается продолжение «Большой игры» XIX в. в Центральной Азии за мировое господство. В «Большой игре-2» принимают участие все игроки, которые в настоящее время имеют вес в мировой политике, – Соединенные Штаты и Россия, Европа и Иран, Китай и Индия. «Жизненно важные интересы Запада состоят в том, – пишет “Spiegel”, – чтобы изолировать в стратегическом плане и ослабить в экономическом отношении иранских правителей, представляющих собой опасное смешение религиозного фанатизма и высокотехнологичного обогащения урана. В военном отношении это делается путем создания крупных баз в Кандагаре

и Кабуле, а также в таких близлежащих странах, как Киргизия и Узбекистан. Кроме того, должны быть ограничены экспортные возможности Тегерана. Никакие нефтепроводы или газопроводы, идущие от иранских месторождений, не должны проходить по территории Афганистана. Эти трубопроводы должны проходить, в соответствии с западными представлениями, от Каспийского моря по территории авторитарного, однако более сговорчивого в отношениях с Западом Туркменистана. После этого трубы должны пройти по территории Афганистана в направлении испытывающего энергетический голод Пакистана и дальше в сторону Индии».

Скрытый геостратегический характер афганской войны видит и британская «The Guardian». В статье «Реальные ставки в афганской войне» (11.12.2009) открытым текстом говорится о том, что когда европейские правительства принимают решения о посылке своих войск в Афганистан, речь идет не только о предотвращении террористических нападений на европейские столицы, для чего надо не дать талибам вновь захватить эту страну. На кон в Афганистане поставлены судьба трансатлантического альянса, энергетическая безопасность и независимость Европы. Афганистан, по мнению «The Guardian», представляет собой важнейший транзитный коридор для энергоресурсов в Центральной Азии, который может соединить богатые нефтегазовыми месторождениями государства, прежде всего Туркменистан, с Аравийским морем и/или с Индийским океаном. Стабилизация в Афганистане – не временная, чтобы оправдать вывод войск, а постоянная, – крайне важна для прокладки трансафганского трубопровода из Туркменистана в Индию (этот проект известен по сокращению TAPI) и для обеспечения его гарантированной безопасности. Сооружение этого трубопровода крайне важно для Европы, констатирует газета, чтобы она могла диверсифицировать поставки и снизить свою зависимость от импорта нефти и газа из Персидского залива и из России. Неудача в Афганистане, а следовательно, и в Пакистане будет означать отказ от проекта TAPI. А это, в свою очередь, позволит России восстановить утраченную гегемонию.

Схожей позиции придерживается бывший британский посол Крейг Мюррей. Он связал войну с американскими и британскими интересами в больших месторождениях природного газа в Туркменистане и Узбекистане. В частности, война связана с защитой интересов компании Unocal через посланника США Залмая Хализада, уроженца Афганистана. Именно Хализад вместе с Бушем выбрал Карзая, чтобы тот возглавил страну.

Американский аналитик Майкл Пэйн пишет на сайте «OpEd-News» (15.01.2010), что наращивание американской военной группировки в Афганистане является новой стартовой площадкой для потенциального контроля над пакистанским Белуджистаном. Причина, по которой США положили глаз на Белуджистан и город Кветту, состоит, по мнению Майкла Пэйна, в том, что этот район был определен как ключевой транзитный коридор и для природного газа, и для нефти. Существуют планы строительства двух трубопроводов, которые пройдут через Белуджистан. Один – уже упомянутый ТАРІ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), другой – ІРІ (Иран–Пакистан–Индия). Против последнего США категорически выступают из-за участия Ирана.

Такие версии причин нынешней войны в Афганистане, безусловно, заслуживают внимания. Но ситуация в Центральной Азии развивается так быстро, что заставляет в любые версии вносить серьезные коррективы. Например, бывший консультант ООН и Всемирного банка Андреа Бонцани полагает, что после того, когда 14 декабря 2009 г. главы Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана с благословения России открыли клапан нового газопровода из Туркменистана в Китай, Запад проиграл 20-летнюю «Большую игру» за природные ресурсы и влияние в Центральной Азии. Теперь Россия и Китай, по мнению Бонцани, будут поддерживать почти абсолютный баланс рычагов в Центральной Азии

Что касается введения в строй 6 января 2010 г. трубопровода, соединяющего прикаспийскую часть Ирана с огромным газовым месторождением в Туркменистане, то, по мнению многих экспертов, это наносит мощнейший удар по энергетической концепции США на Большом Ближнем Востоке. Одновременно это является насмешкой над политикой США в отношении Ирана. Аналитики Китая также внимательно отслеживают ход войны в Афганистане и Пакистане. По мнению «China Review News», наращивание афганской группировки США и НАТО и взятие под контроль Средней Азии американцами явилось ударом острого ножа в мягкое и слабое «подбрюшье» России. Главная цель военного проникновения США в страны Средней Азии – взятие этих стран под военный контроль для организации «санитарного кордона» по периметру России, а также взятие под контроль богатых энергоресурсами стран Каспийского бассейна и транспортных коммуникаций, идущих по их территории, для ослабления экономического положения России.

Китайцы, как всегда, «скромны» в оценках, указывая на цели США по отношению к России. При этом не говорят ни о крупнейшем порте Гвадар в Пакистане, куда они вложили уже около 5 млрд. долл., ни об Айнакском медном руднике, в который Китай вложил 3,4 млрд. долл., ни о вложении 500 млн. долл. в строительство электростанции и железной дороги между Пакистаном и Таджикистаном. Естественно, когда наращивается военная группировка, проводятся интенсивные боевые действия, а в ответ следует волна возмездия в виде терактов. Безопасность всех китайских проектов в Афганистане и Пакистане резко снижается.

Вообще в «черном ящике» Афганистана все воюют против всех и все друг другу оказывают помощь. Американцам и НАТО нужна реальная победа над Талибаном и «Аль-Каидой», нужна стабильность в Афганистане и Пакистане для решения своих нефтегазовых проектов и подтверждения своего геостратегического господства в мире и одновременно не нужна стабильность для реализации китайских проектов. Китайцам нужна стабильность для обеспечения своих проектов, но не нужна стабильность для прокладки трубопровода в Индию (ТАПИ). Пакистану нужна стабильность в Афганистане для обеспечения безопасности в стране, особенно ядерных объектов, но не нужна стабильность для прокладки того же трубопровода в Индию – извечную соперницу. Как отмечает известный эксперт по Афганистану Хассан Абасс («Project Vindicate», декабрь 2009), на всех стадиях продолжительного конфликта, который принесли США в этот регион, Пакистан пытался ограничить влияние Индии на Афганистан. Растущее влияние Индии в Афганистане и ее инвестиции беспокоят аппарат национальной безопасности Пакистана. Как для Пакистана, так и для Индии Афганистан рискует превратиться в новую оспариваемую территорию, как Кашмир, где конфликт наносит ущерб обеим странам на протяжении более 60 лет. Кроме того, Пакистан, являясь сейчас формальным союзником правительства Карзая, может вступить с ним в вооруженный конфликт для решения пограничного спора между Афганистаном и Пакистаном по так называемой «линии Дюранда». Прав А. Серенко, когда пишет, что именно перспектива такого конфликта заставляет определенную часть пакистанских силовых элит поддерживать – в той или иной форме – проект Талибана. России нужна военная группировка США и ISAF в Афганистане для защиты своих южных границ и границ своих соседей, и одновременно та же военная группировка представляет опасность для пользования энергоресурсами Средней Азии. Мож-

но иметь разные цели и задачи в Афганистане, но при принятии тех или иных решений всегда надо исходить из реальной военно-политической обстановки.

2. Лондон: Игра в «поддавки». Перед началом Лондонской конференции по Афганистану, которая проходила 28 января 2010 г., один из ее организаторов – тогдашний глава МИД Великобритании Д. Милибанд в статье, написанной для российской газеты «Коммерсантъ», заявил: «Афганистан слишком долго был шахматной доской, на которой разыгрывалась борьба других стран, испытывавших подозрение друг к другу». Очень точное замечание. Правда, слово «был» надо заменить на слово «остается». Ведь «Большая игра» действительно продолжается. Достаточно сказать, что организаторы Лондонской конференции не пригласили на нее ШОС как международную организацию.

Конфликт между игроками завел всю «шахматную партию» в проигрышное игровое положение. Прежде всего для США и НАТО. Они лихорадочно ищут выход из тупика. Вместо классических «политических шахмат» началась игра в «поддавки». Только так можно охарактеризовать весьма сомнительный план подкупа Талибана через так называемую «Программу реинтеграции и примирения». Программа предполагает, что талибам будут предложены наличные доллары, если они перестанут вести боевые действия против правительства Карзая и сил международной коалиции, откажутся от насилия, пообещают интегрироваться в «демократическое общество» и оборвут контакты с «Аль-Каидой». На Лондонской конференции в числе главных стоял вопрос о создании международного фонда реинтеграции. Авторы этой идеи говорят, что это не попытка откупиться от талибов, а политическая комбинация по внесению раскола в ряды повстанцев.

Прорабатывается и вариант примирения с группой «умеренных» талибов в количестве 35 тыс. человек. Как сообщило «Radio Liberty» 15 января 2010 г., на реализацию этого плана может понадобиться более 1,3 млрд. долл. Ведь согласно плану, для «реинтеграции» талибам хотят предложить работу и профессиональное обучение. Критики данного плана сомневаются в его эффективности. Ведь талибы вряд ли захотят перейти на сторону Карзая и американцев, когда они практически уверены в своей победе после начала вывода американских войск, который Обама назначил на лето 2011 г. Кроме того, как пишет «The Christian Science Monitor», налицо разногласия между западными официальными лицами, которые до настоящего времени не могут определиться с

тем, какие фракции Талибана выступают за глобальный джихад, а какие – за участие в политической жизни Афганистана. Тем более что те талибы, которые представляют наибольшую опасность для Коалиции, базируются на территории Пакистана.

И самое главное. Возможен ли подкуп людей, которые сознательно идут на смерть во имя джихада против тех, кого считают оккупантами и врагами ислама? Можно ли вообще говорить о плане реинтеграции после нападения талибов на Кабул 18 января 2010 г. – за 10 дней до открытия Лондонской конференции? Складывается впечатление, что эта конференция проходила по канонам классического бюрократического мероприятия: наметили, провели, поставили «галочку» о проведении. И все в отрыве от реальной военно-политической обстановки в Афганистане.

3. Ловушка для Обамы. Своим балансированием между миротворцем (речь в Каире) и президентом войны (речь в Вест-Пойнте) Обама все время ставит себя в двусмысленное положение. И принимает двусмысленные решения. Как, например, можно наращивать группировку в Афганистане, зная, что быстро она ничего не сможет сделать? И тут же принимать решение о выводе этой группировки через полтора года после ввода.

Довольно странная ситуация. Ее критикуют многие аналитики, которые полагают, что назначение конкретной даты вывода войск из Афганистана – это сумасбродство. Ряд крупных чиновников Белого дома позволили себе «скорректировать» позицию своего президента. Так, специальный посланник президента США по делам Афганистана и Пакистана Ричард Холбрук в интервью немецкой прессе заявил, что афганская кампания может продлиться дольше вьетнамской и стать самой длительной и сложной военной кампанией в истории США. А Генеральный секретарь НАТО Расмуссен в интервью радио «Свобода», которое он дал на Лондонской конференции, вообще заявил, что «на самом деле Барак Обама и не говорил о выходе из Афганистана. Он говорил о том, что будет пересматривать стратегию и миссию в 2011 году». Поразительная корректировка слов американского президента! Тем более что Обама в своем докладе Конгрессу США «О положении дел в стране», который он сделал 27 января 2010 г., заявил, что в июле 2011 г. американские войска начнут возвращаться в США.

В условиях глубочайшего финансово-экономического кризиса, в котором находится Америка, стоимость афганской войны продолжает увеличиваться. В 2009 г. на эту войну США потратили 51 млрд. долл. В 2010 г. цифра выросла до 95 млрд. с учетом уве-

личения численности американских войск в Афганистане. В Америке умеют считать деньги. Если война закончится позорным бегством американцев, может закончиться и политическая карьера нобелевского лауреата Премии мира. В Америке не любят неудачников. В этом главная ловушка для Обамы. Уже прозвенели «первые звонки»: проигранные демократами выборы в Вирджинии, Нью-Джерси и Массачусетсе. Проигранные в том числе и по причине непонятной войны в Афганистане. В течение первой половины 2009 г. война шла с переменным успехом, американские потери продолжали расти, и к концу лета генерал Маккрystal представил Пентагону секретный доклад, где говорилось, что если Белый дом не пришлет в Афганистан новые подкрепления, то США вполне могут потерпеть военное поражение. По данным СМИ, речь шла о 40–45 тыс. военнослужащих в дополнение к примерно 70 тыс., которые находятся в Афганистане сейчас. В итоге, как известно, принято решение направить 30 тыс. американцев и 7 тыс. союзников. Серия интенсивных военных операций, проведенных США, НАТО и Коалицией, достигла некоторых успехов, но по итогам 2009 г. потери США в Афганистане удвоились. Погибло 310 солдат и офицеров США, в то время как по итогам 2008 г. было убито 155 человек. Значительно выросли потери контингентов НАТО и ISAF. В 2009 г. в Афганистане погибло в общей сложности 506 иностранных военных, в то время как в 2008 г. их было убито 295. 30 декабря 2009 г. в результате самовзрыва двойного агента на передовой оперативной базе в провинции Хост, вблизи границы с Пакистаном, погибли четыре агента ЦРУ, включая главу резидентуры, три телохранителя и офицер иорданской разведки – родственник иорданского короля Абдаллы II, шесть человек получили ранения. До этого теракта за весь период афганской войны с начала вторжения в 2001 г. погибли четыре сотрудника ЦРУ.

За годы «войны с терроризмом» в Афганистане неуклонно нарастает число безвозвратных потерь среди военнослужащих иностранных контингентов». С 2005 г., т.е. начала интенсификации боевых действий в Афганистане, к 2010 г. суммарное ежегодное число потерь среди иностранных военных в ИРА возросло на 297%. Такая тенденция, ставшая отражением как перехода афганского конфликта в стадию партизанской войны, так и низкой эффективности традиционных вооруженных сил в этих изменившихся условиях, разумеется, не могла не спровоцировать существенный рост антивоенных настроений в странах – поставщиках международных сил в ИРА. К июню 2009 г. афганскую кампанию

поддерживали 30% общественности США, 11% – Великобритании, 7% – Германии, 7% – Испании, 6% – Италии, 4% – Франции, 4% – Нидерландов. Почти 62% всех потерь Коалиции в Афганистане за 2009 г. приходится на самодельные взрывные устройства (СВУ). В 2008 г. эта цифра составляла 58%, в 2007 – 42% (статистика собрана редакцией веб-сайта iCasualties.org, где ведется учет всех погибших в афганской и иракской войнах). Всего за 2009 г. было совершено 6228 нападений с применением СВУ (за 2003 г. – СВУ, применяемые в Афганистане, делаются преимущественно из нитрата аммония – селитры, используемой при производстве удобрений. Значительная часть селитры, употребляемой при производстве СВУ, происходит из Пакистана, хотя крупными поставщиками являются также Иран и Китай).

Чем активнее США и силы ISAF проводят спецоперации, тем шире становится вербовочная база талибов и «Аль-Каиды». И это вполне понятно: активные боевые действия всегда приводят к многочисленным жертвам среди гражданского населения, расширяя ряды сопротивления. По данным международной правозащитной организации Afghanistan Rights Monitor, около 4 тыс. мирных жителей погибли в Афганистане в результате военных действий в 2009 г. Иными словами, за один 2009 г. в Афганистане мирных жителей погибло больше, чем в США во время событий 11 сентября 2001 г. «Странная» афганская война с заранее объявленным уходом в середине 2011 г. подстегивает талибов к еще более активным действиям. Как сообщает «The Miami Herald» (от 29.12.2009), талибы уже сформировали теневое «правительство в ожидании» с полностью укомплектованным кабинетом министров (в случае падения Карзая). Талибами назначены теневые губернаторы в 33 из 34 провинций Афганистана. В докладе Генерального секретаря ООН, представленном на заседании Совета Безопасности ООН 6 января 2010 г., отмечается, что в «тех административных округах, где активно действуют повстанцы (интересно, что Генсекретарь ООН не называет талибов террористами, а говорит о повстанцах), деятельность органов государственного управления, как правило, ограничивалась районом, непосредственно примыкающим к центру административного округа. В наиболее удаленных округах местная администрация располагает к тому же лишь ограниченными финансовыми и людскими ресурсами, из-за чего она не может выполнять даже самые основные функции, связанные с государственным управлением. Такое ограниченное присутствие государственной власти все чаще использовалось в своих

интересах повстанцами, которые создавали теневые структуры власти на уровне провинций, собирали налоги, отправляли «правосудие», решали земельные споры, казнили предполагаемых преступников и обеспечивали соблюдение консервативных традиций, сложившихся в обществе».

Как известно, согласно плану Маккрисчала вывод американских войск из Афганистана летом 2011 г. должен сопровождаться комплектованием и обучением 300-тысячной афганской Национальной армии. Однако даже в самих США мало кто из экспертов верит в то, что афганские вооруженные силы станут гарантом безопасности после начала ухода американцев из страны. Как пишет «History News Network» (05.05.2010), сплоченности в афганских вооруженных силах добиться трудно. Племенные реалии в среде пуштунов, служащих офицерами и рядовыми, так же как и недоверие непуштунов к пуштунам, нельзя так просто сбрасывать со счетов. Чтобы культура вооруженных сил и страны в целом успела трансформироваться, должно было бы смениться целое поколение – и это только в случае, если бы у Соединенных Штатов и их союзников была для такой трансформации политическая воля. В условиях же отсутствия этой воли возникают резонные опасения. А именно: «Как только президент Обама в середине 2011 г. (или чуть раньше) начнет выводить боевые части, – отмечает издание, – сместится баланс сил, и лояльность афганских военных начнет коренным образом меняться. Такое уже случалось раньше и может случиться снова. Правительство Карзая не удержится, если армия расколется по племенному и этническому принципу».

Талибы угрожают перекрыть Северный маршрут снабжения, обустроенный ISAF в дополнение к плохо защищенным каналам, проходящим через территорию Пакистана. Но что значит перекрыть Северный маршрут? Сейчас наиболее используемый маршрут Северной сети поставок проходит по территории Эстонии, России, Казахстана и Узбекистана. Некоторые грузы направляются транзитом и по территории Грузии, Азербайджана, по Каспию в Казахстан и затем в Узбекистан. На начало 2010 г. Вашингтон еженедельно переправлял в Афганистан по железнодорожным магистралям Центральной Азии порядка 350 контейнеров с грузом, что более чем в три раза превышает объемы летнего периода. Подписанное 27 января 2010 г. соглашение между НАТО и Казахстаном (ранее Россия и Узбекистан подписали аналогичные соглашения) делает Северный маршрут главным для Коалиции в Афганистане. Это уменьшает зависимость НАТО от опасного пути

через Хайберский перевал в Пакистане, где талибы постоянно совершают нападения. Пока никаких диверсий на Северном маршруте не было. Что означает угроза талибов перекрыть Северный маршрут? Это – угроза объявления диверсионно-террористической войны. Прежде всего на железнодорожных магистралях в Казахстане и Узбекистане.

Особенность военной ситуации в Афганистане заключается в том, что основные команды талибам, воюющим с войсками США и ISAF, поступают из столицы пакистанской провинции Белуджистан – Кветты. Там расквартирована верхушка Талибана во главе с Джалалуддином Хаккани, его сыном Сираджуддином Хаккани и муллой Омаром – бывшим главой правительства Афганистана при режиме талибов. По разным оценкам, под командованием Сираджуддина Хаккани находится от 4 до 12 тыс. талибов. Основные силы Хаккани сосредоточены в Северном Вазиристане – с пакистанской стороны границы. По данным американской разведки, именно его бойцы напали на Кабул 18 января 2010 г. Хаккани причастен и к подрыву агентов ЦРУ 30 декабря 2009 г.

Возможен ли лондонский вариант примирения с названными лидерами талибов? Думаю, ответ очевиден.

Главная интрига состоит в том, что, согласно сообщениям представителей военного руководства и дипломатических кругов Пакистана, в ответ на требование усилить преследование Сираджуддина Хаккани, боевики которого представляют наибольшую угрозу американским войскам, США получили от Пакистана резкий отказ. Как сообщило «Radio Liberty» (19.12.2009), президент Пакистана Асиф Али Зардари накануне провозглашения Белым домом новой стратегии «АфПак» в конце ноября заявил Обаме, что армия Пакистана будет действовать против исламских экстремистов в приграничных районах по собственному графику и не станет ускорять операцию, как просил Вашингтон. Зардари можно понять. Его положение довольно непрочное и во многом зависит от консенсуса с военными. Особенно сильно режим Зардари закачался после принятия Верховным судом Пакистана в декабре 2009 г. решения о повторном рассмотрении всех судебных дел по обвинению в коррупции, которые были отменены экс-президентом Мушаррафом еще в 2007 г. на основании Указа о национальном примирении. Это решение парализовало административный аппарат Зардари. Ясно, что в Пакистане вновь началась смертельная схватка за власть. И потом, зачем Зардари ликвидировать Сираджуддина Хаккани, если тот является агентом пакистанских спецслужб?

Тем более что он им весьма будет нужен для военных «разборок» после начала вывода американских войск из Афганистана в 2011 г.

В ответ на несговорчивость руководства Пакистана Обаме советуют повысить масштабы и частоту бомбовых ударов беспилотников по территории Пакистана. Но за два последних года от беспилотников погибло, по самым скромным подсчетам, не менее 300 мирных пакистанцев. 53 операции с участием беспилотников насчитали эксперты New America Foundation в 2009 г. в Пакистане, о проведении 51 из них распорядился Обама. Его предшественник Джордж Буш приказал в 2008 г. провести в общей сложности всего лишь 34 такие операции. Другой совет заключается в проведении спецоперации против руководства Талибана силами самих американцев на территории Пакистана.

Следование этим советам может привести к падению нынешнего проамериканского президента Пакистана. К власти могут прийти радикально, причем радикально-исламистски, настроенные военные. А это уже совсем другая история. Здесь в полный рост стоит вопрос ядерного оружия Пакистана, непримиримый конфликт с Индией с возможным обменом ядерными ударами и территориальный конфликт с Афганистаном.

Даже без столь апокалиптического сценария напряжение вокруг Афганистана в треугольнике Пакистан–Индия–Китай постоянно возрастает. И Китай, и тем более Пакистан противоборствуют усилиям США втянуть Индию в афганскую войну. Особенно беспокоят китайцев и пакистанцев уже прозвучавшие планы сосредоточения индийских войск на севере и западе Афганистана и масштабные проекты обучения индийскими специалистами афганской армии. Индия постоянно добивается того, что из речей Обамы исчезла проблема Кашмира. Но для пакистанских военных Кашмир остается приоритетом номер один. Многие эксперты полагают, что наряду с другими факторами именно из-за Кашмира Пакистан не проявляет той активности в борьбе с талибами, которую от него ждут американцы. Пакистанцы также считают, что Индия поддержала сепаратистские повстанческие движения в пакистанском Белуджистане. В свою очередь, китайцы в ответ на возможное усиление влияния Индии в Афганистане активизируют деятельность повстанческих маоистских групп в самой Индии (они там действуют на территории трети страны).

Клубок противоречий Афганистана придется распутывать и России.

4. «Русский Афган» начала XXI в. В дни 30-летия советского вторжения в Афганистан Зб. Бжезинский в своих интервью с особым удовольствием и цинизмом рассказывал о том, как спецслужбам США и Белому дому удалось спровоцировать СССР на оккупацию Афганистана и «устроить Советам свой Вьетнам».

Сейчас аналогичное втягивание в «черный ящик» новой афганской войны идет уже не на уровне тайных операций, а в открытую. Генеральный секретарь НАТО Расмуссен в интервью «Der Spiegel» заявляет: «Я вижу большой потенциал для дальнейшего российского содействия по Афганистану. Россия уже предоставила нам транзитный маршрут для тылового обеспечения. Я думаю, что она может сделать больше. Русские могут также участвовать в подготовке афганской армии и в поставках для нее военной техники и оружия».

«The Associated Press» (от 11.12.2009) накануне визита Расмуссена в Москву прямо писала: «НАТО хочет, чтобы Россия помогла в войне в Афганистане, бесплатно предоставив больше оружия – включая автоматы АК-47, гранатометы, легкую артиллерию и бронетранспортеры, – а также расширив военную помощь растущей афганской армии». НАТО также стремится получить до шести обновленных легких военно-транспортных самолетов Ан-32, которые должны присоединиться к четырем, уже имеющимся на вооружении ВВС Афганистана. Эти самолеты специально разработаны, чтобы хорошо функционировать в жарком и высокогорном климате Афганистана.

Какую помощь США, ISAF и правительству Карзая Россия уже оказала и оказывает сейчас?

– Кабулу списан долг на 10,38 млрд. долл., оказана гуманитарная помощь на 70 млн.

– Россия обеспечивает транспортировку невоенных грузов в Афганистан по Северному маршруту.

– Россия готовит афганских полицейских для борьбы с наркобизнесом на базе одного из учебных заведений МВД.

– Москва и Вашингтон достигли в июле 2009 г. соглашения, позволяющего США производить до 4500 полетов в год над территорией России. Речь идет о транзите военных грузов для коалиции в Афганистане. Но за прошедшие полгода, по американским данным, было произведено всего пять полетов.

– Наемники из России воюют с талибами в горах к востоку от Кабула в составе французского Иностранного легиона. Но это

личная инициатива конкретных лиц, а не политика государства (да и само наемничество у нас карается по УК).

Все перечисленные факторы – косвенное участие в афганской войне. Восстановление 142 объектов промышленности и инфраструктуры в Афганистане, построенных при участии СССР, – вообще благородное дело, носящее антивоенную идеологическую нагрузку. И это предложение, внесенное в Лондоне российским главой МИДа С. Лавровым, звучало среди всех других наиболее рационально. Правда, не совсем понятно, как будет обеспечена безопасность наших строителей в условиях войны.

А теперь зададим себе вопрос, что значит участвовать в подготовке афганской армии и поставлять для нее бесплатно военную технику и оружие? Это, по существу, прямое участие в афганской войне. Причем накануне ухода американцев! Видимо, Бжезинский считает, что достойно завершит свою жизнь, если ему второй раз удастся втянуть русских в афганскую войну. Направить всю энергию джихадизма против России.

Безусловно, надо быть готовыми ко всему. И к реальному уходу американцев из Афганистана. И к падению режима Карзая в Кабуле. И к восстановлению режима талибов. И к террористическим рейдам талибов к нашим соседям в Среднюю Азию. Но не следует делать шагов, которые эти события будут ускорять. Современный лозунг по отношению к афганской войне: «Ни шагу вперед!»

Нам и плохо, и хорошо от того, что крупные силы США и НАТО находятся недалеко от наших границ. Плохо потому, что в этом положении они реально могут влиять на многие внешнеполитические и экономические процессы в Средней Азии. Плохо потому, что Россию после оккупации Афганистана американцами завалили героином, произведенным в этой стране (режим талибов с наркотиками нещадно боролся, что признавала даже ООН). По данным главы наркоконтроля Виктора Иванова, от афганского героина в России только за 2009 г. погибло 100 тыс. человек! НАТО и ISAF все последние годы игнорируют предложения России и ОДКБ о создании вокруг Афганистана антинаркотических поясов безопасности. И в этом нет ничего удивительного, поскольку, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), на антиправительственные элементы, которые входят, но не ограничиваются движением «Талибан», приходится относительно небольшая доля прибылей от торговли наркотиками. Сопроводительные разведывательные агентства США, ЦРУ и Разведыва-

тельное управление Министерства обороны считают, что движение «Талибан» получает от торговли наркотиками около 70 млн. долл. в год – всего лишь около 2% общей суммы предполагаемых доходов от торговли наркотиками, которая в 2009 г., по данным UNODC, составила 3,4 млрд. долл. По словам бывшего посла Великобритании в Узбекистане Крейга Мюррея, конвои под командованием генерала Дустума, который в 2010 г. был назначен президентом Хамидом Карзаем на должность начальника штаба главнокомандующего Национальной армии Афганистана в правительстве, транспортируют наркотики через границу. А родной брат президента Карзая, Ахмед Вали Карзай, был обвинен в том, что он является основным наркобароном.

Хорошо, что южные рубежи России пока охраняются «союзниками – потенциальными противниками» – американцами. И не дай Бог, чтобы они бежали из Афганистана так же, как из Вьетнама. Тогда Афганистан кинется разрывать в клочья и Китай, и Индия, и Пакистан. А в такой ситуации уже может возникнуть не большая игра, а большая война в Центральной Азии.

Вероятность этой большой войны стала возможной в результате насильственного развала СССР. Республики Средней Азии были оторваны от единой России, лишены единого экономического и культурного пространства, оставлены один на один с надвигающейся волной радикального ислама, стали вожделенными объектами экспансии и со стороны Запада, и со стороны Китая. Россия была лишена бесценных залежей газа, нефти, угля, золота, урана. А главное, лишена человеческого потенциала, способного укреплять военный и трудовой ресурс страны. В один миг граждан СССР – таджиков, узбеков, казахов, киргизов, туркмен – стали причислять к опасным «незаконным мигрантам». Сброс «азиатских окраин» оголил южные рубежи России. «Черный ящик» афганской «войны с терроризмом» требует сделать Среднюю Азию приоритетным направлением внешней политики, экономики и безопасности России. Для этого надо развивать крупные совместные экономические проекты. Необходимо постоянно укреплять и развивать все действующие совместные структуры безопасности в рамках СНГ (Антитеррористический центр, Бюро по координации мер борьбы с организованной преступностью и т.д.), а также в рамках ОДКБ и ШОС. Мы можем влиять на афганскую войну только путем укрепления позиций России в Средней Азии. В этом залог не только и не столько побед, сколько выживания нашей

страны и нашего государства в обостряющейся стратегической схватке за будущее мира.

«Наш современник», М., 2010 г., № 11, с. 121–131.

Дина Малышева,

доктор политических наук

ЙЕМЕН КАК НОВАЯ «ГОРЯЧАЯ ТОЧКА»

Йемен – «страна, лежащая справа от Мекки», в юго-западной части Аравийского полуострова, с древних времен именовалась «Счастливой Аравией», поскольку климат ее выгодно отличался от близлежащих пустынных территорий. Это отсталое по мировым меркам государство практически на всем протяжении своего существования в Новейшее время находится в состоянии незатихающего конфликта. Он является в известной мере следствием того, что 24-миллионное население Йемена (по численности превышающее население Саудовской Аравии) разделено более чем на 200 племен, которые воюют если не с центральной властью, то друг с другом, и зачастую единственной силой, которая их как-то объединяет, является религия. Но и здесь имеются свои линии разлома. Сунниты, относящиеся к шафиитской ветви ислама (более половины жителей страны), населяют Южный и Нижний Йемен. На возвышенном плато (часть Верхнего Йемена) живут представляющие одну из ветвей шиизма зейдиты (по имени внука шиитского мученика имама Хусейна Зейда ибн Али, убитого в Куфе во время восстания против Омейядского халифата в 740 г.), составляющие 45% населения. Есть в Йемене и сторонники ваххабизма, которые начинают проникать в исконно зейдитские и шафиитские районы страны. Экспорт идеологии ваххабизма осуществляется через религиозные учебные заведения, финансируемые Саудовской Аравией, что приводит к столкновению ваххабитов с последователями традиционных для Йемена верований. Кроме того, в Йемене проживает около 3 тыс. христиан.

Почти половина жителей страны находится за чертой бедности. Население, треть которого составляют безработные, стремительно растет, и по прогнозам, к 2025 г., в Йемене будет проживать около 40 млн. человек, что грозит социальной и демографической катастрофой: в стране уже сегодня не хватает пресной воды и продовольствия, а многие вопросы решаются только с помощью силы. Ситуация усугубляется тем, что в распоряжении граждан

Йемена находится около 50 млн. единиц стрелкового оружия. По данным СИПРИ, с 2004 по 2008 г. почти 59% всех военных поставок в Йемен приходилось на Россию, и она сохраняет лидирующие позиции в торговле оружием с этой ближневосточной страной.

Йемен занимает чрезвычайно выгодное стратегическое положение. Тот, кто владеет им, получает доступ к Красному морю, Индийскому океану и к Персидскому заливу с выходом на Саудовскую Аравию и Оман. Йемен вместе с Эритреей и Джибути контролирует Баб-эль-Мандебский пролив – ключевую стратегическую «заслонку» между Африканским Рогом и Ближним Востоком, открывающую (или, если потребуется, закрывающую) проход танкерам, поставляющим ежедневно до 3,5 млн. баррелей нефти в США, Европу и Азию. В самом Йемене нефтяные запасы в ряде районов (Масиль и Шабва) оцениваются как весьма перспективные. Все вместе взятое – природные богатства и выгодное стратегическое положение Йемена – объясняет повышенный интерес к этой стране со стороны региональных и мировых держав. И все они в той или иной степени стараются извлечь для себя выгоду из внутрийеменского конфликта.

Его недавние истоки уходят в 2004 г. Тогда в провинции Саада в вооруженные столкновения с правительственными войсками вступили традиционные противники центральной власти – зейдиты. Их возглавил шейх Хусейн Бадр ад-Дин аль-Хути, по имени которого мятежников стали называть хутистами. Аль-Хути резко критиковал президента и правительство, которые, по его мнению, «продались Соединённым Штатам». Провозгласив себя имамом, он объявил о создании эмирата и укрылся в горах на севере страны. Попытка властей арестовать аль-Хути вызвала всплеск гражданской войны, в ходе которой вождь повстанцев был убит. Их возглавил сначала отец аль-Хути, а затем его брат Абдель Малик. Кровавопролитная гражданская война закончилась в феврале 2008 г. подписанием в столице Катара Дохе соглашения о прекращении огня. Однако после захвата повстанцами в августе 2009 г. армейской базы вблизи границы с Саудовской Аравией инцидент был расценен президентом Салехом как грубое нарушение мирных соглашений, и боевые действия возобновились. 11 августа 2009 г. правительственные войска при поддержке авиации и тяжелых вооружений приступили к операции «Выжженная земля», которая была направлена против мятежников-хутистов. В ходе боев обе стороны понесли тяжелые потери. По данным ООН, более 150 тыс. беженцев вынуждены были покинуть зону конфликта, а оставшие-

ся нуждаются в помощи, в первую очередь – продовольственной. Непокойно стало и на юге страны, где «комитеты сопротивления», поддержку которым, по некоторым данным, оказывает Катар, требуют предоставить независимость провинциям, входившим в состав Народно-Демократической Республики Йемен до 22 мая 1990 г., когда НДРЙ была объединена с Йеменской Арабской Республикой.

В конце декабря 2009 г. действующие на севере Йемена хутисты согласились с выдвинутыми Саной условиями прекращения огня. Йеменские власти, в свою очередь, потребовали от них выполнения выдвинутых ранее президентом Салехом условий. Они включают требования покинуть все районы Саады и снять блокпосты, препятствующие передвижению граждан. Кроме того, боевики должны предоставить исчерпывающую информацию о захваченных ими иностранцах. Но это соглашение было сорвано, и гражданская война в Йемене приняла затяжной характер.

Активизировалась здесь и новая сила – радикальные исламисты. Свое боевое крещение многие из них получили в Афганистане, где воевали в рядах «арабских афганцев», действовавших при поддержке ЦРУ и сформировавших по окончании «холодной войны» ядро «Аль-Каиды». В сентябре 1990 г. Саудовская Аравия и другие аравийские монархи, раздраженные позицией официальной Саны, проголосовавшей в СБ ООН против военного вмешательства Запада в арабские дела и направления в Кувейт американских войск, выслали тысячи йеменских мигрантов, трудившихся в государствах Персидского залива, чем усугубили социальную ситуацию в Йемене. Здесь в разы увеличились масштабы безработицы, что создало основу для распространения экстремизма и антиамериканских настроений. Местные радикальные религиозные группировки сфокусировали свое недовольство на американских военных, обосновавшихся в начале 1990-х годов после разгрома иракских войск в Кувейте (операция «Буря в пустыне») в Саудовской Аравии – священном для мусульман месте рождения Пророка. Но позиция бессменного президента Йеменской Республики Али Абдаллы Салеха после 11 сентября поменялась, и от конфронтации с Америкой правящий в Йемене режим взял курс на сотрудничество с Вашингтоном, предварительно добившись от него обещания, что Йемен не станет следующей после Афганистана и Ирака мишенью «войны с терроризмом».

Затем, однако, ситуация стала меняться. В 2007 г. было объявлено о создании «Аль-Каиды в Йемене», а в январе 2009 г. на

базе ряда экстремистских группировок образовалась организация «Аль-Каида Аравийского полуострова» (АКАП), хотя междоусобные распри в Йемене имеют к ней мало отношения. Тем не менее после произошедшего 24 декабря инцидента с неудавшимся терактом на летевшем из Амстердама в Детройт самолете, где нигериец, попытавшийся совершить теракт, был обвинен в связи с АКАП, на Западе была развязана информационная кампания по разоблачению «йеменской АК». Эту кампанию, как и ряд других шагов (заявление госсекретаря США Хиллари Клинтон об исходящей из Йемена региональной и даже глобальной угрозе, закрытие в начале января 2010 г. в Санае посольств США, Великобритании, Испании и Франции – под предлогом планирующегося местной АК теракта, проведение в Лондоне 27 января 2010 г. – параллельно с международной конференцией по Афганистану – конференции по Йемену), можно расценить как предупреждение официальным властям Йемена: США готовы в случае необходимости открыть в Йемене третий (после Ирака и Афганистана) фронт борьбы с «международным терроризмом» и защитить здесь свои стратегические интересы.

Между тем для президента Салеха боевики АКАП не представляют первостепенной угрозы, тем более что они утверждают: «Мы боремся не против йеменских властей, а против американского присутствия в стране, против современных крестоносцев». Поэтому Салех, учитывая весьма сильные антиамериканские настроения в Йемене, старается не заострять внимания на «борьбе с терроризмом». Но для сохранения хотя бы видимого единства страны президенту необходима помощь, и он не прочь наладить сотрудничество с Соединенными Штатами, а также Саудовской Аравией и Египтом, которые активно помогают Санае, в первую очередь оружием. При этом йеменские власти категорически отрицают участие в гражданской войне иностранных военных, утверждая, что Саудовской Аравии отведена роль лишь одного из союзников. Но факты говорят о другом. 5 ноября в ответ на вторжение на территорию Саудовской Аравии шиитских повстанцев самолеты ВВС Саудовской Аравии нанесли ракетно-бомбовые удары по позициям мятежников на севере Йемена. Кроме того, наземные подразделения саудовской армии неоднократно переходили границу Йемена и вели бои с мятежниками-хутистами. 17 декабря по американской наводке йеменские ВВС нанесли «превентивные» (как их официально назвали) удары по предполагаемым позициям боевиков АКАП в провинциях Эрхаб и Абьян.

При этом попутно было убито несколько десятков мирных жителей. 24 декабря в Южном Йемене против АКАП была проведена еще одна военная операция. А в конце месяца в результате «точечного» авиаудара, нанесенного саудовскими ВВС при поддержке США, погиб лидер повстанцев Абдель Малик аль-Хути.

В Санае утверждают, что йеменских мятежников поддерживают Иран, Сирия, ливанская Хезболла, Эритрея, а также и «Аль-Каида», для которой Йемен, в силу исторических обстоятельств, стал важной базой. На «иранском следе» в этой войне особенно настаивает нынешний йеменский лидер. Хотя он так и не представил убедительных доказательств этого, известен тот факт, что Иран и движение Хути поддерживают тесные связи. В свою очередь повстанцы, а вместе с ними и Иран, обвиняют во вмешательстве в конфликт Саудовскую Аравию. О поддержке йеменских зейдитов заговорили шииты Бахрейна и Ирака. Так, выступивший 16 августа в иракском парламенте председатель Комиссии по международным отношениям шейх Хамман Хаммади предложил открыть в Багдаде штаб-квартиру хутистов в ответ на поддержку Йеменом иракской ПАСВ, объединяющей по преимуществу суннитов.

Некоторые наблюдатели уже назвали конфликт в Йемене «арабо-персидской» войной, что не вполне соответствует действительности, ибо хутисты провозгласили идею создания независимого арабского халифата. А вот то, что имеющая оттенок религиозной вражды внутренняя междоусобица в Йемене разбудила спящее саудовско-иранское региональное соперничество, сомнения не вызывает.

Саудовская Аравия, как и все другие государства, входящие в Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), более всего опасается воздействия на противостояние в Йемене Ирана, роль которого в ближневосточной политике с 2003 г. в целом неуклонно возрастает. Угроза иранской экспансии на Аравийском полуострове стоит для стран – членов ССАГЗ на первом месте, и она отодвигает все существующие между ними разногласия. Есть у них также опасение, что ядерная программа Ирана нацелена не столько против США и Израиля, сколько против суннитских арабских государств. Стремление не допустить расширения за счет Йемена «Шиитского полумесяца» на Ближнем Востоке побуждает Саудовскую – Аравию напрямую оказывать поддержку правительственным войскам в Йемене.

На почве противостояния с Ираном происходит определенное сближение позиций Саудовской Аравии и Израиля. Оно касается вопросов, связанных с планируемыми поставками российских комплексов С-300 в Иран и с возможностью предоставления воздушного коридора израильской авиации для нанесения, если понадобится, превентивного удара по ядерным объектам Тегерана. Кроме того, сходство интересов Эр-Рияда с Тель-Авивом проявляется в отношении палестинской проблемы: здесь ХАМАСу, контролирующему сектор Газа и опирающемуся на Иран, противостоят отряды салафитов, получающих помощь от Саудовской Аравии.

Прямая поддержка Салеха со стороны США и в определенной мере ЕС обусловлена в немалой степени опасением резкого усиления Ирана в регионе, проводником политики которого считается движение Хути. США, по признанию американского сенатора Джозефа Либермана, являющегося председателем сенатского комитета по безопасности, «наращивают свое присутствие» в Йемене, и оно включает в себя «специальные операции и разведывательные действия». Так что борясь в Йемене с «международным терроризмом», США продолжают продвигать стратегию, смысл которой известный специалист по Ближнему Востоку П. Эскобар определяет как «полномасштабное доминирование и перезагрузку империи». Компонентом этой стратегии может стать создание в Йемене, где в прошлом значительным влиянием пользовался СССР, американских военно-воздушных и военноморских баз, которые позволили бы держать под постоянным контролем весь регион Ближнего Востока и Персидского залива, включая Иран. Все это говорит о том, что в Йемене имеются реальные предпосылки превращения внутренней междуусобицы в региональный конфликт с вовлечением в него соседних государств (Саудовской Аравии и Ирана), а также мировых держав (прежде всего США), которые способны, как это нередко бывало в прошлом, использовать нестабильность на Ближнем Востоке для осуществления собственных геополитических замыслов.

«Север–Юг–Россия», М., 2010 г., с. 108–112.

М. Мягкова,
(МГИМО(У) МИД РФ)
ЭМАНСИПАЦИЯ В ТУНИСЕ

Проблема гендерного неравенства является одной из наиболее острых проблем в арабском обществе. С учетом религиозных традиций и особенностей положение арабских женщин на протяжении многих веков было и, к сожалению, остается ущемленным. Представители международного сообщества не только постоянно обращают внимание властей арабских государств на неравноправное положение женщин, но и настаивают на его скорейшем изменении. Единственной арабской страной, которой удалось создать работающую законодательную базу и гарантировать женщинам равные с мужчинами права, является Республика Тунис (РТ). Идеи женской эмансипации в Тунисе возникли в колониальный период под влиянием более развитых европейских стран, в первую очередь Франции. Именно из Европы просочились многие прогрессивные воззрения. В конце 20-х годов XX в. в Тунисе появляются эмансипированные женщины из аристократических семейств, и именно они были первыми, кто решился снять покрывало.

С 20-х годов XX в. девочки-мусульманки получили возможность посещать французские начальные школы и колледжи. Дальнейшее расширение женского образования последовало после создания французской администрацией специальных школ для девушек-мусульманок, где преподавание велось не только на французском, но и на арабском языках. В столице эти нововведения не встречали особого сопротивления, в отличие от провинции, где они поначалу бойкотировались местным населением. К 1940 г. в подобных образовательных учреждениях насчитывалось 3700 учениц. Даже минимальный доступ женского населения к обучению способствовал постепенному расшатыванию укоренившихся в умах простых обывателей традиционных мнений о том, что образование женщине не нужно. В 30-е годы XX в. в арабских странах появляются первые феминистские организации, публикуются книги по гендерной тематике. Например, книга Т. Хаддада «Наша женщина в шариате и обществе», 1-е издание которой вышло в 1930г., всколыхнула весь арабский мир. Хаддад требовал кардинального изменения традиционных форм семейно-брачных отношений, считая, что полигамия, талак (мусульманский развод. — *Ред.*) и принудительное супружество никогда не вытекали из суц-

ности ислама, а второстепенное положение женщины автор объяснял неверным толкованием религиозных норм.

В Тунисе возникли сразу три женские организации, одной из которых был «Союз мусульманских женщин Туниса» под руководством Беширы Бен Мрад. Союз занимался благотворительной деятельностью, проводил разъяснительную работу среди женщин, напоминая им о великих арабских женщинах прошлого (Сайда аль-Манубиа, Азиза Отмана и др.). В число первых трех феминистских организаций Туниса вошли также «Секция женской ассоциации арабской молодежи» под руководством С. Хаттеш и «Клуб тунисских девушек» под руководством Т. Фархад. Они имели общие цели и задачи, сводившиеся к возрождению арабо-исламской самобытности и поощрению женщин к участию во всех сферах жизни страны. В 1944 г. создается «Союз женщин Туниса». Основными задачами Союза были изменение образа жизни и улучшение качества жизни тунисских женщин. У истоков его создания стояли француженки, которые выступали за объединение с местными тунисскими женщинами на основе равноправия, без различия расы, вероисповедания или убеждений для отстаивания своих прав.

После обретения независимости в 1956 г. в стране был проведен пересмотр законодательства в отношении политических прав женского населения. Юридической базой для развития эмансипации стал новый Кодекс законов о семье и браке, закрепленный декретом от 13 августа 1956 г. Кодекс заменил семейно-брачные нормы шариата и стал первой в истории страны кодификацией семейного права. 13 августа, наряду с 8 марта, ежегодно отмечается в стране как женский праздник. Согласно новому положению тунисская женщина получила равные с мужчиной права и обязанности перед семьей, обществом и государством. Закон о выборах в муниципальные советы, вступивший в силу в июне 1956 г., позволил женщинам участвовать в муниципальных выборах. Однако первые же выборы продемонстрировали неподготовленность тунисского общества к подобным переменам. Так, на выборах 1957 г. из всех зарегистрированных кандидатов (840 человек) было только 15 женщин.

Принятая в 1959 г. Конституция закрепила равные права и обязанности для всех жителей страны, в том числе было закреплено право и мужчин, и женщин выбирать и быть избранными. Однако, несмотря на данные изменения, прошедшие в том же году выборы в Национальное собрание вновь продемонстрировали низкую избирательную активность женского населения и высокий

уровень влияния консервативных настроений в обществе. Нововведения туниССского руководства сильно всколыхнули общество, однако на стороне президента Х. Бургрибы выступил главный муфтий, что позволило властям заручиться беспрецедентной поддержкой. В конце 1960-х – начале 1970-х годов правительство ТуниССа ради укрепления своих идейно-политических позиций стало уделять гораздо больше внимания вопросам ислама. Это, в частности, было вызвано недовольством в обществе слишком «видимой» эмансипацией туниССских женщин (ношение мини-юбок и т.п.), что приводило к постоянной критике президента. Бургриба, в свою очередь, обвинял молодежь, которая, по его мнению, перенимала у Запада далеко не лучшие черты и неправильно понимала эмансипацию. В 1970-е годы в женской среде начинает четко вырисовываться консервативное крыло. Так, в ТуниССе стали появляться девушки в длинных юбках с короткими покрывалами, закрывающими лицо и плечи. Это были последовательницы Х. Шалти, преподавательницы философии и религиозной мысли в лицее для девушек, которая выступала за возвращение к основам ислама. После того как в октябре 1975 г. она обрушилась с критикой на президента, ее поддержали многие туниССы, которые стали открыто высказываться против Кодекса.

Все вышеперечисленные факторы привели к тому, что официальная пропаганда, направленная на равноправие женщин, стала носить более осторожный характер, а жесткая кампания против консервативных мусульманских обычаев была фактически прекращена. В результате «жасминовой революции» 1987 г. к власти в стране пришел Зин аль-Абидин Бен Али, чья официальная программа сводилась к поощрению плюрализма, политической и экономической либерализации, защите прав человека и т.д. Однако в связи с возрастанием популярности исламских настроений руководство усиленно стало подчеркивать исламский характер страны и активизировать деятельность мусульманского духовенства. Данные обстоятельства вызвали обеспокоенность у европеизированной части общества, которая опасалась пересмотра семейно-брачного законодательства. В ТуниССе началась кампания в защиту Кодекса. Бен Али не стал менять Кодекс и подтвердил его неприкосновенность. Кроме того, впоследствии властями был предпринят ряд шагов, направленный на утверждение принципов равноправия и партнерства между полами. Так, в 1992 г. был внесен ряд поправок в Кодекс о личном статусе, в Закон о гражданстве, в Уголовный кодекс и т.д.

Постепенно активность женщин в политической сфере начинает усиливаться. В 1994 г. уже 7% от общего числа депутатов, избранных в парламент, составляли женщины, что гораздо выше среднего показателя по региону. Ныне пять женщин входят в состав правительства, на местах участие женщин в работе представительных органов приближается к среднемировому уровню, т.е. к 14%, а доля женщин, занимающих ответственные посты на государственной службе, составляет 35%. Например, по итогам парламентских выборов 2009 г. женщины получили 27,5% мест по сравнению с прошлым составом (22,8%). В Министерстве окружающей среды и регионального развития Туниса женщины занимают 19% руководящих должностей и составляют 36% его персонала. Кроме того, принято решение, что женщины в обязательном порядке должны входить в региональные губернаторские советы. В мае 2004 г. впервые указом президента губернатором одной из провинций была назначена Сальва Моханси. В последнее время туниски представлены в высших эшелонах власти. На настоящий момент это второй заместитель председателя парламента (Хабиба Мосааби), министр по делам женщин, семьи, детства и престарелых людей (Бибия Бухнак Шихи), пять госсекретарей, в частности госсекретарь министра иностранных дел по вопросам отношений с США и с азиатскими странами (Сайда Шти-уи), госсекретарь министра здравоохранения по вопросам общественных больниц, главы ряда дипломатических миссий.

По оценке главы тунисского государства, «женщины образованны, компетентны, трудолюбивы, обладают креативным мышлением, а главное, являются одним из факторов умеренности и толерантности в обществе». Следует, однако, признать и факт «заигрывания» с электоратом, половину которого, естественно, составляют женщины. С другой стороны, это явление имеет и положительную сторону: женщину рассматривают как социальную силу, от которой зависит голосование в пользу того или иного кандидата, что способствует повышению женского самосознания и самооценки. Следующими факторами влияния на женскую среду являются создание и поддержка различных женских организаций. Так, Министерство по делам женщин и семьи тесно взаимодействует с неправительственными организациями. Министерство опирается на три органа: Национальный совет по делам женщин и семьи, в котором заседают представители правительственных и неправительственных организаций и который действует в качестве форума для демократического диалога по всем вопросам, касаю-

щимся поощрения прав женщин; Центр научных исследований, документации и информации о женщинах, который специализируется на анализе гендерной проблематики; Национальная комиссия по вопросам женщин и развития, которая определяет широкие направления национальной стратегии в отношении прав женщин в рамках национальных планов развития.

Самой крупной женской неправительственной организацией является Национальный союз тунисских женщин (НСТЖ), созданный в 1957 г. на базе ряда женских организаций, существовавших в период колониализма (Союз женщин Туниса, Исламский союз женщин Туниса). В основные задачи NSTJ входят: поддержка и укрепление политики государства в области улучшения положения женщин; просветительско-воспитательная работа среди женщин по разъяснению их прав и обязанностей перед государством; обеспечение не только формально-юридического, но и фактического равноправия женщин; расширение участия женщин в процессе демократизации тунисского общества; социальная защита женщин.

НСТЖ до настоящего времени остается основной женской организацией в Тунисе и продолжает содействовать развитию женского движения в стране. В рамках Союза работают восемь профессиональных объединений: женщин-юристов, медработников преподавателей, госслужащих и др. Власти Туниса сразу после получения страной независимости придавали исключительно важное значение решению вопроса юридического равенства полов как необходимого условия качественного социального, политического и экономического развития. Однако, несмотря на принятые масштабные меры и, можно сказать, революционные, по сравнению с другими арабскими странами, шаги в области законодательства, уровень женского участия в политической жизни продолжает оставаться невысоким, а доступ женщин к процессу принятия политических решений – ограниченным. С большой долей уверенности можно говорить о том, что значительная часть женского общества оказалась не готова к политическим реформам.

С другой стороны, большого уважения заслуживает тот факт, что Тунис, являясь традиционной мусульманской страной, смог добиться достаточно весомых результатов в области построения общества равных возможностей. Тунисский опыт может быть использован другими арабскими государствами,

«Азия и Африка сегодня», М. 2010 г., № 7, с. 51–53.

А. Садыхова,
исламовед

ЕВРОИСЛАМ: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сравнительно недавно в СМИ и работах западных ученых появился термин «евроислам», под которым понимается новая религия-идеология мусульман, проживающих в странах Западной Европы. Евроислам, или европейский ислам, – предполагаемая разновидность ислама, которая, как считают некоторые исследователи, уже существует или должна сформироваться в Европе. Этот новый вид ислама должен сочетать мусульманские обязанности и принципы с западными элементами, такими как права человека, власть закона, демократия и гендерное равенство.

Авторами двух концепций евроислама являются Тарик Рамадан (род. 1962 г., Женева) и Бассам Тиби (род. 1944 г., Дамаск) – известные ученые, публицисты и общественные деятели. Оба активно выступают в защиту европейских мусульман и продвигают свои идеи на Западе, поэтому стали объектами пристального внимания со стороны ученых, политиков и журналистов. Бассам Тиби как-то сказал, что в настоящее время при сложившихся обстоятельствах могут быть только два варианта развития событий: «Либо ислам европеизируется, либо Европа исламизируется». О возможных перспективах исламизации Европы говорилось на международном научном форуме «Культура и мир» 7.10.2008, теперь следует обратиться к европейскому исламу или евроисламу.

Оба автора этих концепций твердо убеждены в том, что только евроислам поможет мусульманам безболезненно интегрироваться в европейское сообщество. Принимая во внимание крайне напряженную ситуацию, сложившуюся сегодня в Европе вследствие целой цепи острых конфликтов, необходимо понять, что же представляет собой евроислам как религиозно-идеологическая система согласно представлениям Тарика Рамадана и Бассама Тиби и каковы перспективы его развития, если он действительно существует.

Первым, кто ввел в употребление словосочетание «европейский ислам» в середине 90-х годов XX в., был Тарик Сайд Рамадан, гражданин Швейцарии египетского происхождения. Его биография крайне интересна и важна для исследователей, поскольку демонстрирует, в каких условиях формировались характер, личность ученого и его мировоззрение. Особый интерес для исследователя представляют его знаменитые родственники – отец и дед.

Дед Тарика Рамадана по материнской линии, египетский шейх Хасан ал-Банна (1906–1949), в 1928 г. создал первую, самую крупную и влиятельную панисламскую религиозно-политическую организацию «Братья-мусульмане», которая через девять лет приобрела международно-массовый характер с военизированными батальонами и тайными террористическими группами. Эта организация отражала взгляды консервативно настроенной мелкой буржуазии, а именно: объединение всех мусульман в рамках исламского государства – халифата под девизом «Коран – наша конституция», «призывая восстановить исламское правление»; сопротивление Западу и влиянию западной культуры. Особое внимание среди членов ассоциации уделялось спортивной, психологической и военной подготовке с целью «создания исламской армии для ведения священной войны». Задача психологической подготовки членов ассоциации заключалась в том, чтобы воспитать у них готовность к самопожертвованию ради достижения целей, указанных руководством организации. В результате такого высокого уровня подготовки и организованности террористическая деятельность «Братьев» к 1948 г. достигла небывалого размаха: они убивали высокопоставленных англичан и египтян, с ними сотрудничавших, а «король и члены кабинета почти не появлялись в общественных местах, боясь покушений». После безуспешной попытки захватить власть в Египте в декабре 1948 г. эта организация была запрещена, а ее основатель вскоре был убит агентом египетских спецслужб. За образом Хасана ал-Банна навсегда закрепился ореол мученика, имама, погибшего геройской смертью (ал-имам аш-шахид). Он утверждал, что «Ислам – это вера, служение [богу], Родина, национальность, религия, государство, духовность, Коран и меч».

Зять Хасана ал-Банна и отец Тарика Рамадана, Сайд Рамадан (1926–1995), был активным участником этой организации: окончив в 1946 г. Каирский университет, он вступил в ряды ассоциации и вскоре стал личным секретарем ал-Банна, с которым был знаком с 14 лет. После Второй мировой войны С. Рамадан занимался формированием филиала «Братьев-мусульман» в Палестине и готовил вооруженные отряды местных арабов для борьбы с еврейским населением. После убийства тестя в 1949-м, Сайд Рамадан вернулся в Египет и возглавил там организацию «Братья-мусульмане». Затем при поддержке наследного саудовского принца Файсала Сайд Рамадан отправился в Европу, чтобы создать там центры исламского движения. В 1958 г. ему удалось основать филиал организации «Братья-мусульмане» сначала в Женеве, где он

обосновался с семьей, а в 1964 г. открыть исламские центры в Лондоне и Мюнхене и, в конце концов, возглавить движение «Братья-мусульмане» за рубежом. При этом он успел защитить диссертацию в Кельнском университете по мусульманскому праву.

Так как в Египте Сайда Рамадана заочно приговорили к пожизненному заключению за измену Родине, он не стал возвращаться домой и решил навсегда остаться в Швейцарии. Там, в Женеве, и родился Тарик Рамадан. Он окончил школу в Швейцарии, изучал философию (особенно интересовался творчеством Ницше), литературу и социологию в Женевском университете, где со временем защитил две докторские диссертации. Одна была посвящена деятельности его деда Хасана ал-Банна, другая – европейской философии. В 1991 г. Т. Рамадан отправился изучать исламские науки в каирский университет «Аль-Азхар». Вернувшись из Египта, Т. Рамадан читал курс «Введение в исламоведение» во Фрибургском университете (Швейцария), затем в качестве эксперта входил в состав нескольких комиссий при Европарламенте, был также членом группы «Диалог народов и культур» при Европейской комиссии. В 2004 г. американский католический университет Нотр Дам (штат Индиана) пригласил Т. Рамадана читать лекции по истории религии и исламу, однако в свете трагических событий 11 сентября 2001 г. Госдепартамент США отказал Т. Рамадану во въездной визе, мотивируя свой отказ тем обстоятельством, что ученый сделал пожертвование в размере 900 долл. в фонд одной палестинской организации, которую поддерживает ХАМАС. С октября 2006 г. Т. Рамадан в качестве приглашенного профессора преподает в колледже Св. Антония при Оксфордском университете.

В биографии Тарика Рамадана обращают на себя внимание два весьма примечательных обстоятельства.

Первое: его дед и отец были фигурами одиозными, самыми активными членами первой, наиболее развитой исламистской и по сути своей террористической организации. Неудивительно поэтому, что к личности Тарика Рамадана относятся в некоторых странах с недоверием: как утверждает сам ученый в своих многочисленных интервью, ему запрещен въезд в США, Египет, Саудовскую Аравию и Тунис. Постулаты европейского ислама, предлагаемые Т. Рамаданом, несомненно, опираются на идеологию «Братьев-мусульман» хотя бы частично. А если вспомнить о том, что именно его известный дед был не только основателем, но и главным идеологом ассоциации «Братья-мусульмане», одаренным

публицистом, сформировавшим свою концепцию ислама и первую современную модель исламского государства, то эта связь, а точнее, преемственность, не вызывает никаких сомнений. Сам Тарик Рамадан всякий раз подчеркивает, что у него нет ничего общего с ассоциацией «Братья-мусульмане», хотя его связи с некоторыми представителями экстремистских организаций отмечают многие исследователи. Правда, в интервью, данном 21.08.07 журналу «Крисчен Сенчури», на вопрос журналиста о том, какое влияние оказал знаменитый дед на его жизнь и творчество, Тарик Рамадан ответил следующее: «Дома я всегда слышал разговоры о нем от родителей. Он был отцом моей матери и духовным наставником моего отца. Они встретились, когда отцу было 14 лет, и учитель произвел сильное впечатление на отца твердостью своей веры, преданностью исламу и набожностью. Так что мое отношение к Хасану ал-Банне с самого начала было положительным. Когда я впервые приехал в Египет (мне было 17), я встречал людей, которые знали деда, и мое положительное отношение к нему усилилось, потому что он сделал некоторые вещи, которые были важны тогда для страны. Он сопротивлялся колонизации, основал 2 тыс. школ, 1,5 тыс. благотворительных организаций и более 80 предприятий малого бизнеса. Когда я вернулся в Европу, я услышал другие мнения, придававшие моему деду образ демона. Говорили, что он фундаменталист и все, что он делал, было неверно. Особенно часто это говорили во время революции в Иране в 1979 г., я тогда был подростком. Работая над его посланиями к съезду, которые он написал в 1930–1940-е годы, я начал ощущать не только собственную связь с ним, но и понимать суть его учения. Я читал его воспоминания и статьи, а когда писал диссертацию о мусульманских мыслителях-реформаторах, 200 страниц ее было посвящено моему деду и его деятельности. Мое отношение к Хасану ал-Банне такое же, как и к любой личности в истории: нужно выделить то хорошее, что можно использовать, а плохое следует подвергнуть критике».

Второе: Тарик Рамадан родился и постоянно проживает в Западной Европе, соответственно, его мировоззрение формировалось в условиях европейского окружения, хотя дома и поддерживалась мусульманская культура: трудно сказать, какая из них оказала большее влияние на становление личности ученого. Очевидно, концепция европейского ислама Тарика Рамадана явилась результатом такого смешения культурных ценностей и традиций. Кроме многочисленных статей и интервью Тарик Рамадан

написал несколько книг: «Радикальные реформы: Исламская этика и освобождение» (2009), «По стопам Пророка: Уроки из жизни Мухаммада» (2007), «Западные мусульмане и будущее Ислама» (2004), «Ислам, Запад и вызов современности» (2000), «Быть европейским мусульманином» (1998) и др. Все его работы посвящены исламской теологии и положению мусульман в Европе.

Вкратце основные постулаты, выдвигаемые Тариком Рамаданом, сводятся к следующим утверждениям. Ученый твердо верит в необходимость новой интерпретации Корана для того, чтобы правильно понимать мусульманскую философию. Он подчеркивает различия между религией и культурой, которые, по мнению Рамадана, слишком часто путают; утверждает, что гражданство, национальность и религия разные понятия, которые не следует смешивать. Он считает, что можно быть мусульманином и европейцем: мусульманин живет по законам европейского государства, за исключением некоторых обстоятельств. Т. Рамадан полагает, что мусульмане Европы должны создать «европейский ислам», поскольку существуют «азиатский ислам» и «африканский ислам», и эти разновидности имеют некоторые культурные отличия. Это утверждение опровергают ортодоксальные мусульмане, которые убеждены в том, что существует только один, истинный ислам. Т. Рамадан уверен, что мусульмане, проживающие в Европе, должны пересмотреть основополагающие мусульманские религиозные источники, прежде всего Коран, и интерпретировать их по-новому, в свете их собственного культурного наследия, подвергнувшегося влиянию европейского общества.

Идеи Тарика Рамадана по-разному воспринимают как европейские, так и восточные мусульмане, западные и мусульманские ученые. Одни считают его приверженцем исламского фундаментализма, другие – либералом, проповедующим европейские культурные ценности. Британский политолог Дэвид Прайс-Джоунс считает, что идеология Тарика Рамадана есть не что иное, как «империализм наоборот». Мусульмане, проживающие в немусульманских странах, должны иметь право жить по своим правилам и традициям, и это при том, что в условиях западной либеральной толерантности общество в целом должно чувствовать обязанность уважать этот выбор.

После Тарика Рамадана собственно термин «евроислам» стал употреблять немецкий ученый сирийского происхождения Бассам Тиби. Биография этого ученого не столь яркая и примечательная. Он родился в 1944 г. в Дамаске, а в 1962 г. приехал в Гер-

манию изучать социологию, философию и историю в университете во Франкфурте-на-Майне, который закончил в 1971 г. В 1976 г. ученый получил немецкое гражданство. Докторскую диссертацию в области политических наук Б. Тиби защитил в 1981 г. в университете в Гамбурге. В настоящее время он является профессором факультета международных отношений Геттингенского университета. Помимо преподавания, Б. Тиби ведет активную общественную деятельность. Он является одним из основателей «Арабской организации по правам человека», а также общественной организации «Кордова-триалог», исследующей проблемы еврейско-исламско-христианских культурных связей. Будучи истинным мусульманином, он упорно критикует исламизм и является сторонником реформирования ислама в Европе (в этом, собственно, и заключается сущность евроислама, по мнению Тиби). Главную цель своей деятельности ученый видит в том, чтобы европейцы не отождествляли мусульман (и прежде всего тех, кто живет в Европе) с террористами.

Подход Б. Тиби принципиально отличается от концепции Т. Рамадана. Если, по Т. Рамадану, европейский ислам – идеология, то у Б. Тиби евроислам – определенная система правоотношений. Будучи юристом, специалистом в области международного права, Б. Тиби подошел к проблеме интеграции мусульман в европейское сообщество с позиций правоведения. Необходимо выявить общечеловеческие ценности в европейской и мусульманской культурах и согласовать их с источниками мусульманского права, считает профессор Б. Тиби. Поэтому он призывает перенять базовые ценности либерально-демократического политического и общественного устройства европейских стран безо всяких условий, поскольку традиции и нормы обычного ислама безнадежно устарели. Разумеется, такой подход большинство европейских мусульман воспринимают как призыв к ассимиляции и не одобряют его из страха утратить свою идентичность, поскольку евроислам предполагает отказ от «базовых основ вероисповедания» и по сути «выйти из мировой мусульманской общины (уммы)».

Директор Института стран Ближнего и Среднего Востока в Гамбурге Удо Штайнбах считает, сам по себе факт обсуждения евроислама является доказательством кризиса этноконфессиональных отношений в Западной Европе. С ним нельзя не согласиться, потому что как «европейский ислам» Тарика Рамадана, так и «евроислам» Бассама Тиби являются искусственными концепциями. Затем немецкий ученый обращает внимание на существен-

ную особенность ислама и то, как это отражается на ситуации, сложившейся вокруг евроислама: «Серьезную проблему представляет отсутствие в исламе церковных структур и организованного духовенства, которое может авторитетно ответить на вопросы теологического и религиозно-правового обновления. Кто из высказывающихся имеет авторитет? Мы не видим личностей, у которых есть соответствующая карьерная и образовательная подготовка, а также выдающиеся знания или харизма». Из этого тезиса известного немецкого востоковеда следует, что ни Т. Рамадан, ни Б. Тиби не являются авторитетными учеными, способными квалифицированно ответить на целый ряд сложных вопросов.

Из установок Тарика Рамадана и Бассама Тиби можно сделать следующий вывод: оба предлагают реформировать ислам на территории Западной Европы, как в свое время сделали Джамал ад-Дин ал-Афгани (1838–1897) и Мухаммад Абдо (1849–1905) на Ближнем Востоке. Но последние двое мыслителей были служителями культа, вели безупречный образ жизни с точки зрения правоверного мусульманина, поэтому их учение нашло поддержку в сердцах верующих мусульман. Мухаммад Абдо был не только выдающимся богословом, но и крупным общественным деятелем Египта: он занимал ряд постов в государственном аппарате и системе образования, возглавлял богословский университет «Аль-Азхар», а с 1899 г. был главным муфтием Египта. У Тарика Рамадана и Бассама Тиби нет подобного образования, статуса и опыта, соответственно, все их попытки распространить свое учение среди европейских мусульман обречены на неудачу. В Тарике Рамадане европейские ученые видят попросту фундаменталиста, предлагающего в очередной раз пересмотреть источники и принципы ислама, с тем чтобы очистить их и приспособить к требованиям времени.

Представляется, что формирование евроислама – длительный исторический процесс, который религия должна пройти естественным образом, сама по себе. Евроислам нельзя представить мусульманам в виде определенного перечня установок и требований. Действительно, история становления, распространения и развития ислама показала, что региональная форма существования этой религии является единственно возможной в силу ряда особенностей, на которые указывают многие ученые-исламоведы.

Лучше всего эту мысль выразил петербургский ученый С.М. Прозоров: «Сращивание “нормативного” ислама с местным духовным субстратом разных культур привело к сложению регио-

нальных форм его бытования, опиравшихся, однако, на общеисламские принципы. Иначе говоря, наряду с общеисламскими принципами, объединяющими весь мусульманский мир, существуют различные региональные формы бытования ислама, поэтому отношение тех или иных представлений, норм, обычаев к «исламским» или «неисламским» переходит в плоскость лишь ретроспективного анализа, а основным критерием принадлежности к духовному миру ислама является самосознание человека, общности людей или народа, считающих себя мусульманами». Таким образом, можно предположить, что когда-нибудь евроислам сможет оформиться как региональная разновидность ислама, но это произойдет только в результате длительного исторического развития, а не навязывания европейским мусульманам неких религиозно-идеологических установок, что пытаются сделать Тарик Рамадан и Бассам Тиби. Поскольку формирование мнения по отдельным вопросам всегда принадлежало авторитетным служителям культа – богословам-правоведам, то идеи Тарика Рамадана и Бассам Тиби вряд ли найдут поддержку у западноевропейских мусульман.

«Современные проблемы международных коммуникаций», СПб., 2010 г., вып. 4, с. 19–26.

А. Дегтярев,

доктор философских наук (г. Новочеркасск),

В. Черноус,

кандидат политических наук (г. Ростов-на-Дону)

ИСЛАМИЗМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Независимо от того, какие проблемы рассматривает современная социальная мысль, нельзя обойтись без обращения к исламскому фактору. Ислам представляет не только религиозный и культурный феномен, влияние идей ислама на общественно-политическую жизнь, идеологию и массовое сознание людей в современном мире неоспоримо. В полной мере сказанное относится к Северному Кавказу (СК) и Югу России (ЮР). В современном научном дискурсе доминирует либо философско-культурологический, либо политологический подход и практически отсутствует социологическое измерение данной проблемы, без чего невозможно объяснить парадокс позитивного социокультурного образа ислама и негативного имиджа его политической эманации.

Английский исследователь О. Рой посвятил данному аспекту исследование, в котором обосновал новое видение проблемы. О. Рой подчеркивает, что в анализе ислама бесполезно искать причины «идейной экспансии» в особенностях религиозного вероучения или в исламской культуре. Исламистские движения, разнородные по социальному составу, по программным установкам, политическому и интеллектуальному потенциалу, консолидированы в поиске исламского пути модернизации, способной обеспечить экономический рост и социальное благосостояние, устранить несправедливость и покончить с дискриминацией в международных отношениях. Заблуждением европейской мысли можно считать частое смешение исламизма и фундаментализма, идейно-политических течений, выступающих против вестернизации и неокOLONIALИЗМА, но расходящихся в использовании исламского наследия. Фундаментализм – консервативное учение, идеология традиционного общества. Исламизм представляет собой конгломерат течений, для которых ислам актуален как социальный и политический проект, направленный на достижение лидерства исламской цивилизации и в морально-этическом, духовном измерении, и в решении региональных и глобальных проблем. Исламизм «вращен» в среде мусульманских интеллектуалов, в стремлениях понять и провести в жизнь политические и социальные импликации Корана.

Западные востоковеды упрощают оценку тенденций исламского мира, гипертрофируют значение конкретного исламистского течения, игнорируя сложную социально-политическую мозаику. Современное востоковедение, как влиятельная доктрина и академическая традиция, не избавилось от наследия европоцентризма, продолжая делать упор на деспотизм, иррациональность, фанатизм исламского образа мышления и жизни. Словно предвидя упреки в воспроизводстве стереотипов востоковедения О. Рой предлагает взглянуть на исламизм в социологическом дискурсе, выявить зависимости процессов модернизации и исламизации. Модернизация в классической европейской теории описывается в контексте вестернизации, создания политических и правовых институтов, рыночных механизмов и мобильных социальных групп. Исламизация общества воспринимается как отклонение от схемы модернизации, как следствие коррумпированности и слабости государства или сопротивления традиционалистских слоев населения. Частично совместимым с модернизацией признается лишь реформаторский, светский ислам (по типу Турции последних десятилетий). Такая

же позиция доминирует среди российских исследователей, которые высказываются в пользу модернизации ислама в России по данной модели.

Позиция О. Роя интересна тем, что исламизация не является консервативной реакцией на происходящие социальные изменения, а осознается альтернативой предлагаемому варианту модернизации. Исламистские течения оппонировать муфтиату, считая, что последователь ислама имеет право на истолкование Корана, а осмысление идей устройства и преобразования мира доступно интеллектуалу, для которого ислам есть политическая система и ведущая идеология современного мира. О. Рой приходит к выводу, что исламизм потерпел историческое поражение в середине 90-х годов XX в., выродившись в неофундаментализм, ставящий целью восстановить главенство исламского закона, шариата, ограничиться переменами политической жизни, не выполнив обещания развития исламской экономики и установления справедливого общества. Критическая оценка исследователем перспектив исламизма, на наш взгляд, во многом субъективна и предопределена политическими и идеологическими симпатиями. О. Рой безусловно интересен в социологическом анализе и тривиален в осмыслении политической роли исламизма.

Какие бы выводы ни делались, преждевременно списывать исламизм в архив политической истории или предрекать маргинализацию, сползание на обочину современной политической жизни. Исламский мир действительно находится в состоянии социальной и политической неопределенности. Варианты социального развития по социалистической и националистической моделям показали неэффективность в последней половине XX в., а в условиях глобализации не в состоянии предложить оптимальный выход из узла накопившихся социальных и политических проблем. Однако еще большее отторжение вызывает неолиберальный путь, с которым в исламском сообществе ассоциируются духовно-нравственная и социальная деградация, массовая нищета и политическая зависимость от государств Запада. О. Рой вынужден признать, что исламизм не исчезнет в обозримом будущем с политической сцены. Напротив, влияние исламистов ощущается от Алжира до Пакистана, и «умеренные» правительства вынуждены вести упорную, но во многом безрезультатную борьбу с нарастанием исламистских настроений в обществе. Не отрицая нарастание популярности идей исламизма, О. Рой сводит анализируемую проблему к неэф-

фективности государственного аппарата и эгоизму правящей верхушки.

Либеральная (западная) идеология обращается к ценностям прав и свобод личности, конкуренции и ответственности, что не желают замечать исламисты в стремлении «интегрировать» общество и государство, включить индивида в умму, использовать технологический прогресс для закрепления тотального политического контроля. Аналогичные тенденции с разной степенью интенсивности проявляются в республиках на Северном Кавказе. В социологических построениях исламизм лишен приписываемой ему одномерности: в ориентации на исламскую политическую систему сходятся представители различных социальных групп и слоев.

Еще в 60-е годы минувшего столетия исламский мир вступил в процесс дерурализации, исхода сельского населения, который не аналогичен урбанизации и характеризуется маргинализацией новых групп городского населения и нарастанием авторитарных, патриархальных настроений городской среды. Стамбул, Каир, Тегеран испытывают трудности, связанные с размещением, обустройством миллионов бывших сельских жителей, становясь зонами исламизации. Как отмечает О. Рой, в пику демографическому росту, резкому омоложению состава населения и социальной неустроенности бывших сельских жителей государство не смогло предоставить элементарных социальных услуг. В городах, традиционно выполнявших административные и торговые функции, сосредоточилась масса людей, постепенно отвыкающих от крестьянского труда, но в то же время не имеющих способностей и возможностей к новым высококвалифицированным видам деятельности. Показательна проблема живущих в гигантском гетто без земли, развитой городской инфраструктуры и технологических производств. Сходные процессы динамично развивались в 90-е годы XX в. в Грозном, создавая социальную базу сепаратистов.

Ориентированная на западные образцы система образования в исламских странах элитарна, доступна для выходцев из обеспеченных городских слоев. Демократизация образовательной системы привела к появлению значительной прослойки безработных с высшим образованием, не имеющих шансов профессиональной карьеры в условиях узости рынка труда, сословных и клановых барьеров, засилья бюрократии. Из этой среды, по мнению О. Роя, рекрутируются сторонники исламистских организаций. Действи-

тельно, уровень исламизации населения выше в странах со значительной долей студенческой молодежи (Египет, Иран, Пакистан, а также на СК) по сравнению с традиционными сообществами (Йемен, Марокко). Ядро исламистских движений состоит из молодых интеллектуалов, которые получили «западное» образование, но разделяют неприятие и отрицание либеральных ценностей. По нашему мнению, уже на уровне обучения молодые люди находятся в состоянии депривации, когда «навязываемые» ценности потребления, карьеры, успеха входят в конфликт с заниженными жизненными шансами. Социальное аутсайдерство ориентирует на альтернативную траекторию, вхождение в сетевые исламистские структуры. Обесценивание значимости легальной карьеры, полученной путем образования, риск профессиональной деградации, вынужденность приработков в сфере услуг способствуют чувству неудовлетворенности, дистанцированности от чуждого светского государства и идеологии потребления.

Исламская доктрина, идея справедливости и гармонии человеческих отношений воспринимается способом достижения достойной жизни. Может выглядеть парадоксом, но в университетских кампусах сторонников исламистов чаще можно встретить среди будущих инженеров, чем гуманитариев, которые, казалось бы, по профессиональному назначению и перспективам должны испытывать влечение к религиозно-философским концепциям. Исламистские предпочтения не случайны: большинство студентов инженерного профиля происходят из семей, ставших горожанами недавно, сформировались под влиянием исламской семейной традиции. Гуманитарии ориентированы на административную и педагогическую карьеру, обладают значительным социальным и культурным капиталом, представляют семьи военнослужащих, богатых предпринимателей и чиновников. Действует и идеологический фактор: технократизм инженерного мышления нацеливает на принятие доктрины политического ислама, не дискредитированного отвержением традиционных ценностей, как социализм советского образца или национализм, абсорбированный бюрократией арабских государств в 70-е годы. В исламе молодежь воспринимает образ жизни, ориентированный на ее лидерство.

Являясь «интеллигентскими» по генезису структурами, исламистские течения стремятся к революционизации масс: вестернизация приводит к исчезновению пространства традиционного ислама с профессиональными гильдиями, публичными обсуждениями в кофейнях, соседством. Современные города страдают пе-

ренаселенностью, резким социальным разграничением (жители богатых пригородов и бедняки «старого» города). Исламисты воссоздают структуры доверия (курсы, собрания), на которых люди, лишенные «корней» и дезориентированные в непривычной среде, проникаются чувством солидарности через негативную мобилизацию (ненависть к символам западной цивилизации, роскоши и разврата). Подобно русским народовольцам, которые оценивали крестьянские бунты как предтечу революционной войны, исламисты поощряют и активно участвуют в акциях массового неповиновения (выступление против повышения цен в Египте, погромы ночных клубов и магазинов предметов роскоши в Марокко в 70–90-е годы).

Освобождаясь от патроната государственной бюрократии или влиятельных кланов, городские «маргиналы» становятся приверженцами идеи исламского государства. Исламская революция в Иране в конце 70-х годов была вызвана делегитимизацией шахской династии и авторитетом имамата в настроениях городских слоев: режим пал, когда на улицы Тегерана, Исфахана, Тебриза вышли миллионы людей; армия и полиция, состоявшие в основном из бывших сельских жителей сохраняли нейтралитет. В отличие от режима, который опирался на мифологию тысячелетней династии и репрессивный аппарат, исламские структуры использовали социальное прочтение ислама и язык морали и солидарности. В центре внимания встал «маленький» человек, торговец, ремесленник. В обществе, где отсутствует организованное оппозиционное власти движение, где идеи классовой борьбы воспринимаются как чуждые (в чем мы убедились на опыте Афганистана), преимущество получает идеология «народной» религии, культа мучеников и святых. Исламисты чаще выступают оппонентами официальному исламу (улемам), ведя проповедь в мечетях городских трущоб: раздел проходит между низшим духовенством, авторитетным в традиционных общностях, и «самопровозглашенными» муллами, активными в пригородах, университетских кампусах.

Исламисты латентно антиклерикальны, они отрицают за государством право контроля над духовенством, так же как и принадлежность духовенства к государственному аппарату. Пуританство исламов обусловлено модернизмом: традиционное общество допускает музыку, поэзию, юмор, исламизм обращается к чистой религиозной добродетели, в которой не остается места для досуга, удовольствия. Возможно, О. Рой несколько преувели-

чивает влияние потребительства, когда говорит о массовом стремлении иранцев или алжирцев наперекор исламистам смотреть передачи спутникового телевидения или предаваться порокам (наркотики, алкоголь, секс), несмотря на риск угодить в тюрьму или лишиться жизни. Но в чем можно видеть адекватную оценку, так это в том, что стремление навязать аскетизм и материальные ограничения разбивается о желание среднего класса пользоваться плодами общества потребления (оппозиция популизму М. Ахмадинежада в современном иранском обществе).

Неофундаментализм объявил войну науке и технологиям (алжирские неофундаменталисты обещают кару владельцам спутниковых антенн), исламисты вдохновлены достижениями науки и технологий, считая своим долгом использовать результаты научного прогресса в целях решения проблем исламского общества. Для них образование является залогом успешного противостояния вестернизаторам, но, главное, исламская общность в состоянии совершить движение в модернизи, связав универсальное интеллектуальное знание с религией. В этом смысле очевиден разрыв с улемами и со светской элитой, для которой ислам – культурная традиция. Новые интеллектуалы позиционируют ислам как универсальную концепцию, объясняющую мир, которая делает возможным рассматривать социальное пространство через систему исламских ценностей; для них наука не выступает инструментом, языком национального объяснения, поскольку священные тексты содержат исчерпывающие директивные указания на должные способы социальной и политической жизни.

Если фундаменталисты (улемы) выводят из текстов этические последствия и политика подчинена требованиям религиозной морали, то интеллектуалы, разочаровавшись в современном государстве, обращают взоры на исламское политическое устройство. Традиционное духовенство существует как корпорация и бюрократия, обладающие легитимностью, но не силой. Новые интеллектуалы не имеют ни того, ни другого: если улемы воспринимаются толкователями священного знания, то «образованным» трудно надеяться на такой же авторитет в обществе, потому что в своем большинстве они не принадлежат к «людям пера», представляют носителей массового знания.

Исламистский проект, как пишет российский исследователь А. Малашенко, содержит упрощенные, доступные простому мусульманину богословские интерпретации с социальным протестом. Несомненна надежда на пассионарное меньшинство, которая

«разбудит» и поведет инертное большинство в будущее исламское общество. Таким образом, исламизм порождается неоднозначностью модернизации общества, формированием слоя «лишних» людей, маргинальной массы, которая, пережив разрыв с традиционным исламом, не обретает уверенности в «полусовременном» обществе. Социальные лифты (образование, профессия, территориальная мобильность) слабо действуют в условиях сословных и клановых барьеров, неразвитой социальной и экономической инфраструктуры, девальвации высшего образования.

Для исламистов ни общество, ни государство не имеют легитимности, так как находятся во власти «отступничества», поддерживают или равнодушно взирают на абберацию исламских ценностей, лицемерно проповедуют идеи благочестия, справедливости, чистоты нравов, хотя многие поражены двоедушием: вера ограничивается совершением обрядов и семейным кругом. В отношениях с государством и на межличностном уровне процветают стяжательство, эксплуатация, безответственность. Они берут на себя роль судьи современного общества и современных нравов. Исламисты видят в государстве инструмент исламизации общества, поскольку государство, действуя методами принуждения, способно изолировать отступников и своей политической и информационной мощью, развитием системы исламского образования и воспитания создать условия для изменения общественной жизни.

Создание *homo islamicus*, современного технократа, который мыслит согласно исламской идеологии и использует современную науку, отделяя ее от западных ценностей, можно считать противоречием в позициях исламистов. Их можно упрекать в идеологическом эклектизме, квазинаучности и в преднамеренном умолчании, что научный дискурс основывается на свободе мысли, на возможности открыто обсуждать проблемы. Для исламистов такой ход мысли кажется ошибочным: только ислам, как универсальное учение, выступает критерием объективности. Уместно напомнить еще об одном факторе, так или иначе консолидирующем исламистские позиции. Они считают, что волей Аллаха именно исламскому сообществу принадлежит наступивший век, исходя из демографического взрыва в мусульманских государствах. Модернизация в исламском варианте, сочетание достижений науки и техники с исламскими ценностями, с исламским образом жизни, делает беспочвенными утверждения, что беды происходят от бесконтрольного роста населения, неспособности в силу патриархального образа жизни освоить современные информационные технологии и, опи-

раясь на демократические ценности, создать общество современного типа.

Ощущая отставание исламского мира от технологического прогресса, будучи не в состоянии привести аргументы в пользу позитивного влияния религии на динамику социальной и экономической жизни, сторонники самобытной модернизации выводят формулу исламизации социального пространства посредством внедрения социальных и образовательных инноваций. Это послужит катализатором для формирования передовых сегментов экономики и науки, способных независимо от Запада продуцировать эффективные технологии. Заметим, что исламисты не только открыты современным технологиям, но и готовы заимствовать психотехники из других культур, например из чань-буддизма, для контроля сознания.

На наш взгляд, в исламизме, как радикальном учении, содержится стремление преодолеть разрыв между интеллектуалами и потенциально революционными, но не просвещенными и не организованными массами, а также желание сохранить позицию «первых среди равных». Возможно, двойственность и является причиной откатов и приливов исламизма. Нельзя спешить с выводами о конце исламизма, бесперспективности исламистского проекта. Дело обстоит сложнее: выигрывая в критике коррумпированных режимов, привлекая население реальным участием в решении социальных проблем, создании социальных сетей, исламисты теряют симпатии в стремлении унифицировать повседневную жизнь, обязать простого человека быть активным, мобилизованным для защиты от внешнего и внутреннего врага. Но что является нормой для меньшинства, не может стать делом жизни масс людей.

Ориентируясь на маргинализированную личность, выпавшую из традиционного общества, исламисты сами не в состоянии выйти из маргинализованности. Отвержение рутинности социальной жизни основывается на надежде построить не просто лучший, а совершенный мир. Надежда, даже если отталкивается от трезвой оценки, «совращает» человека: исламисты предлагают не альтернативную повседневность, в их конструкте исламского общества есть «высокие» позиции и отсутствует место для жизни простого человека. Однако важно понять, что исламистский проект имманентен в системе модернизации исламского общества, фокусирует реальные процессы маргинализации традиционных слоев населения, пытается определить место исламской цивилизации в глобализируемом мире исходя из социально-этических идей религиоз-

ной доктрины. Ислам – это не просто конфессия или вера в определенные религиозные догмы, собственно исламисты актуализируют тотальные интенции ислама, возможности перевода религиозных идей в социально-политические практики. Речь идет о том, что исламисты видят в современности состояние неопределенности, достижения предельной черты, за которой мир либо превратится в универсальный хаос, либо переродится, обретая контуры исламской целостности, неразделенности традиции и повседневности, государства и общества, личности и коллективности. Можно критиковать исламистов вроде бы за реабилитацию пережитых европейской мыслью почвеннических и романтических устремлений, но большей доказательностью, полагаем, обладает оценка исламизма в контексте «прощания с современностью».

Следует уяснить, что европейское социальное знание потеряло авторитет в третьем мире и попытки опровергнуть новые идеологические и общественные движения, исходя из политических и правовых стандартов модернити, в лучшем случае демонстративны. Как замечает создатель концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермас, «первоистоким тем дальше отступают перед натиском современного мышления, чем энергичнее оно подстраивается под них».

Исламисты в силу полупросвещенности находятся между современным научным дискурсом и религиозной архаикой. Можно предположить, что исламизм избегает свойственного маргиналам радикального скепсиса и отчаяния ценой упрощения, перевода «тонкой материи» религиозных текстов в схемы социального и политического действия. По словам О. Роя, можно выявить тенденцию «новой» секулярности. Шариат, как фундаментальный принцип организации и устройства общественной жизни, означает по существу «конец» религиозной трансцендентности. Парадокс реализованного исламистского проекта (Иран) заключается в обмирщении политической жизни, в установлении зависимости религиозного авторитета от воли масс.

Исламисты стремятся к изменению общества на основе сочетания религиозно-этических принципов и достижений науки и техники: ими движет идея достижения социальной гармонии и создания личности перфекционистского типа через инструментализацию дискурсов науки и власти в целях приведения общества в состояние благоденствия, исламской самодостаточности. А. Малащенко пишет об ограниченности исламизма в осознании неизбежности адаптации к иным ценностям как основы материального

благополучия. Следует внести уточнение: исламисты не ставят целью сделать исламское общество обществом потребления, богатым по меркам западной цивилизации, материальное благополучие для них – доступные каждому индивиду блага, которые используются для жизни согласно смыслу ислама. Этика самоконтроля и самоограничения, неотъемлемая в жизни исламского общества, выступает мощным ресурсом развития, позволяющим использовать природное и интеллектуальное богатство общества для установления справедливого социального порядка. Но в чем испытывает трудности исламистский проект и в чем состоит оторванность от социальных реалий современности? На наш взгляд, в стремлении навязать социально неоднородному обществу собственные представления о справедливости и счастье, использовать насилие по отношению к оппонентам, выстроить новые социальные неравенства вместо порицаемых богатства и роскоши.

Объявив войну обществу заблуждения и коррумпированному государству, исламисты находятся в плену предрассудков современного общества: за попыткой нового прочтения религиозного учения стоит позиция деления на «своих» и «чужих», при которой модернизация обречена на воспроизводство практики дискриминации и исключения целых групп населения. Таким образом, социологический дискурс позволяет разработать методологический конструкт и инструментарий, которые позволяют дифференцированно объяснить и понять процессы, происходящие в исламском мире, что может стать основой научного сопровождения региональной политики в конфессиональной сфере.

*«Научная мысль Кавказа»,
Р.-на-Д., 2010 г., № 3, с. 33–39.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 3 (225)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 3/III-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,3
Тираж 500 экз. Заказ № 37

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9